

**Тетрадь
найденная в
Сунчоне**

Роман Ким

- [Ким Роман](#)

-

Ким Роман

Тетрадь найденная в Сунчоне

КИМ РОМАН НИКОЛАЕВИЧ

Тетрадь найденная в Сунчоне

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Текст тетради

Бутылка коньяку

"Яшма вдребезги"

Крах

Бест

Главная контора

"Эй Би Си"

План в действии

Рано утром 24 ноября 1950 года американские войска в Корею начали генеральное наступление. Американцы ставили целью, зажав в тиски, уничтожить основные силы Народной армии Кореи и китайских добровольцев и выйти к корейско-манчжурской границе на всем ее протяжении. Главный удар был нанесен из районов севернее Анчжу и Токчена, где были сосредоточены 1-й и 9-й американские корпуса. Бои начались по всей линии северо-западного и восточного фронтов Кореи.

Всем партизанским отрядам, находившимся в тылу интервентов, было приказано начать активные операции согласно плану, намеченному Главным командованием Народной армии.

Отряд, действовавший в горах южнее Чанрима, получил приказ: ударить по тылам 8-й американской армии, перерезать ее коммуникации и вызвать переполох в прифронтной полосе врага.

Получив этот приказ, отряд сразу же двинулся строго на запад. В пути партизаны истребляли все неприятельские заставы и караулы, обстреляли и уничтожили несколько десятков машин с американцами.

Двадцать шестого ноября около четырех часов пополудни партизаны ворвались тремя группами в город Сунчон, где находился штаб 1-го американского корпуса.

Интервенты никак не ожидали удара с этой стороны. В городе поднялась паника. Большая часть американцев и лисынмановцев сейчас же удрала из города. Но часть лисынмановцев, засевшая на территории химического завода около вокзала, стала обстреливать центральные кварталы города, где еще находились американцы. В разгар перестрелки налетели двухфюзеляжные "Ф-82" и начали с бреющего полета поливать из пулеметов по своим, а после штурмовиков появились легкие бомбардировщики "Б-26". На ракеты и прочие сигналы, подаваемые американцами и лисынмановцами, летчики не обращали никакого внимания, считая их "очередной хитростью корейских коммунистов".

Как только кончилась бомбежка, партизаны пошли в атаку и быстро очистили город от врага.

Штаб отряда обосновался в здании вокзала, построенном еще при японцах. С вокзальной платформы открывался вид на город, лежащий на склонах возвышенности. Большая часть его пылала. Судя по цвету пламени - киноварного оттенка, - город был подожжен бомбами с начинкой из сгущенного бензина напалма. Между двумя огненными столбами чернела островерхая крыша христианской церкви.

На площадь перед вокзалом прибывали один за другим захваченные грузовики и джипы, нагруженные трофеями. Привели несколько пленных американских офицеров, у всех были нарукавные знаки 2-й дивизии: на щите звезда, в центре ее - голова индейца.

В диспетчерскую, где на столе с телефонами сидел командир отделения Ан Пен Хак и перевязывал руку, вбежала Юн Ок Тан - до войны студентка-биолог, ныне переводчица при штабе. Она проговорила: "Скорей, скорей!" - и выскочила из комнаты.

Пен Хак был в трофейном обмундировании - в широкой брезентовой тужурке, подбитой козым мехом, в меховых сапогах, с кольцом в деревянной кобуре, с карабином за спиной и вдобавок с наспех забинтованной рукой, пробитой насквозь двумя пулями. Бежать в таком виде за Ок Тан было трудно. Он влез в джип, совсем задыхаясь. Ок Тан правила машиной, как заправский шофер. Она развила свою обычную скорость, которую называла "скорость спринтера".

По дороге Пен Хак узнал, что, по словам одного из пленных, в здании рядом с методистским молитвенным домом помещались

контрразведка и еще какой-то весьма секретный отдел штаба 1-го американского корпуса. Штабные, разумеется, улизнули первыми, но там, может быть, остались арестованные, их надо спасти.

Взвизгнув на крутом повороте, машина остановилась у самого дома. Он горел. Ок Тан выскочила из машины и побежала во двор. Ее остановили бойцы и сказали, что в дом входить нельзя: он сейчас рухнет. Они уже осмотрели все внутри и никого не нашли. По словам бойцов, арестованных держали в каменном сарае в углу двора. Американцы так торопились удрать, что не успели расстрелять их. Они бросили в окошко сарая гранату, которая только ранила троих. Все освобожденные товарищи уже отвезены на вокзал.

Боец в полуобгорелом ватнике протянул Пен Хаку мокрую папку и портфель из свиной кожи, сказав, что нашел эти вещи в комнате, где на столе лежали большие карты, а в углу горела куча изорванных бумажек и пустых папок. Подошли еще два бойца. Они держали за руки какого-то субъекта в американской форме. На левом рукаве у него была квадратная нашивка: наверху буквы "UN", а под ними "War correspondent". Ок Тан перевела: "Объединенные нации. Военный корреспондент".

- Это, наверно, японец. Он поджег дом, - сказал один из бойцов. - Мы поймали его с бензиновым баллоном.

Человек с корреспондентской нашивкой прохрипел по-корейски:

- Я не японец... меня заставили...

Оба бойца сели вместе с поджигателем на заднее сиденье машины.

Подъезжая к штабу, Ок Тан сделала такой отчаянный поворот, что один из бойцов даже вскрикнул.

Пен Хак и Ок Тан пошли к начальнику штаба, а бойцы с арестованным - в зал ожидания, отведенный для пленных.

Начальник штаба приказал доложить ему содержание документов. В папке, на которой было написано: "Top Secret. Group J" - "Совершенно секретно. Группа Джэй", - оказались листовки на китайском языке - обращение от имени главнокомандующего войсками Объединенных Наций к населению Манчжурии и Монголии.

Начальник штаба в течение всей войны с Японией сражался в армии генерала Линь Бяо и знал китайский язык очень хорошо. Он

молча просмотрел обращение, отобрал один экземпляр, а все остальные приказал сжечь.

- Они собирались пустить в ход эти листовки сейчас же после перехода через Ялу. Уже все приготовили, мерзавцы, - сказал он.

В портфеле оказались: книга - руководство по японским шахматам - и толстая тетрадь в переплете из набивного ситца. Пен Хак перелистал книгу, переводя название глав: дебюты, середина игры, комбинации с летающей колесницей, золотыми и серебряными офицерами, конем и способы защиты. Обычный шахматный учебник, ничего особенного, - таково было его заключение.

Но тетрадь сразу же заинтересовала его. Она была густо исписана по-японски, причем оба японских алфавита - катакана и хирагана - были перемешаны, а иероглифы написаны очень неразборчивой скорописью. Он выбрал страницу наугад и стал разбирать вслух. После двух фраз начальник штаба остановил Пен Хака:

- Надо разобрать все. Садись сейчас же!

В это время Ок Тан, просматривавшая шахматный учебник, вскрикнула:

- Поняла! Тут на каждой странице какая-нибудь одна буква подчеркнута ногтем и номера страниц тоже... Это, наверно, ключ к шифру.

- Трудно будет разобрать, - пробормотал Пен Хак, почесывая голову, так наворочено...

Начальник штаба произнес свое любимое изречение:

- Лучший способ преодолеть препятствие - это преодолеть препятствие.

Вернувшись в диспетчерскую, Пен Хак стал разбирать текст японских записей в тетради. Сперва было очень трудно, но, по мере того как он привыкал к почерку, становилось все легче. Некоторые места, в частности фамилии и имена, были зашифрованы с помощью цифр. Он разгадал их без особого труда: цифры просто обозначали номер страницы шахматного учебника, на которой был подчеркнут тот или иной слоговой знак.

Несколько раз в комнату забегала Ок Тан. Она сообщила, что пойманный поджигатель наконец назвал себя и дал интересные показания, а затем принесла весть о том, что Народная армия и

китайские добровольцы перешли в контрнаступление, уже прорвали линию вражеского фронта и громят 2-ю и 25-ю дивизии трумэновцев.

К утру Пен Хаку удалось преодолеть все препятствия и разобрать текст записей полностью.

Вот что было записано в тетради.

Текст тетради

Из этой старинной беседки на холме открывается прекрасный вид на окрестности города, особенно на дорогу, идущую от Южных ворот. Вдали вырисовывается каменный мост, вправо от него начинается густой сосновый лес. Он покрывает склон горы, заслоняющей горизонт. Я стоял у каменной балюстрады беседки и слушал объяснения моего адъютанта и переводчика Пак Ча Дена.

Эту беседку построил свыше полутора столетия назад Чончон - двадцать второй король из династии Ли. Недалеко отсюда, за горой, поросшей лесом, находится могила его отца - принца Чанхона, умершего совершенно необычным образом.

История кончины принца такова. Он разошелся во взглядах со своим отцом, королем Йончоном, по вопросу о внешней политике королевства. Принц считал, что необходимо завоевать Китай, король был против. Спор окончился тем, что король велел посадить своего наследника в ящик и забить ящик гвоздями. Принц умер на шестой день. Это случилось ровно 188 лет назад, но Пак рассказал так живо и с такими подробностями, словно сам был свидетелем происшедшего.

Король Чончон часто приезжал сюда, чтобы пролить слезу над могилой своего отца. На обратном пути он поднимался на этот холм и бросал из беседки прощальный взгляд в сторону горы. Это вошло в обычай. Все короли Кореи, царствовавшие после Чончона, каждую весну приезжали в Сувон поклониться могиле предка. И все они на обратном пути поднимались в эту беседку, долго смотрели в сторону горы и отвешивали поклон.

Затем Пак стал рассказывать о других исторических событиях, имевших отношение к здешним местам, но я перестал слушать. В моей памяти вдруг всплыл другой день, когда я точно так же смотрел на расстилавшийся передо мною пейзаж. Это было на горе Такатори. Я вспомнил, что случилось в тот день. Затем стал перебирать в памяти дальнейшие события.

Окинув мысленным взором свою жизнь за последние годы, я решил начать эти записи. Тем более что мне нужно как-то скоротать время. Хаш-хаш приедет не раньше чем через месяц, а до этого мне все равно нечего делать. Свой вынужденный досуг я использую для заполнения тетради.

Из этой беседки корейские короли озирали путь, пройденный ими, и отвечивали поклон в ту сторону, откуда пришли. Я проделаю то же самое.

Я кланяюсь в сторону горы Такатори, откуда начался удивительный путь, приведший меня, офицера специальной службы императорской армии, в корейский город Сувон, к холму со старинной беседкой.

Мои записи не предназначены для чужих глаз. Я веду их для самого себя. А от самого себя у меня тайн нет.

БУТЫЛКА КОНЬЯКУ

1

В первых числах июня 1945 года Токийская роза (так прозвали американцы дикторшу наших передач на английском языке) объявила на весь мир о прибытии американского авиационного полка "Летящая стрела" на остров Тиниан. Этот полк был предназначен для чрезвычайной операции, и переброска его из Америки на Тихоокеанский театр производилась в условиях строжайшей тайны. Поэтому сообщение Токийской розы буквально ошеломило неприятельское командование. Мы одержали блестящую победу на фронте эфира.

Все, кто был в курсе дела, поздравляли меня. Я действительно имел право гордиться своей удачей, хотя все получилось совсем случайно.

Наша группа - чины армейского отдела главной квартиры и офицеры штаба Восточного района - была послана на Миурский полуостров инспектировать укрепления, возведенные на побережье Токийского и Сагамийского заливов. Группу возглавлял полковник из адъютантской части главной квартиры, мой старый приятель Дзинтан. Эту кличку ему дали еще в военной академии за сходство с изображением на рекламе пилуль "Дзинтан".

Мы объездили весь полуостров и наконец прибыли в Оихама, где находился аэродром флотской авиации. Здесь наша группа

разделилась. Часть ее направилась в Дзуси, часть осталась в Оихама в ожидании военного министра генерала Анами и только что назначенного начальника главного морского штаба адмирала Тоёда.

Дзинтан предложил мне подняться на гору Такатори, возвышающуюся в центре полуострова, и полюбоваться видом на оба залива, полуостров Босо и горы Фудзи и Хаконэ. Вид был действительно великолепный. Но наш восторг был вскоре омрачен американскими бомбардировщиками. Они летели со стороны Токио, возвращаясь с бомбежки. Один из них направился в нашу сторону, решив, очевидно, пересечь полуостров. Зенитная батарея, спрятанная у подножия горы, дала по нему залп. Самолет вдруг накренился и окутался дымом. Из машины выбросилось несколько человек с парашютами. Их отнесло немного в сторону, они опустились недалеко от того места, где среди деревьев виднелась крыша храма Дзинбу.

Мы стали спускаться по тропинке к храму. Оттуда слышались выстрелы. Мы вытащили револьверы и ускорили шаг. У ворот храма нас встретил капитан с черными жандармскими петлицами. Узнав, кто мы, он пропустил нас.

Перед ступеньками, ведущими к храму, стояли трое пленных, связанных веревкой. Двое из них были молодые рослые парни - сержанты, третий - офицер, невысокий, с прищуренными глазами и маленькими пухлыми губами. На рукаве у него был изображен зеленый лист с молнией посередине - эмблема 25-й дивизии. Вслед за нами в ограду храма вбежал подполковник с черными петлицами. При виде его Дзинтан улыбнулся:

- Здорово, Муссолини! У тебя хороший нюх на дичь, поспел вовремя.

У жандармского подполковника были большие вытаращенные глаза и массивный квадратный подбородок. Кличка ему была дана очень удачно. Он деловито осмотрел пленных и, одобрительно похлопав по груди рослого рыжеватого парня, обратился к двум молоденьким офицерам, стоявшим около пленных:

- Ваши солдаты ополченцы?

Офицер в очках ответил:

- Так точно, призваны месяц назад. Студенты.

- Фехтовать на мечах умеешь?

Офицер в очках осклабился:

- Я был в университетской команде фехтовальщиков.

Муссолини показал пальцем на рыжеватого парня:

- А ну-ка, покажи на нем свой класс. Одним ударом надвое.

Дзинтан кивнул мне:

- Покажи ты сперва.

Я засмеялся:

- Нет, одним ударом не умею. Несколько раз пробовал на острове Макин, но ничего не получалось, только портил материал.

- Вы, наверно, били горизонтально, - сказал Муссолини, - ударом "полет ласточки". Это очень красивый, но трудный удар. Лучше рубить сверху наискось, от плеча к бедру, ударом "опускание журавля".

Флотский лейтенант, стоявший рядом с Дзинтаном, счел нужным вставить замечание:

- А самый чистый удар - это рубить от макушки до копчика на две равные половинки, в стиле Миямото Мусаси...

Дзинтан усмехнулся:

- Говорят, что у вас на флоте усердно изучают этот удар. Тренируются на курах.

Все громко засмеялись, кроме флотского лейтенанта.

Муссолини, пристально посмотрев на пленного офицера, тихо сказал что-то Дзинтану. Американец вдруг упал на колени и торопливо заговорил по-японски, почти без акцента:

- Не убивайте, я не летчик, а штабной офицер. Не убивайте, я все скажу! Не убивайте, пожалуйста!

Он сложил ладони, как на молитве, и поклонился.

Я отвел Дзинтана в сторону и громко сказал:

- Дай мне его. Допрошу по всем правилам. - И добавил шепотом: - А после допроса расправлюсь сам.

Дзинтан кивнул головой и пошел вместе с Муссолини в сторону колокольни, приказав солдатам вести туда пленных.

Я поднялся на веранду храма. Служка провел меня в каморку, где хранились в чехлах статуи и скатанные в трубку картины. Я приказал солдату развязать пленного.

Служка принес на подносе чайник с чашками, рисовые лепешки и палочки для еды. Я усадил пленного на пол перед столиком, а сам сел напротив на сложенный парашют.

Пленный чинно уселся, поджав под себя ноги. Я дал ему сигарету. Он жадно выкурил ее и вдруг, уронив голову на столик, зарыдал. Я предложил ему чашку чаю. Он выпил, сморщил физиономию и вытянул губы, снова собираясь заплакать. Я ударил его по щеке и вежливо сказал:

- Возьмите себя в руки. Вы офицер, а не девочка. У вас еще есть возможность остаться в живых.

Я дал ему выкурить еще одну сигарету и начал допрос.

2

Его звали Альберт Харшбергер. Он был офицером штаба 25-й дивизии, прикомандированным к штабу главнокомандующего союзных вооруженных сил на Тихом океане генерала Макатура. Недавно его послали на остров Тиниан для выполнения специального задания. Дело в том, что на этом острове, хотя с момента взятия его американцами прошло уже около года, в бамбуковых зарослях возле горы Расо еще прятались остатки японского гарнизона. Из-за этого американским офицерам и чинам женского вспомогательного корпуса приходилось воздерживаться от прогулок в лес. Харшбергер успешно выполнил задание - с помощью громкоговорителя он уговорил японцев прекратить сопротивление. Из чащи вышло всего пять человек.

Прежде Харшбергер жил в Японии и работал в лютеранской общине. Он вернулся в Америку незадолго до начала войны.

- Короче говоря, вы были шпионом, - сказал я.

- Нет, я преподавал английский язык в лютеранском богословском институте в Токио...

- Адрес института? Кто директор?

- Район - Накано, квартал - Сагиномия. Директор - американец Хорн. Затем я преподавал в Сеуле, в институте Энки...

- Адрес института? Кто директор?

- Район - Синчон, директор - американец Андервуд.

- Короче говоря, вы занимались шпионажем не только в Японии, но и в Корее. Не будем спорить. А почему вы вдруг стали на колени и захныкали? Догадались?

Пленный закрыл лицо руками.

- Я понял из слов жандармского подполковника... На южных островах мы иногда находили трупы наших офицеров и солдат... и

туземцы подтвердили, что вы... - он остановился, подыскивая слова, - что ваши офицеры заживо вскрывали пленных и брали...

Я кивнул головой:

- Печень, взятая у живого врага и употребленная в пищу, делает воина храбрым и выносливым.

- Нам потом стало известно, что первым это начал у вас полковник Цудзи Масанобу. Сами японцы прозвали его за это Малайским тигром... - сказал пленный, не отнимая рук от лица.

- Это наш старинный воинский обычай, именуемый "кимотори", - сказал я торжественно. - Мы возродили этот обычай. Опустите руки, вы не в женском колледже.

Пленный положил руки на колени. Я продолжал:

- Не будем терять времени. Значит, вы знаете, что вас ждет. Спасти себя вы можете только одним способом: дать нам ценные сведения. Вы штабной офицер и должны знать кое-что. Даю на размышление тридцать секунд. - Я посмотрел на ручные часы.

Пленный заговорил, не дожидаясь истечения срока. Он может сообщить все, что ему известно об экспериментальном применении отравляющих веществ со стороны Америки. Так, например, в ряде районов Новой Гвинеи с американских самолетов были сброшены специальные бомбы для отравления посевов риса и сахарного тростника.

- Это нам давно известно, - сказал я.

Тогда он начал говорить об операции "Олимпик" - плане высадки войск на острове Кюсю. Проведение этого плана намечено на конец осени этого года.

Я сказал, что об этом плане у нас известив даже грудным младенцам. И все знают, что если американцы решатся осуществить высадку в японской метрополии, то не скоро. И если они все же сунутся, то это обойдется им очень дорого.

- Это верно, - сказал пленный. - Даже такой крошечный островок, как Иводзима, площадью в тринадцать квадратных километров, потребовал у нас больших жертв. Мы потеряли почти тридцать три процента высадившихся войск. В Пентагоне, то есть в нашем военном министерстве, считают, что высадка в Японии нам будет стоить трехсот тысяч человек...

- А в нашем Пентагоне - на Итигаядай - уже высчитали, что высадка вам будет стоить пятисот тысяч человек. Эта высадка может кончиться полной катастрофой для вас, потому что вы до сих пор проводили так называемую стратегию Макартура - дрались с нами только на небольших островах, где у нас было мало войск и где нельзя было развернуться. Если бы вы сразились с нами на большом континентальном фронте, например в Китае, мы бы вас расколошматили вдребезги. Все ваши победы в Европе стоят очень дешево. Немцы отступали, а вы бежали за ними и называли это наступлением. Стоило двум немецким танковым соединениям перейти в контрнаступление в Арденнах, как все ваши армии в Европе очутились на краю гибели. Вас спасли русские. Вы умеете драться только тогда, когда у противника в пятьдесят раз меньше войск, танков, самолетов и снарядов, чем у вас. Все ваши победы над нами на островах юга сводились именно к этому. А в самой Японии мы вам преподнесем настоящую войну. Мы впервые столкнемся с вами на большом фронте. Вот тогда и посмотрим, как вы умеете воевать.

- Вы, пожалуй, правы относительно операции "Олимпик", - сказал Харшбергер. - Боюсь, что эту операцию будет очень трудно провести. А что касается операции "Коронет", то есть высадка в Токийском заливе, то думаю, что она вовсе останется на бумаге... Слишком уж дорого это будет нам стоить. Пиррова победа нам не нужна. А тем более катастрофа. Короче говоря, до победы над вами еще далеко. Я недавно разговаривал с начальником штаба Сатерлендом, правой рукой Макартура, и другими штабистами. Все сходятся на том, что путь до Токио займет еще несколько лет...

- Напишите об этом, и как можно подробнее.

- Если я напишу, меня не убьют? - спросил он и попытался улыбнуться.

- Если ваши сведения будут признаны заслуживающими внимания, вас не убьют. Одна из заповедей японской воинской морали гласит: быть великодушным к поверженному врагу. И особенно к врагу, который дал интересные сведения. Мы ценим искренность.

Харшбергер поклонился и, не спрашивая разрешения, взял сигарету из моего портсигара на столике и закурил.

Я закрыл портсигар и спросил:

- Значит, ваше командование считает, что до победы еще далеко?

- Да. И вот поэтому у нас в Вашингтоне очень заинтересовались тем, что происходит сейчас в ваших сановных сферах, связанных с концернами. Нам уже известно, что через несколько дней после капитуляции Германии группа ваших сановников доложила императору свои соображения относительно зондирования почвы для мирных переговоров. Нам известно, что представитель Иокогамского валютного банка в Швейцарии, некий Китамура, получил от пяти главных концернов Японии телеграмму, уполномочивающую его начать предварительные переговоры с американскими деловыми кругами. И мы приказали нашему вице-консулу Лада-Мокарскому, который является в то же время директором филиала банка Шредер, встретиться с этим Китамура...

- Дальше!

- ...Китамура прозрачно намекнул на то, что ваше правительство собирается позондировать почву для начала переговоров с Советским правительством и что проведение этого зондажа поручено бывшему премьер-министру Хирота.

- И у вас в Вашингтоне, конечно, встревожились...

- Очень. Поэтому мы приказали Чан Кай-ши послать в Токио нанкинского сановника Мю Бина для секретных переговоров с вашим премьер-министром...

Я засмеялся.

- О том, что эти тайные переговоры велись по вашему приказу, можно было сразу же догадаться. Пока этот Мю Бин находился в Токио, ваши самолеты ни разу не налетали на город.

Харшбергер сказал, что Америка имела отношение и к другим тайным переговорам, проводившимся раньше, например к переговорам между японским послом в Мадриде Сума и английским послом Хором в 1942 году. Черчилль тогда предложил Японии мир, признав ее права на Северный Китай, но просил взамен вернуть Сингапур и Малайю. Однако Тодзио прервал эти переговоры, потому что как раз в это время немцы начали наступление в России, а Роммель двинулся на Суэц. Эти тайные переговоры в Мадриде велись с ведома Америки.

- Переговоры в Мадриде нас не удивили, потому что тогда ваше положение было критическим. На юге мы были на подступах к Австралии, а на севере уже высадились на Алеутских островах. Но

теперь у Японии уже нет союзников, и положение на Тихом океане изменилось в вашу пользу... Почему вы теперь подсылаете к нам Мю Бина и пытаетесь начать переговоры в Швейцарии? Хотите скорей кончить войну?

- Да. - Пленный многозначительно прищурил глаза: - Видите ли... с приходом нового президента к власти в наших высших военных сферах стали поговаривать о том, что надо скорей кончить войну с вами.

- Напишите об этом, и как можно подробнее.

- Если я напишу обо всем, вы не убьете меня?

- Вы останетесь в живых. Можете поздравить себя.

Харшбергер поклонился:

- Я подробно напишу обо всем. И когда меня будут допрашивать в Токио, на Итигаядай, и еще где-нибудь, я заявлю, что попал в плен... в единственном числе... Больше никого, кроме меня, пленных не было. Ни-ко-го!

Он протянул руку к моему портсигару. Мне показалось, что он подмигнул мне. Я вскочил и, ударив его по щеке, крикнул:

- Встать, мерзавец! Здесь тебе не бар. С тобой разговаривает офицер императорской армии. Веди себя прилично накануне смерти!

Харшбергер поднялся и прошептал дрожащим голосом - на этот раз по-английски:

- Прошу извинить меня, господин подполковник. Не убивайте меня.

- Садитесь, майор, - сказал я вежливо и протянул ему сигарету. - Я уже сказал вам, что можете не беспокоиться за свою жизнь. Вас отправят в самый комфортабельный лагерь, где находятся ваши и английские генералы, в Кусацу.

Он удивленно поднял брови:

- Кусацу? Это же курорт с минеральными водами... Знаменитый курорт...

- Вот туда и поедете. Будете лечиться, играть в бридж и пинг-понг и ждать окончания войны. Я, может быть, тоже приеду туда залечивать рану, иногда она беспокоит меня. - Я повернул голову и показал шрам за ухом.

3

Выкурив сигарету, пленный тихо сказал:

- А в общем, напрасно мы воюем. Зря затеяли эту войну.

- Зря?

- Зря. Так у нас говорят многие. Разрешите говорить откровенно, в порядке, так сказать, приватной беседы...

- Разрешаю. Можете сесть удобнее, скрестите ноги.

- Мы всегда верили, - начал Харшбергер, - что вы пойдете туда, куда вам нужно идти. Мы даже одобряли проведенную вами оккупацию Манчжурии в 1931 году, ибо знали, что эта операция связана с планом войны с Россией, утвержденным вашим императором. Нашей разведке уже давно было известно, что в военных сферах Японии идет спор между сторонниками двух планов - плана Исихара "Вперед, на север" и плана Муто "Вперед, на юг". Мы знали, что 2 июля 1941 года на совещании под личным председательством императора было решено начать войну с Россией. Ваш император принял план Исихара. Но когда немцы подошли к Москве, сторонники плана Муто убедили императора в том, что русские уже проиграли войну и через некоторое время можно будет просто ввести войска в Сибирь и занять территорию до Урала. Вместо войны с Россией Тодзио и Муто предложили захватить Малайю, Индонезию и Австралию, обещав императору, что война на Тихом океане кончится быстро, потому что вслед за Россией капитулирует Англия, и Америка не захочет драться в одиночку. Ваш император поверил Тодзио и Муто, вы пошли на юг и влезли в эту войну. Зачем вы пошли не в ту сторону?

Я пожал плечами и усмехнулся:

- Предъявляйте претензии русским. Они должны были сдать немцам в декабре 1941 года, но не сделали этого и опрокинули план Муто. Теперь уже поздно говорить об этом.

- В наших влиятельных кругах открыто говорят, что война между нами трагическая ошибка и что ее надо исправить. Пока идет эта война, вы являетесь нашим врагом, но дальновидные люди уже считают угрозой № 1 не вас.

Я понимающе кивнул головой:

- Вы рассчитывали на то, что русские придут к финишу войны в Европе еле живые, и просчитались. Сейчас они для вас угроза № 1, а скоро станут врагом № 1.

- Да. Наши лидеры считают, что вторая мировая война должна кончиться утверждением абсолютного лидерства Америки во всем

мире.

- Абсолютного господства?

- Да. Но путь к этому абсолютному лидерству нам преграждают те, кого мы называем угрозой № 1. И в дальнейшем эта помеха будет расти все больше и больше. Нам надо думать о будущем. И прежде всего... о будущем американском "плане Исихара". И тогда Япония будет очень нужна нам. Достаточно сильная Япония, конечно. А отсюда вывод: не в наших интересах разгромить до конца Японскую империю. Надо кончить нашу войну, не доводя друг друга до нокаута.

- Значит, в ваших высших сферах хотят как можно скорей кончить войну с нами?

- Да. Чтобы иметь свободные руки. Чтобы начать как можно скорее...

Издали донесся пронзительный вопль, совсем не похожий на человеческий. Он внезапно оборвался на высокой ноте. Муссолини, очевидно, кончил допрос и принялся за дело. Харшбергер тихо охнул и повалился на пол, закрыв голову руками. Он начал громко икать.

Я налил чаю в чашку, положил на нее накрест палочки и предложил пленному делать небольшие глотки из каждого сектора по очереди.

- Старинное японское средство против икоты. Попробуйте. Если не поможет, попробуем другое, более решительное.

Палочки, положенные крестом, помогли - икота прекратилась. Пора было кончать допрос. Все, что можно было выжать из пленного, по-видимому, уже было выжато. Передо мной сидел уже не человек, а отходы, годные только для смазки меча. Кончал допрос я всегда одним и тем же приемом. Я вдруг вскочил и гаркнул изо всех сил:

- Хватит дурака валять! Все, что вы сказали, - ерунда! Говорите о самом главном! Об этом самом! Считаю до трех! Раз...

Пленный выронил чашку и, протянув ко мне руки, быстро зашептал:

- Подождите, не убивайте. Если насчет Тиниана, то я не говорил потому, что я сам не знаю толком: это ведь сверхсекрет...

Я еще раз крикнул:

- Говори! - И, усаживаясь, добавил обычным голосом: - А что вам все-таки известно?

- Мне известно только то, что на остров Тиниан 29 мая прибыл наземный персонал 509-го полка тяжелых бомбардировщиков из секретной авиабазы в Уэндovere в штате Юта. Полк условно именуется "Летящая стрела". А до этого прибыло пятнадцать самолетов типа "Б-29" этого же полка. Я совсем случайно узнал, что этот полк должен провести какую-то чрезвычайно важную операцию.

- Все это нам известно. А что вы знаете об этой чрезвычайно важной операции?

Харшбергер молитвенно сложил руки и замотал головой.

- Ровным счетом ничего. Клянусь честью офицера. Я только слышал, что имеется в виду пустить какое-то новое оружие... его изготавливают в Ханфорде на берегу реки Колумбия и в Лос-Аламose в штате Нью-Мексико. Для охраны этого секрета организована специальная контрразведка под шифрованным названием "Крипе". И еще я узнал, что операция, которую должен провести 509-й полк, называется "Серебряное блюдо".

- Врете! Нам хорошо известно, что операцией "Серебряное блюдо" называются мероприятия по поставке вооружения и продовольствия Америкой другим государствам. Второй отдел вашего генштаба пользуется именно этим кодированным названием. Вы наврали, думая, что мы ничего не знаем.

- Нет, не вру! Значит, у нас два "Серебряных блюда". Я говорю правду, вот увидите, мои слова подтвердятся. Я сказал вам все, все... и больше я ничего не знаю... клянусь. Я сказал все... - Он быстро замотал головой и упал лицом на столик.

- Ладно, прервем на этом беседу, - сказал я. - Вы еще не все сказали. Придется применить некоторые меры. Пака отдохните и соберитесь с силами.

Я посадил на свое место солдата и пошел искать Дзинтана. Он сидел на камне у колодца и просматривал записную книжку, взятую у одного из пленных. Выслушав меня, Дзинтан сказал, что о показаниях Харшбергера надо будет на всякий случай сообщить начальству на Итигаядай. Он сейчас поедет в Оихама и оттуда позвонит в адъютантский отдел главной квартиры.

- А те двое? - спросил я.

Дзинтан сделал жест фехтовальщика.

- Я показал им, как надо рубить. Одним ударом - от плеча к бедру, наискось. А с другим американцем получилась ерунда. Его дали офицеру из студентов. Он пытался, но ничего у него не получилось, только весь забрызгался. Тогда за дело принялся Муссолини. Он сделал кимотори образцово. Студенты-ополченцы чуть не попадали в обморок... А ты подожди, я доложу начальству и дам тебе знать. Ты, наверно, тоже хочешь отведать?

- Я это пробовал на острове Макин. Тогда тоже поймали летчиков. Но те были brave ребята, а этот такой слюнтяй, что меня тошнит заранее. Еще заразишься от него трусостью. Я просто зарублю его.

Через час от Дзинтана прибыл подпоручик и передал мне, что из Токио получен приказ немедленно доставить пленного в целостности и сохранности в военное министерство. На Итигаядай Харшбергер повторил свои показания. По-видимому, он больше ничего не знал об операциях "Олимпик", "Корнет" и "Серебряное блюдо". Но он очень подробно рассказал о настроениях в Пентагоне и особенно о том, как там уже стали поговаривать о неизбежности "третьей завершающей" войны. По распоряжению военного министра пленного оставили в живых и отправили в лагерь № 7 в Фукуока. Тогда-то Токийская роза и передала по радио сообщение о полке "Летящая стрела". А я был вызван к старшему адъютанту министра и получил награду за исключительное умение допрашивать бутылку французского коньяку "Наполеон".

"ЯШМА ВДРЕБЕЗГИ"

1

Показания американского офицера, искусно откупоренного мной, оказались более ценными, чем я думал. Сведения о том, что в ближайшем будущем может начаться американо-советская война, были признаны совершенно достоверными, так как совпадали с донесениями, полученными от наших военных атташе в Стокгольме и в Берне, которым удалось установить контакт с агентами, обслуживавшими американские разведывательные резидентуры.

Теперь, взирая с этого сувонского холма на минувшее, сознаешь всю смехотворность и нелепость споров, происходивших в последние месяцы войны в наших "высших сферах". Поражаешься недомыслию и недалекновидности тех, кто вершил тогда судьбами империи.

Группа виднейших сановников, тесно связанных с финансовыми магнатами Токио и Осака, твердила: война уже проиграна безвозвратно. Не надо больше раздражать Америку своим упрямством, лучше скорей капитулировать перед ней и развязать ей руки для открытия войны против России. А там посмотрим...

Но наши высшие военачальники, те самые, которые в свое время поддержали Тодзио и Муто и, допустив роковую ошибку - вместо вторжения в Сибирь сбросили бомбы на Пёрл-Харбор, - теперь доказывали: Америка хочет как можно скорее кончить войну на Тихом океане, чтобы начать другую войну. Значит, можно принудить Америку заключить с нами компромиссный мир, оставляющий за империей господствующее положение в Азии. А для того чтобы заставить Америку пойти на уступки, надо показать ей, что мы готовы еще долго драться.

По требованию армейского командования было созвано экстренное заседание Высшего совета по ведению войны. Военный министр генерал Анами и начальник генштаба генерал Умедзу неожиданно огласили проект "Основной программы ведения войны". Премьер-министр адмирал Судзуки и прочие министры сидели вытаращив глаза от изумления. Они впервые слышали об этом проекте.

Стратегический план, вытекающий из этой программы, заключался в следующем. Как только американцы начнут высадку на Хонсю, все наши войска в метрополии, разделенные на две группы армий под командованием фельдмаршалов Сугияма и Хата, завяжут бои на самом берегу. Если нам не удастся сбросить врага в море, мы организованно отойдем в горные районы центральной части Хонсю. Если в ходе боев наши войска окажутся отрезанными друг от друга, каждое отрезанное соединение будет действовать совершенно независимо, проводя так называемую "стратегию дождевого червя".

Как только Япония превратится в театр военных действий, император и правительство переедут в Манчжурию, и временной столицей станет Синьцзин. Защита нового центра империи будет поручена Квантунской армии.

Никто из членов Высшего совета по ведению войны не осмелился выступить против "Основной программы". Анами и Умедзу представили план последней, завершающей стадии войны на

высочайшее рассмотрение. Император утвердил план без всяких изменений. Страна была извещена о принятом решении: воевать до конца, до победы, если даже вся Япония будет испепелена. Если Америка не возьмет обратно Каирскую декларацию, требующую от Японии безоговорочной капитуляции, мы пустим в ход наш план "Яшма вдребезги!" Все японцы должны проникнуться решимостью умереть, разбиться вдребезги, подобно яшме!

Меня и Дзинтана вызвали тогда в секретариат министра и поздравили с назначением: мы были прикомандированы к флигель-адъютантской части в качестве офицеров для особо важных поручений с оставлением в штате армейского отдела главной квартиры.

2

В начале последнего года войны мы применили новое оружие: к небольшим воздушным шарам привязывались бомбы и пускались через океан. Через некоторое время мы узнали о том, что некоторые из этих бомб долетели до Америки и взорвались вдали от населенных пунктов, напугав нескольких лесорубов. Никакого влияния на ход войны эти шары с бомбами оказать не могли.

Значительно больший эффект произвел шар, пущенный нашей сановной кликой по приказу главных концернов. Через представителя иокогамского валютного банка в Швейцарии Китамура американцам были подброшены сведения о том, что будто бы между Токио и Москвой начались какие-то переговоры. Чтобы подкрепить эти сведения, бывшему премьер-министру Хирота было поручено съездить на курорт в горах Хаконэ, где находился советский посол Малик. Визиты Хирота имели целью прощупать позицию советской стороны. Но ничего, кроме мнения Малика о погоде и об окрестных пейзажах, прощупать не удалось. Однако представители нейтральных государств - шведский и швейцарский посланники - узнали о поездке Хирота: первый - от японского виконта, приятеля по игре в гольф, а второй - от учительницы, обучавшей его супругу чайной церемонии.

Разумеется, мы не знали тогда о том, что теперь известно всему миру: в Ялте было заключено секретное соглашение, согласно которому Советский Союз дал твердое обещание своим союзникам вступить в войну с Японией вскоре после завершения войны с Германией. Как показало будущее, русские точно выполнили это обещание.

Но как бы то ни было, наша комбинация удалась. Швейцарский и шведский посланники в Токио передали полученные ими сведения по назначению. Американцы забеспокоились. Они вовсе не собирались честно выполнять свои обязательства в отношении русских. И поэтому они не верили русским, так же как гейши не верят никому, ибо сами всегда первыми нарушают свои обещания.

Решив, что русские хотят надуть их, вашингтонские гейши стали подмигивать нам. Об этом можно было судить по передачам из Сан-Франциско. Сенатор Кейпхарт сейчас же выступил с заявлением о том, что не нужно настаивать на безоговорочной капитуляции Японии. Такие требования, сказал сенатор, могут только затянуть войну. А журналы "Лайф" и "Тайм" заявили: если Америка не пойдет на компромисс, ей придется принести в жертву не менее миллиона солдат.

Убедившись в том, что их шар достиг цели, сановники решили продолжать подготовку почвы для переговоров. Их не останавливало то, что государь уже одобрил план войны до конца. Они решили запугать его. Они говорили, что военное положение ухудшается с каждой минутой не только на фронтах, но и внутри империи. Население уже дошло до утюгов из глины и кастрюль из камня: отобрана не только вся металлическая утварь, но даже вата из постельных тюфяков. Если война затянется до зимы, могут возникнуть беспорядки, которыми воспользуются красные. Над империей нависнет опасность революции.

Тот, кто пугает, начинает пугаться сам. Пэры из верхней палаты вызвали представителей тайной политической полиции и министерства иностранных дел, чтобы получить информацию о росте влияния красных внутри и вне империи. Представитель тайной полиции заявил, что подпольные группы красных существуют в районе Осака, префектуре Кагава и даже в военно-морской базе Йокосука. Красное подполье существует и действует.

Но еще более тревожным оказался доклад представителя министерства иностранных дел - Огата, бывшего советника нашего посольства в Манчжоу-Го, а до этого секретаря посольства в Москве. Не жалея красок, он нарисовал страшную картину усиления коммунистического влияния во всем мире. И так увлекся, что сам во

время доклада дважды пил валерьянку с камфарой. Слушатели последовали его примеру.

В верхней палате началась паника. Стенограмму доклада вместе с картой всего мира, испещренной большими красными пятнами и стрелками, немедленно представили князю Коноэ, а князь всеподданнейше доложил обо всем государю. После доклада, как говорили, в августейшие покои срочно вызывали лейбмедика.

3

Вскоре после того как император утвердил план "Яшма вдребезги", среди офицеров столичного гарнизона стали распространяться листовки, отпечатанные на мимеографе. Их выпускала тайная организация, созданная офицерами центральных военных учреждений по примеру Отряда божественных воинов, Общества Маленькой вишни и других офицерских организаций, существовавших в прошлом.

В организацию входили офицеры главной квартиры, военного министерства, генштаба и штаба Восточного района. Затем в нее стали вступать офицеры лейб-гвардии, столичного гарнизона и частей, дислоцированных вокруг Токио.

Организация имела в виду поставить у власти наделенное чрезвычайными полномочиями военное правительство - без штатских. Это правительство добьется почетного мира с Америкой и совместно с ней осуществит тот план, который уже был однажды утвержден государем и не был отменен, а только отложен на время из-за решения провести сперва план Муто "Вперед, на юг".

Дзинтан и Муссолини предложили мне вступить в организацию - поставить на листке свою личную печатку и скрепить ее знаком клятвы, надрезать мизинец и приложить его к бумаге. Я ответил, что еще не разобрался как следует в создавшейся ситуации и хотел бы немного подумать. Я решил посоветоваться со своим старым покровителем и земляком, состоящим ныне в резерве, генерал-лейтенантом Осьминогом. Так мы прозвали его, когда он был начальником военного училища. В свое время он участвовал в нескольких офицерских заговорах и за причастность к убийству премьер-министра Инукаи даже подвергся наказанию - просидел неделю под домашним арестом.

Разговор с Осьминогом произошел в противовоздушной щели, вырытой в заднем дворике его дома в Усигомэ, в квартале Вакамия. Старик устроился вполне комфортабельно: дно щели было устлано циновками, сделан брезентовый навес - на стенках полки для посуды и табачного прибора - и, так как часто приходилось ночевать в щели, поставлена жаровня для обогривания ног.

Ничего путного Осьминог мне не сказал. Я вылез из его щели совсем разочарованный. Я понял, что старик - верный сподвижник ушедшего на покой Тодзио - окончательно утратил всякое представление о реальной действительности. Эти старики генералы, которые затеяли войну с англосаксами, вовсе не собиравшимися воевать с нами, теперь старались как-то оправдать себя. Осьминог а течение нескольких часов угощал меня разговорами о том, что виноваты во всем наши военные цензоры, которые по неграмотности часто пропускали на фронт письма с иносказательными текстами, извещавшими солдат о неверности их жен из-за нехватки продовольствия в метрополии. Эти письма подорвали боевой дух армии.

Но война, утверждал старик, еще не проиграна. Боги спасут Японию. Государь уже совершил вместе с членами правительства и чинами высшего военного командования поездку в Исэ для вознесения молитв основательнице династии богине Аматерасу. Надо устроить теперь всенародное молебствие. Затем надо послать к американцам самого красноречивого офицера из осведомительного сектора армии, который расскажет им о том, что их ожидает в Японии в связи с планом "Яшма вдребезги" и какие виды секретного оружия имеются у нас. Как только американцы узнают о нашем секретном оружии, они пойдут с нами на мир, чтобы сообща употребить это оружие по назначению, то есть против русских

Я поблагодарил старика за интересные сведения и откланялся. Я по-прежнему не знал, к кому примкнуть, к тем, кто за немедленную капитуляцию, или к тем, кто за попытку еще немного поторговаться с Америкой.

Я верил в эффективность плана "Яшма вдребезги" в случае, если придется применить его. Оставался вопрос о секретном оружии - можно ли положиться на него как на козырь в игре с Америкой?

Мне было кое-что известно о работах, которые проводились у нас по части секретного оружия.

Двое ученых - Нисина и Аракацу - работали в области атомной энергии, но их дело пока что находилось в начальной стадии. Гораздо успешней шла работа в Симада, где проводились опыты над особыми лучами, которые могли на расстоянии останавливать моторы и воспламенять взрывчатые вещества. Но и здесь до торжества еще было далеко: лучи пока что действовали лишь на расстоянии нескольких метров. Большие надежды возлагались на так называемую бомбу "Кэ" с радиодистанционными трубками. Говорили, что такие бомбы будут сами направлять свой полет на объект и попадание их будет гарантировано. Главное военно-техническое управление считало, что эта бомба будет готова примерно через год. Если мы затянем войну еще на год, у нас будет новое оружие, поражающее без промаха.

Нашим главным секретным оружием являлась бомба "И", изобретенная генерал-лейтенантом медицинской службы Исии Сиро. Она представляла собой небольшой фарфоровый сосуд величиной с китайскую дыню, начиненный самыми действенными болезнетворными бактериями. Главная лаборатория, изготовлявшая эти бомбы, находилась в Токио, в квартале Вакамацу, рядом с особняком Исии. После того как в ней произошел пожар, уцелевшее оборудование перевезли в Ниигата и на Хоккайдо. Центрами производства этих бомб стали две лаборатории в Маньчжурии. Одна, именуемая "отрядом № 731", находилась в Пинфани, около Харбина, другая - "отрядом № 100" - в Могатоне, около Синьцзина. Бомба "И" уже прошла все испытания в Китае и Манчжурии, дала хорошие результаты и была принята на вооружение.

Нам, офицерам главной квартиры, было известно, что государь дал аудиенцию генерал-лейтенанту Исии и, заслушав его доклад о проведенных им научных изысканиях, пожаловал высокую награду: орден Благословенного сокровища 1-й степени.

Итак, из наших козырей пока был готов только один. Отличный козырь, но стоит ли пускать его против Америки? Чтобы ответить на это, надо было решить кардинальный вопрос: как быть с происходящей войной?

Теперь, весной 1950 года, мне кажутся поистине нелепыми мои тогдашние колебания. Но человек всегда становится умнее, когда выясняется исход дела. А тогда я не знал, чем все кончится и как действительно отнесутся к нам американцы после нашей капитуляции. Мог ли думать я, что, высаживаясь на наших островах вскоре после церемонии подписания акта о капитуляции на палубе "Миссури", американский главнокомандующий уже тогда смотрел на нас как на будущих союзников? Мог ли думать я, что он, по чьему приказанию эскадрильи "Б-29" устраивали кошмарные "ковровые бомбежки" наших городов, воевал больше с нестроевыми японцами, чем с нашими офицерами и солдатами, которых он сохранял для будущего? Правда, если бы я был более наблюдательным, то заметил бы, что американские бомбардировщики истребляют густо населенные районы бедноты в Токио - Ситая и Асакуса, но не сбрасывают ни одной бомбы на квартал Маруноути, где стоят здания наших крупнейших концернов, и на кварталы, где возвышаются самые лучшие отели и самые вместительные дома антисейсмической конструкции. В задачу "Б-29" не входило разрушение зданий, в которых должны были со временем разместиться американские военные учреждения.

Да, тогда, в начале лета 1945 года, я многого не понимал.

Немаловажной причиной моих колебаний было то, что с самого начала своей карьеры по линии специальной службы я работал по Китаю и в русских делах не был достаточно осведомлен. Вот поэтому я одобрял вначале план Муто "Вперед, на юг", считая, что первейшей задачей нашей империи является покорение всего Китая и что для закрепления этой победы необходимо овладеть всеми подступами к Китаю с юга - Индо-Китаем и Малайей, подобно тому как мы уже овладели подступами к Китаю с севера - Манчжурией и подступами к Манчжурии с юго-востока - Корейским полуостровом.

И кроме того, я вначале полагал, что нашим главным врагом на территории Китая является гоминдановское правительство, а не китайские красные.

Только во время войны, а именно после Пинсиньгуаня, где 8-я армия Чжу Дэ разгромила наши войска под командованием Итагаки, я окончательно понял: наш враг в Китае - красные, а гоминдановцы во главе с Чан Кай-ши - это будущие союзники, с которыми мы обмениваемся выстрелами только в порядке недоразумения.

И с тех пор начались мои сомнения. Моя вера в план Муто стала таять. Я стал подумывать о том, что наша война на Тихом океане - большая ошибка. И как раз в это время произошла моя встреча с Харшбергером. Она открыла мне путь к прозрению.

Вскоре после этого небо помогло мне сделать еще один шаг на пути к истине. Однажды утром, придя в свою служебную комнату, я увидел на полочке положенную кем-то книгу. На ее обложке было написано: "Последняя война", а в конце книги указано, что она отпечатана на средства автора и не предназначена для продажи.

Это было сочинение известного генерал-лейтенанта Исихара Кандзи - того самого, который в бытность начальником оперативно-стратегического отдела генштаба переработал существовавший до него план "Оцу" - план захвата русского Приморья - и составил новый план войны с Россией, предусматривающий захват всей Сибири до Урала. Благодаря этому плану Исихара сразу же стал всеяпонской знаменитостью.

После возникновения войны между Германией и Россией последовало высочайшее решение об осуществлении плана Исихара. Но торжество автора плана оказалось преждевременным. Сторонники продвижения на юг вскоре уговорили государя провести в первую очередь войну с англосаксами, чтобы закрепить завоевания в Китае и утвердить господство Японии над всей Юго-Восточной Азией.

С тех пор как началась война на Тихом океане, Исихара оказался в положении опального военачальника. Пока все шло хорошо, о нем не говорили. Но как только пошли неудачи, стали припоминать его аргументы против неразумности войны на Тихом океане и восхищаться его прозорливостью.

Особенно усердно занималась прославлением Исихара группа политических деятелей - членов Лиги Восточной Азии, возглавляемой самим Исихара Кандзи. С Лигой поддерживали связь виднейшие генштабисты-россиеведы во главе с заместителем начальника генштаба Кавабэ и бывшим начальником штаба Квантунской армии Касахара. Короче говоря, Лига Восточной Азии объединяла всех исихаровцев.

Затем стало известно, что с Лигой установили тесную связь глава концерна Мицуи - Икеда и представитель дипломатической

бюрократии, бывший посол в Лондоне, Иосида. И тот и другой выполняли поручения наших финансовых магнатов.

В сочинении генерала Исихара говорилось о том, что, хотя Америка и Россия состоят сейчас в одной коалиции, скоро это положение изменится и между ними начнется схватка. Через всю книгу проходила мысль: у Америки и Японии - общий враг, в будущей войне они должны быть вместе, и чем скорее кончится эта глупая война, тем будет лучше для обеих сторон.

Я прочел эту книгу трижды. С таким интересом до этого дня я читал только одну книгу - трактат для сагаских самураев "Сокрытое в листе", кодекс правил поведения настоящего воина.

Проштудировав сочинение Исихара, я почувствовал, что сделал еще один шаг на пути к полному прозрению. Так, наверно, чувствует себя буддийский монах, пройдя первый из восьми этапов к спасению души - "этап правильного смотрения". Но кое-какие сомнения еще оставались. Надо было избавиться от них.

6

В штабе Восточного района я однажды встретил своего старого знакомого подполковника Ии. До начала тихоокеанской войны мы долго работали вместе в органе специальной службы в Шанхае - я по связи с немецкой разведывательной организацией в Китае ("бюро Эрхардта"), а он по русской белоэмигрантской колонии. Затем нас обоих перевели в генштаб, в так называемый "восьмой сектор" - специальный сектор по проведению особых акций. Затем я был направлен на фронт, а Ии перешел в 5-е, то есть русское, отделение 2-го отдела генштаба. Он считался там одним из лучших россиеведов.

Ии затащил меня к себе в офицерское общежитие около Кагурадзака, совсем недалеко от дома Осьминога. Ии ничуть не изменился. Та же круглая физиономия с добродушной улыбкой и с крохотными умными глазками, которые всегда оставались серьезными. Несмотря на маленькую кругленькую фигурку с очень короткими руками, Ии держался с большим достоинством, разговаривал медленно, спокойно, без всякой жестикуляции.

Он угостил меня русской водкой, только что привезенной из Москвы. Офицеры 5-го отделения 2-го отдела генштаба по очереди ездили в Россию в качестве дипкурьеров, прикрываясь чужими паспортами. Мы разговорились.

- Нужно скорее прекратить эту идиотскую войну, - сказал Ии. - На любых, даже на самых тяжелых условиях, лишь бы уцелела династия. Надо поскорей окончить эту войну, чтобы сохранить как можно больше сил для последующих действий. На этот раз уже совместно с Америкой. Мы тогда быстро возместим все потерянное. Вместо островков на Тихом океане, Манчжурии и Кореи получим всю Сибирь - до Урала, а еще лучше - до Волги. Согласен на такой обмен?

Я кивнул головой:

- Но лучше было бы удержать все наши владения в Азии и прибавить к ним Сибирь. Почему вы все-таки против того, чтобы заставить Америку пойти с нами на ничью?

- Потому что для этого придется еще воевать и нести потери нам и американцам тоже. А это глупо. Нам и Америке нельзя ослаблять себя попусту перед лицом общего врага. Это во-первых. А во-вторых, продолжая войну с Америкой, мы вынуждаем ее откладывать начало войны с Россией. А на русских надо броситься скорее, пока они не отдышались. Чем дольше будет продолжаться война на Тихом океане, тем больше мы дадим русским времени для передышки.

Доводы Ии были неоспоримы.

- А у них действительно скоро начнется? - спросил я.

- Как только заключим мир с американцами, узнаем все, - ответил Ии и хихикнул.

Наша беседа была прервана появлением нового гостя Ии представил нас друг другу. Услышав имя полковника Цудзи, которого знала вся наша армия, я стал почтительно разглядывать своего нового знакомого. Бритая голова, густые брови, пронизывающий взгляд, внушительная осанка - это был воин с головы до ног. Я вспомнил рассказы о том, как этот полковник, прозванный Малайским тигром, первым стал совершать кимотори над пленными англичанами и американцами. Он проделывал эту операцию в строгом соответствии со старинным церемониалом.

Полковник включил радио и стал шептаться о чем-то с Ии. Я решил откланяться. Ии выключил радио и сказал Малайскому тигру:

- Пусть слушает. Офицеры главной квартиры все равно узнают об этом.

Сообщение Цудзи было очень интересным. Маршал Янь Си-шань прислал своего офицера к генерал-майору Ямаока - начальнику штаба

1-й армии - с предложением заключить тайное соглашение о совместном выступлении против китайских коммунистических войск в Шаньси. Посланец Янь Си-шаня сообщил генерал-майору Ямаока о том, что по сведениям, имеющимся у гоминдановцев, в ближайшем будущем может возникнуть война между Америкой и Россией, ввиду чего Японии и Китаю следовало бы объединиться для борьбы с коммунизмом в Азии.

Генерал Ямаока был известен как один из самых правоверных исихаровцев. Начало войны между Германией и Россией застало его на посту военного атташе в Москве. Говорили, что он каждую неделю извещал генштаб о том, что, судя по всем данным, русские прекратят сопротивление к концу недели, затем стал предсказывать падение Москвы и трижды назначал срок. Наконец "предсказателя" отозвали в Токио и через некоторое время послали на китайский фронт, где он решил заняться вместо прогнозов политикой: стал готовить почву для переговоров с гоминдановцами.

Сообщив новость, Цудзи бесцеремонно растянулся на циновке и прогудел:

- Войну надо кончать. Это ясно всем, кроме кретинов. И надо заблаговременно договориться с гоминдановцами, чтобы не дать китайским красным захватить Китай.

Когда Ии провожал меня до передней, я спросил его:

- Значит, вы... то есть исихаровцы, считаете, что план "Яшма вдребезги", утвержденный государем...

Ии почтительно наклонил голову при упоминании государя, затем тихо сказал:

- Этот план - бред самоубийцы. Военный министр, кажется, хочет все-таки испробовать его на деле. Говорят, что по ночам он, стоя у окна в своем кабинете, показывает язык луне. Все адъютанты знают об этом... Это ужасно, что сейчас, когда империя находится в такой опасности, ее военный министр сумасшедший. А государь, к сожалению, не замечает...

После этого разговора с Ии я еще раз прочитал "Последнюю войну" и окончательно убедился в том, что генерал Исихара - самый прозорливый политик во всей поднебесной.

КРАХ

Декларация из Потсдама, предлагающая Японии сдаться, была передана по американскому радио рано утром 27 июля. Спустя час в главное управление жандармерии и департамент полиции начали поступать сведения о том, что текст декларации, записанный тайком и переведенный на японский язык, уже распространяется по городу. Затем стало известно, что через ворота Сакасита проследовали в августейшую резиденцию князь Коноэ и председатель Тайного совета барон Хиранума - поехали шушукаться с лордом-хранителем печати маркизом Кидо. На Итигаядай тоже началось экстренное совещание. Военный министр Анами пригласил к себе всех армейских лидеров.

Мы сидели до вечера во флигель-адъютантской части, ожидая новостей. Дзинтан поехал в министерство и обещал позвонить оттуда. Два молодых офицера - Кацумата и Минэ, недавно переведенные к нам из Квантунской армии, сообщили мне, что все старшие чины Квантунской армии, находившиеся в Токио по служебным делам, только что получили приказ немедленно вылететь в Манчжурию.

- Наверняка там что-то начнется, - сказал капитан Кацумата и, вздохнув, ударил ладонью по эфесу сабли.

Капитан Минэ тоже стукнул по эфесу и прошептал:

- Может быть, сегодня ночью решим кончить войну с Америкой и пойдем на русских...

- Боюсь, Квантунская армия сейчас не так сильна, - сказал я. Кое-какие части пришлось, вероятно, послать в Китай и в метрополию.

Оба капитана решительно опровергли мои опасения. В составе Квантунской армии, сказали они, сейчас находится несколько отдельных армий. В случае возникновения войны с Советским Союзом Квантунская армия начнет развивать операции, предусмотренные планом Исихара. Для решающего удара в направлении Байкала предназначены отборные части, подчиненные непосредственно командующему Квантунской армией, например соединения "Добродетель", "Дорога", "Контроль" и 2-я воздушная армия. А на 1-м, восточно-маньчжурском фронте, стоят наготове ударные соединения "Острие", "Журавль", "Скала", "Непоколебимость", "Решимость", "Дальний замысел" и другие. Им поручено взять в течение суток Владивосток и Хабаровск. А если будет признано необходимым вести оборонительную войну, Квантунская армия сможет укрыться за тремя линиями укреплений, которые строились в течение последних

четырнадцать лет. В сравнении с ними знаменитые линии Мажино и Зигфрида не более чем простые деревянные заборы.

- Ну, вряд ли Квантунской армии прикажут вести оборонительные операции, - сказал я. - Приказ № 1 будет состоять из одной фразы: "Вперед, до Урала!"

Минэ торжественно сказал:

- И в авангарде пойдут не танки, а дезинфекционные отряды. Потому что до приказа № 1 будет издан приказ № 0: "Пустить в ход секретное оружие!"

Не дождавшись звонка от Дзинтана, я позвонил Муссолини, но не застал его. Тогда я решил поехать к Осьминогу. Старик был дома, в постели. Пожилая благообразная служанка прижигала ему спину курительной свечкой - ставила моксу. Закончив лечебное прижигание, она сердито посмотрела на меня и вышла не поклонившись. Старик уже был осведомлен. Группа армейских лидеров во главе с военным министром Анами единогласно решила повернуть к стопам государя просьбу: не обращать внимания на Потсдамское предложение и продолжать войну до почетного мира.

Спустя несколько дней, по категорическому требованию армейского командования, премьер-министр адмирал Судзуки был вынужден выступить с официальным заявлением о том, что правительство решило оставить без внимания предложение из Потсдама. Токийская роза передала заявление на английском языке. Осведомительное бюро дало указание всем газетам печатать изо дня в день на самом видном месте лозунги: "Воевать до конца!", "Вооружимся бамбуковыми копьями и проведем решительный бой в метрополии!", "Сто миллионов японцев готовы разбиться вдребезги, подобно яшме!"

2

Шестого августа вечером ко мне зашли после дежурства Дзинтан и Кацумата.

- Что нового? - спросил я Дзинтана.

Он сказал, что только что разговаривал по телефону с начальником общего отделения Ставки майором Сакакибара. Майор сообщил, что особых новостей нет. Министр после обеда уехал отдыхать в Атами.

- Говорят, что вчера был большой налет на Нисиномия и Такасаки. Охота им тратить бомбы на такие города! Там ведь только общежития для эвакуированных школьников, - заметил я.

- А сегодня утром бомбили Хиросиму, - сказал Кацумата, - причем американцы сообщили по радио, что испробовали какую-то бомбу нового типа. Но в штабе противовоздушной обороны пока что не получено никаких сведений.

Дзинтан поделился более интересными новостями. Сейчас тайные переговоры ведутся не только между командованием наших войск в Шаньси и Янь Си-шанем, но и между главнокомандующим наших войск в Китае Окамура и начальником гоминдановского генштаба Хо Ин-цинем. Вероятно, Чан Кай-ши скоро начнет операции против коммунистов. Уже с ноября прошлого года наши войска в Китае стоят на месте - война там уже фактически прекратилась, и значительная часть войск Чан Кай-ши блокирует районы, занятые коммунистами.

В ту ночь не было налетов. На следующий день меня послали в Оихама, где проводились испытания нового типа пикирующего бомбардировщика "Ки-115", предназначенного специально для смертников. Испытания прошли хорошо. Конструктор объяснил нам весьма остроумное устройство колес у самолета. Они будут автоматически отделяться от самолета сразу же после его взлета, и их можно будет использовать для других машин. Летчикам-смертикам колеса нужны только для того, чтобы взлететь в небо и остаться там навсегда.

На обратном пути я заехал в Йокогаму, чтобы выполнить поручение Осьминога - передать письмо капитану Сасаки из отряда "Утреннее солнце" 3-й пехотной бригады. Капитан пригласил меня в закрытый офицерский ресторанчик, находящийся в районе пристани. В ресторанчике оказался довоенный запас вин, не разбавленных водой, а штат служанок состоял из бывших гейш, укрывшихся от трудовой повинности. Мы провели время довольно весело. Когда захмелевший Сасаки заговорил о том, что всем бабам скоро придется научиться бросать гранаты, чтобы выполнить долг перед государем, самая старая из служанок, игравшая на сямисене, позволила себе сделать не совсем почтительное замечание. Я схватил ее за волосы и, вытащив в коридор, ударил несколько раз ногой, заставил извиниться и спеть пять раз подряд песню "Выйдешь в море трупы в волнах". Мы пили до утра.

Я вернулся в Токио на следующий день вечером и рассказал Дзинтану о результатах испытания бомбардировщика "Ки-115". Потом спросил:

- Что там за штуку сбросили позавчера? Что сообщают из Хиросимы?

Дзинтан сказал, что в восемь часов пятнадцать минут утра над городом появились два американских самолета. Их появление не вызвало особой тревоги, так как над Хиросимой часто пролетали американские разведывательные самолеты. Один из них сбросил бомбу, которая взорвалась в пятистах метрах от земли как раз над мостом Аиои, в центре города. После ослепительной вспышки раздался грохот, к небу поднялся огненный шар, а затем появился грибообразный столб дыма высотой в несколько сот метров. В городе начался пожар. Гарнизон почти не пострадал, штаб Западного района тоже, но сгорело много жителей, в том числе несколько тысяч эвакуированных детей, живших в общежитиях. Интересно то, что на стенах каменных зданий отпечатались от вспышки бомбы силуэты деревьев, а на лестнице банка Сумитомо - силуэт какой-то женщины, от которой ничего не осталось. Газетам строгойше запрещено помещать какие-либо сообщения о Хиросиме.

- А что сообщают американцы?

- Сам президент выступил по радио и объявил, что была сброшена бомба нового типа - атомная.

Я покачал головой:

- Значит, это и есть та самая операция "Серебряное блюдо". А я-то думал, что высадят где-нибудь десант... Значит, они пустили в ход свой козырь. И почему именно сейчас?..

- Ходят слухи, что американцы собираются высадить десант в Токийском заливе,- сказал Дзинтан. - Мне говорили об этом офицеры штаба Восточного района.

В то время ни я, ни Дзинтан еще не знали сокровенного смысла хиросимской бомбы - "Гильды", как нежно окрестил ее президент Трумэн. Теперь нам известно, что он знал о том, что через два дня русские вступят в войну и постараются побыстрее разгромить нас. Следовательно, сбрасывать эту бомбу на Японию уже не имело смысла.

Бомба, разорвавшаяся в воздухе над японским городом Хиросима 6 августа 1945 года, была направлена в другой адрес и рассчитана не столько на стратегический эффект, сколько на политический.

Но все это мы поняли позже.

3

Вернувшись к себе в кабинет, я развесил противомоскитную сетку и лег спать на диване. Ночь была очень душная, но вскоре из-за воздушной тревоги пришлось спустить шторы на окнах, и комната превратилась в настоящую жаровню. Я остался в помещении, так как в последнее время американцы перестали сбрасывать бомбы на августейшую резиденцию. Налет "Б-29" продолжался минут сорок.

Около двух часов ночи меня разбудили. Муссолини, приподняв сетку, хлопал меня по ногам. За ним стоял капитан Миками, адъютант Осьминога. Он держал в руке керосиновую лампочку. У обоих был такой вид, что я сразу же вскочил и вытащил из-под подушки мешочек с амулетом и револьвер.

- Высадились? Начали? - взволнованно спросил я.

Муссолини пробормотал что-то и стал вытирать рукавом лицо. Я быстро оделся и направился к дверям:

- Пошли скорей!

Но они оба повели себя очень странно. Муссолини сел на диван, взял с моего стола веер и начал медленно обмахивать голову. Щеголеватый Миками с прилизанными волосами тоже сел и что-то зашептал. Я прервал его:

- Что ты мямлишь? Говори как следует!

- Начали... - с трудом произнес Муссолини и, закрыв глаза, откинулся на спинку дивана.

- Начали, - прошептал Миками и показал пальцем на карту, висевшую над диваном. Это была карта Манчжурии и Восточной Сибири.

Началось! Началось то самое, о чем мы, воины империи, мечтали двадцать лет, - война с Россией. Но как началось!

Миками стал рассказывать, глотая слова. Полчаса назад было получено первое сообщение о том, что на границах Манчжурии начались военные действия. Советское правительство присоединилось к декларации трех держав и решило заставить Японию прекратить войну.

Весь вопрос теперь заключался в том, пущена ли уже в ход бомба "И" или нет. В армейском отделе главной квартиры не было никого, кроме дежурных. Они знали только одно: началось - и больше пока ничего. Я позвонил во флигель-адъютантскую часть, Дзинтана там не было. Мы направились в министерство. По радио еще ничего не объявляли, но чрезвычайные вести разносятся с быстротой тайфуна. Пологая улица, ведущая на Итигаядай, была заполнена машинами и мотоциклами.

За всю войну ни разу не собиралось так много людей в такой поздний час в здании министерства. В эту ночь "переулок новостей" переместился в самый дальний коридор в подвале, куда выходили двери комнат старшего адъютанта министра и секретаря министра. Все имевшие доступ в министерство столпились здесь, как на платформе подземной дороги в часы "пик".

Генерал Умедзу, переговорив по прямому проводу с командующим Квантунской армией Ямада, прибыл к Анами. В кабинете министра шло чрезвычайное совещание. Были вызваны фельдмаршалы Сугияма и Хата, все члены Военного совета, главнокомандующий войск Восточного района генерал Танака и другие члены высшего командования.

Мы простояли до утра, изнемогая от духоты и нетерпения, и дождались конца совещания. Когда в коридор стали выходить генералы, мы окружили их и начали наперебой расспрашивать, забыв о всякой дисциплине и правилах приличия. Мы превратились в толпу оголтелых репортеров. Генералы молча отмахивались от нас.

Начальник главного управления военно-воздушных сил Терамото бросил на ходу:

- Все предусмотрено.

Шедший рядом с ним командующий 11-й армией Фудзиэ пробормотал:

- Теперь начинается настоящая война.

А маленький толстенький генерал с большими глазами - это был командующий 13-й армией Доихара - весело крикнул:

- Квантунская армия - первая в мире! Абсолютно непобедима!

По всем коридорам вдруг пошли слухи: войска 1-й армии уже ведут бои в районе Гродеково. Соединение "Счастье-долголетие" из состава 17-й армии уже заняло Посьет. 2-я воздушная армия генерал-

лейтенанта Харада уже провела массированный налет на Читу. А соединение "Искреннее сердце" уже перерезало дорогу Владивосток - Хабаровск.

Я закрыл глаза и задержал дыхание. В первый раз в жизни я возносил от глубины сердца молитву богам - всем богам, какие только существуют на свете. Стоявший рядом со мной артиллерийский полковник шепнул мне:

- Наши танки, наверное, уже идут через Монголию, чтобы выйти к Байкалу.

Минут через пять с другого конца коридора ко мне протискался Миками, обливающийся потом, с растрепанными волосами, и сказал мне на ухо:

- Наши части уже форсировали Амур и с боем взяли Благовещенск. Линия Хабаровск - Чита перерезана!

И наконец, пронесся слух, которого ждали все: секретное оружие "И" введено в действие, бомбы сброшены на семнадцать городов Сибири!

Кто-то закричал:

- Его величеству банзай!

Все подхватили.

Теперь требовалось только одно: чтобы все слухи подтвердились.

4

Но подтверждений не поступало. В утренней сводке главной квартиры говорилось только о налетах американцев за истекшие сутки на среднюю и западную части Хондо, на Кюсю и Токио. А с нового фронта никаких сведений еще не было. В генштабе прослушали передачу на японском языке из Хабаровска, но в ней тоже ничего не говорилось о боях на границе.

Зато стали поступать сведения с другого фронта. Этот фронт находился у нас под самым носом. На нем с утра стали разворачиваться весьма тревожные события.

В 10.30 было созвано экстренное заседание Высшего совета по ведению войны. Премьер-министр Судзуки и министр иностранных дел Того заявили, что, после того как Советский Союз определил свою позицию, исчезли последние остатки надежды на успешное окончание войны. Продолжать войну при создавшихся условиях - это рисковать всем, то есть судьбой династии.

Незадолго до конца заседания было получено сообщение из Нагасаки о том, что в 11 часов утра там была сброшена вторая атомная бомба. На этот раз пострадала окраина города - район, где находились медицинский институт, богадельня и католический храм.

Сидевший рядом с Анами премьер-министр шепнул ему:

- Эта бомба требует от нас соответствующего вывода.

Анами прошептал в ответ:

- Штаб 18-й армии сообщает, что никаких потерь. Только жители.

Подождем с выводами...

Заседание совета окончилось в 14.00. Никакого решения не было принято.

В 14.30 началось экстренное заседание кабинета министров. Заседание продолжалось до 22.00 без перерыва. Во время заседания было получено сообщение: советские войска с боем вступили в пределы Маньчжурии, с запада в районах станции Манчжурия и Трехречья и с востока - к югу от Хунчуня. Советские танки прорвали линию наших пограничных укреплений.

Большинство министров склонялось к тому, что продолжение войны может создать опасность для династии.

В 23.55 в августейших апартаментах началось чрезвычайное совещание под председательством государя. Кроме членов Высшего совета по ведению войны присутствовал председатель Тайного совета. Военный министр сказал: "Всецело уповая на то, что нам будет ниспослана свыше возможность благополучно завершить войну, необходимо дождаться выяснения позиции Америки, а пока продолжать войну в Манчжурии". Выслушав речь военного министра, государь одобрительно кивнул головой.

В это время министру подали только что расшифрованную телеграмму командующего Квантунской армией. Советские танки продвигались вперед. Ввиду быстрого наступления советских войск с

трех сторон на Харбин секретному отряду № 731 был отдан приказ подготовиться к эвакуации.

Прочитав телеграмму генерала Ямада, государь закрыл глаза и после недолгого размышления приказал правительству запросить союзные державы: не повлияет ли принятие Японией условий мира на ее государственный строй?

Совещание окончилось в 2.30. Эта ночь была лунной и очень жаркой. Американские самолеты не появлялись, но вместо них со стороны дворцового рва налетело несметное количество комаров. Все присутствовавшие на совещании беспрерывно хлопали себя по лицу - отгонять комаров дымом было нельзя, ибо в высочайшем присутствии не полагалось курить.

Во исполнение высочайшего повеления министерство иностранных дел послало директивы нашим посланникам в Швеции и Швейцарии - обратиться к неприятельским державам с предложением дать заверения относительно послевоенного статуса верховной власти императора.

Факт вступления в переговоры с врагом держался в строжайшем секрете от всей страны. В утренних газетах было опубликовано обращение военного министра. Он призывал население империи, сплотившись воедино, продолжать войну.

5

Советские танки продвигались вперед. На западе прошли Халхин-Гол, на севере - Сахалин, а на востоке оставили позади себя Пограничную, Санчагоу и Дуннин. Линия 1-го фронта была прорвана. Советские танки мчались во весь опор к Пинфаню.

Двенадцатого августа в 2.00 по американскому радио было передано заявление государственного секретаря Бирнса о том, что после капитуляции Японии права императора и правительства будут ограничены властью главнокомандующего союзных войск в Японии. Министр иностранных дел доложил государю об этом ответе. Государь созвал совещание членов императорской фамилии и повелел доложить обстановку в Манчжурии. Советские танки продвигались вперед. Противник занял на южном берегу Амура Лобэй и Лахасусу, на западном берегу Уссури - Хутоу, а на западно-маньчжурском фронте Аргунь. Все члены высочайшей фамилии во главе с августейшими

братьями принцами Титибу, Такамацу и Микаса - высказались в пользу немедленного открытия переговоров с Америкой и Англией.

Затем началось экстренное заседание кабинета министров. Генерал Анами выступил с заявлением о том, что армия с негодованием отвергает все разговоры о мире, ибо мир означает безоговорочную капитуляцию, а капитуляция перед Россией в то время, когда еще остается надежда на заключение мира с Америкой на приемлемых условиях, - это самоубийство империи.

Вскоре после начала заседания кабинета министров небольшие группы офицеров стали разъезжать по городу на грузовиках и разбрасывать листовки, призывающие свергнуть правительство штатских. Среди офицеров распространились слухи о том, что Квантунская армия перешла в контрнаступление.

Заседание кабинета кончилось поздно ночью. Министры разошлись, не приняв никакого решения. В полночь были получены новые сообщения. Советские танки продвигались вперед. Они уже прошли горные перевалы Большого Хингана. Холун-Аршанская линия укреплений была прорвана. После этого была получена еще одна телеграмма, коротенькая, но совсем не поддающаяся расшифровке. В штабе Квантунской армии, очевидно, перепутали все номера шифровальных таблиц. Это бывает в двух случаях - когда дела идут или слишком хорошо, или слишком плохо.

На следующий день, 13 августа, в 14.35 началось заседание Высшего совета по ведению войны. Представители военного командования снова заявили: надо продолжать войну до почетного мира. В ответ на просьбу премьер-министра информировать правительство о действительном положении на фронтах Манчжурии генерал Анами, посмотрев на потолок, сказал, что на фронтах Манчжурии проводятся военные операции, подробности которых не могут быть оглашены, так как являются военной тайной.

Затем было созвано экстренное заседание кабинета министров. Оно продолжалось до вечера. Министры снова разошлись, не приняв никакого решения. За весь день было получено с фронта только одно сообщение. Советские танки продвигались вперед. Они уже подходили к Солуню, Хулиню и Муданьцзяну.

Поздно ночью ко мне в служебную комнату пришли Кацумата и Минэ, очень взволнованные. Они разговаривали с майором -

советником министерства здравоохранения Манчжоу-Го, только что прилетевшим из Синьцзина. Он привез страшную весть: лаборатории в Пинфане взорваны.

Минэ еле слышным голосом добавил:

- Русские за три дня уже отмахали двести шестьдесят километров.

- Вся надежда теперь на отряд номер сто в Могатоне,- сказал я. - Но он тоже может скоро очутиться под ударом. Надо скорей эвакуировать препараты в Японию.

- Население уже знает о положении в Манчжурии, - сказал Кацумата. Ходят слухи о том, что в ближайшие часы будут сброшены русские воздушные десанты на Хоккайдо и в район Цуруги. А на Итигаядай говорят, что Америка на днях предъявит ультиматум России.

После недолгого молчания я сказал:

- Насчет высадки русских - это враки. А ультиматум... Это вполне вероятно...

- Неужели не успеем пустить в ход бомбу?! - прошептал Кацумата. Почему раньше не заготовили? О чем думал этот болван Исии?

- Эту бомбу надо начинать только в самый последний момент, - пояснил я, - чтобы начинка была свежей и действеннее. Вся надежда теперь на Могатон. Если не отстоим его...

Кацумата закрыл лицо руками и зарыдал, Минэ тоже.

6

С утра 14 августа над городом появились американские самолеты и стали сбрасывать вместо бомб листовки с текстом ответа на запрос нашего правительства.

В 10.45 в августейшем бомбоубежище началось совещание под председательством императора. Кроме шести членов Высшего совета были вызваны все министры и председатель Тайного совета. Недаром сановники совещались всю ночь - они готовились к последнему бою. На этом совещании император должен был принять окончательное решение. Незадолго до начала совещания император, очевидно по наущению сановников, повелел представить ему последнее донесение командующего Квантунской армией. Пришлось представить. И как назло, квантунские шифровальщики на этот раз не перепутали таблиц. Текст донесения был убийственно ясен от начала до конца. Советские

танки продвигались вперед. Ввиду приближения их к Синьцзину все лаборатории отряда № 100 в Могатоне пришлось взорвать.

Выслушав в последний раз доводы сторонников и противников продолжения войны, государь закрыл глаза и просидел так в течение нескольких бесконечно долгих минут. Ровно в полдень он поднес платок к глазам и объявил свою волю:

- Приготовьте текст указа о прекращении войны.

Все выслушали высочайшее решение стоя, закрыв лицо руками.

7

Даже теперь, по прошествии четырех с половиной лет, я невольно вздрагиваю, когда вспоминаю те ужасные дни. Тогда нам казалось, что империя гибнет, что страна богов исчезает навсегда со страниц истории, как исчезают время от времени островки-атоллы в Тихом океане в результате землетрясений.

До сих пор я не могу объяснить, что тогда толкнуло меня, всегда трезвого, уравновешенного человека, на такой безрассудный шаг. События тех дней - середины августа 1945 года - теперь пробегают в моей памяти как обрывки страшного сна, виденного в детстве.

Связно рассказать о событиях той ночи и того утра я не могу. Покойный генерал Анами, как говорили, видел на луне иудино дерево и сидящую на нем белую лисицу, которая кивала ему головой. Иудино дерево на луне он еще мог видеть, ибо таково древнее поверье, но белая лисица была, несомненно, плодом расстройств ума, которое стало быстро прогрессировать у министра на почве переутомления, вызванного напряженной работой над планом "Яшма вдребезги".

И у меня тоже на почве переживаний и хронической бессонницы в те дни произошло частичное расстройство ума. Только этим я могу объяснить свои действия в ночь, предшествующую дню капитуляции, - 15 августа. И именно поэтому моя память сохранила только обрывки событий.

Помню, как я пришел к Дзинтану проверить, имеются ли сведения о том, что русские собираются высадить авиадесант около самого Токио, на аэродроме Токородзава. У Дзинтана сидели Муссолини и майор Хатанака из лейб-конвоя. Они сказали мне, что сведения о предстоящей высадке русских верны. Затем Дзинтан сказал мне, что тайная офицерская организация токийского гарнизона решила свергнуть правительство и упросить государя объявить указ о

продолжении войны против России. Выступление назначено на 23 часа.

На вопрос Дзинтана, присоединяюсь ли я к ним, я ответил "да".

Майор Хатанака предупредил меня: в случае неудачи придется покончить с собой, поэтому надо иметь при себе конверт с предсмертной запиской и деньгами на похороны. И добавил улыбаясь:

- Можно приложить прощальное стихотворение, и, если успеете, придумайте красивое посмертное буддийское имя.

Дзинтан сердито перебил его:

- Это на всякий случай. В успехе дела можно не сомневаться. - Он хлопнул меня по спине. - Как только генерал Анами сформирует правительство и заявит о том, что все восемьдесят миллионов японцев станут смертниками, Америка предложит нам ничью, и мы заключим с ней сепаратный мир. Тогда начнется самое интересное.

Тогда никто из нас не знал, что эти сведения о предстоящей высадке русских парашютистов в Токородзава были простой болтовней. Но в те дни мы верили любому слуху, касающемуся русских. И если бы вдруг кто-нибудь позвонил мне и сообщил: "Советские танки продвигаются вперед, в сторону Осака!" - я бы, вместо того чтобы подумать, сразу же машинально передал это сообщение дальше.

Вскоре я узнал, что источником слуха о советском авиадесанте и о намерении правительства сдать столицу империи русским были листовки, сброшенные в окрестностях Токио, в районе Иногасира, с какого-то таинственного самолета - не то нашего, типа "Хамаки", не то американского "Пи-51". Так эта история и осталась невыясненной.

8

Ровно в 23.00 в одной из комнат августейших апартаментов государь подошел к микрофону и стал читать текст указа:

- "Я, приняв во внимание положение во всем мире и нынешнее состояние империи и желая чрезвычайным путем урегулировать обстановку, объявляю моим преданным и благочестивым верноподданным следующее. Я приказал имперскому правительству известить Америку, Англию, Китай и Советский Союз о принятии совместной декларации.

...Я в свое время объявил войну Америке и Англии только ради того, чтобы обеспечить независимую политику империи и спокойствие

Восточной Азии, не имея, разумеется, в помыслах нарушать суверенитет других стран и посягать на их владения.

...Когда я думаю о верноподданных, погибших на поле брани и на своих рабочих постах, о всех тех, кто лишился жизни необычным путем, мои пять внутренностей разрываются от скорби.

...Я знаю истинные чувства верноподданных, но при нынешнем положении вещей должен стерпеть то, что нестерпимо, и вынести то, что невыносимо..."

Голос государя был записан на пластинку. На церемонии записи присутствовали министр без портфеля, директор Осведомительного бюро Симомура и несколько членов министерства двора и сотрудников Радиоцентра. По окончании записи они сейчас же окружили звукозаписывающий аппарат и стали передавать друг другу пластинку. Офицер армейского отдела главной квартиры, стоявший у двери рядом с двумя полковниками из флигель-адъютантской части, не успел заметить, кто взял пластинку последним. Затем сотрудники Радиоцентра быстро уложили в чемодан аппарат и микрофон и вместе с министром Симомура покинули апартаменты.

Было 23 часа 20 минут. Выступление началось ровно за 20 минут до этого.

9

В мятеже приняла участие только горстка офицеров, главным образом лейб-гвардейцев, и несколько десятков членов крайне правых организаций Виллы журавлиного клёкота. Школы великого Востока и Общества ясного духа. Остальные не сочли нужным примкнуть к выступившим. Среди них уже распространились вести о катастрофическом положении в Манчжурии. Вскоре эти вести подтвердились: советские танки продвигались вперед, шли с трех сторон на Синьцзин, фланги Квантунской армии уже были смяты.

Участники мятежа заняли все восемь ворот, ведущих в августейшую резиденцию, и убили командующего лейб-гвардией генерал-лейтенанта Мори, отказавшегося дать подчиненным ему полкам приказ о выступлении. Мы долго и тщетно искали пластинку, на которой был записан с августейшего голоса указ о капитуляции, чтобы предотвратить передачу этого указа по радио.

Вскоре мы убедились, что наше выступление не поддержано столичным гарнизоном. Под утро в наш штаб позвонил один из

адъютантов военного министра и сообщил, что Анами и ряд других генералов покончили самоубийством. Это сообщение принял я. Адъютант добавил:

- Все мы сейчас идем на дворцовую площадь, последуем за их превосходительствами. Члены верноподданнических организаций тоже идут с нами.

Увидев, что я стою навытяжку и кланяюсь, Дзинтан выхватил у меня трубку и стал слушать. Потом, улыбнувшись, сказал:

- Вы решили разбиться вдребезги подобно яшме? Хорошо. Мы тоже придем. Спокойной смерти.

Он объявил всем, что операция по захвату власти прекращается ввиду кончины генерала Анами, намечавшегося на пост главы чрезвычайного правительства. Все решили пойти на площадь и умереть.

В разгар прощальной выпивки прибыл на грузовике отряд капитана Сасаки из Иокогамы - 20 солдат и 30 учеников технического училища - членов верноподданнической организации. Сасаки вызвался передать по радио обращение ко всем верноподданным, в котором будут объяснены причины выступления, - оно было направлено не против государя, а против тех, кто слишком рано сдался России.

Дзинтан предложил мне поехать с Сасаки, а после передачи приехать на площадь. К тому времени он и другие уже будут мертвы. Их трупы я смогу найти по именованным конвертам.

Он сказал Сасаки, чтобы тот заставил покончить с собой не только своих солдат, но и школьников. Чем больше трупов будет на дворцовой площади, тем лучше. Американцы скажут: "Все эти верноподданные умерли, чтобы выразить свою любовь к императору. Династия - это святыня для японцев, не будем ее трогать". Чем больше трупов, тем лучше.

- Мы приедем, - сказал Сасаки и низко поклонился всем.

Я тоже поклонился и сказал:

- Мы приедем. Спокойной смерти.

В дверях я столкнулся с незнакомым полковником, худощавым, высокого роста. У него были усы, свешивающиеся вниз на корейский манер. Он отозвал Дзинтана в угол и стал шептаться с ним. Я еще раз поклонился своим друзьям и вышел из комнаты.

С передачей по радио ничего не получилось из-за воздушной тревоги. Радиостанция не работала.

Мы вышли из здания Радиоцентра, сели на грузовики и решили в последний раз в жизни проехать по городу. Поехали на Кудандзака, затем на набережную реки Сумида и оттуда направились к дворцовой площади.

10

Подъехав к набережной Нисикитё, капитан Сасаки приказал всем слезть с грузовиков и построиться. Он произнес краткую речь о том, что государь, раздираемый чувством жалости к богоизбранному народу, принесшему в жертву сотни тысяч своих лучших сынов и дочерей в священной борьбе за счастье империи, и ощущая тревогу за будущее человечества, соизволил сегодня ночью наложить на себя руки и отойти в иной мир. Все истинные верноподданные, приняв на себя вину в том, что не смогли уберечь августейшую жизнь, должны последовать за его величеством. Все обязаны пойти сейчас на площадь и выполнить свой великий долг.

Окончив речь, Сасаки приказал отряду следовать за ним. Несколько солдат вдруг отделились от нас и побежали к грузовику. За ними побежали другие. Я выстрелил в них, но не попал. Выстрелил Сасаки, и один из солдат упал. Остальные прыгнули в машину и умчались.

Сасаки командовал оставшимся:

- Шагом - марш! - и пошел впереди, четко отбивая шаг.

Перед нами открылась дворцовая площадь. Здесь всегда царил торжественная тишина, но в то утро она была особенно торжественной. В разных местах площади лежали, люди, группами и в одиночку. Все - в одной и той же позе: ничком, подобрав под себя ноги, как будто совершали земной поклон в сторону высочайшей резиденции. Возле каждого виднелись конверты и свертки.

За деревянной оградой перед мостом, ведущим к главным воротам, стояли полицейские. В нескольких шагах от них сели на землю двое штатских в костюмах защитного цвета, положили свертки около себя, поклонились в сторону дворца и выстрелили друг в друга. Спустя некоторое время двое полицейских подошли к ним, уложили в подобающей позе, отодвинули свертки в сторону, чтобы они не

промокли в крови, и пошли за ограду. Полиция не мешала верноподданным уходить из жизни, а только следила за порядком.

На краю площади у самой балюстрады трупы лежали в несколько рядов. Все они были в военном. Я кивнул головой Сасаки и, показав пальцем в сторону балюстрады, быстро пошел туда. Здесь в три ряда ничком лежало около двадцати трупов. В последнем ряду около трупов не было ни конвертов, ни свертков. Во втором ряду - конверты с именами Дзинтана, Муссолини, Хатанака, Кацумата и Минэ.

Может быть, это объяснялось необычной позой моих друзей и тем, что смерть вообще преобразует людей, но все они показались мне не похожими на себя. Дзинтан казался выше ростом, а Муссолини более толстым. Но сомневаться не приходилось - на конвертах значились их имена, и к тому же из-под Дзинтана торчал эфес его сабли из слоновой кости с серебряной отделкой. Я снял фуражку и поклонился. Затем выбрал место для себя. Позади Кацумата лежал труп, возле которого не было ни сабли, ни конверта. Я положил около него свою саблю, револьвер и конверт с предсмертным стишком и деньгами, решив умереть как раз между Дзинтаном и Кацумата.

Сзади послышалось шуршание гравия. Подошли три юнкера, откозыряли мне и, поклонившись в сторону ворот, сели на землю. Один из них отвинтил крышку фляжки, отпил глоток и передал другому.

Я взглянул в сторону Сасаки. Он отвел остатки своего отряда на другую сторону площади. Некоторые уже сидели на земле, другие стояли. Сасаки сидел впереди всех, низко наклонившись вперед, - он, по-видимому, уже кончился. Ему надо было зарезаться последним, а он поторопился, решил подать пример. Один из сидевших упал на бок с торчавшим в животе тесаком и громко закричал, затем стал корчиться. Раздались подряд два приглушенных выстрела, и двое впереди упали. Но стоявшие сзади медлили, очевидно заколебались. Я сделал им рукой знак - скорей! - но они не заметили моего жеста. Тогда я подбежал к ним и крикнул:

- А вы что стоите? Чего ждете?

Никто мне не ответил. Я повторил вопрос:

- Чего ждете? А где солдаты?

- Ушли, - сказал кто-то из мальчиков.

Они стояли, сбившись в кучу. Когда мы ехали по улицам и время от времени стреляли в воздух, эти юнцы держались молодцами, но здесь, на площади, их мужество быстро растаяло. Самому старшему из них было не больше шестнадцати лет.

- Садитесь и выполняйте ваш долг, - приказал я спокойным голосом. - Не позорьте звание смертника.

Сзади появились несколько человек. Судя по их виду, они попали сюда случайно и остановились поглазеть. Одни из них были в грязных фуфайках и коротких штанах, другие в рабочих халатиках. На отворотах их халатиков белели иероглифы: Смбаурский завод.

- Скорей! - Я кивнул головой мальчугану в очках и с белой повязкой на лбу. - Покажи своим друзьям, что ты японец. Подай пример. Письма и деньги приготовили?

- Нет... а винтовки мы оставили в машине, - ответил он, смотря в сторону, - и тесаки оставили...

- Нож есть у кого-нибудь?

После недолгого молчания кто-то ответил:

- Есть, но не годится. Перочинный.

Я полез в задний карман, но запасного револьвера там не было. Когда я вытаскивал руку, что-то выпало на землю - мешочек с амулетом. Я подобрал его и засунул обратно в карман.

- Господа учащиеся не хотят умирать, - прошепелявил кто-то сзади, - а вы заставляете насильно...

Я обернулся. Передо мной стоял пожилой субъект в измятой каскетке и в промасленном саржевом костюме.

- Не твое дело! - крикнул я. - Проходи. Нечего смотреть.

- Они совсем сопляки, им незачем умирать, - сказал другой, загорелый, в фуфайке с короткими рукавами. - Отпустите их.

- Иди, не мешай! Застрелю! - пригрозил им я, хлопнув себя по карману.

Круглолицая женщина в шароварах поддержала рабочего:

- Война кончилась... скоро по радио объявят...

- Если пузо чешется, валяйте сами, а других не тащите, - продолжал загорелый.

Я оглянулся. Учащиеся быстро, почти бегом шли в сторону театра "Империал". У меня не было никакого оружия. А этих было пятеро и

одна женщина. Один из них на всякий случай снял деревянную сандалию с ноги и держал наготове.

- Бандиты! - сказал я сквозь зубы и плюнул. - Скоты.

Пожилой поцокал языком:

- Не надо ругаться. Не срамите себя перед смертью.

Тот, что стоял с сандалией в руке, хотел что-то сказать, но пожилой остановил его. Они пошли в сторону парка. Я долго провожал их взглядом, стиснув зубы.

Вот эти враги империи теперь поднимут голову. Кто будет бороться с ними, чтобы защитить парчовое знамя с августейшим гербом? Верные слуги государя сейчас умирают на этой площади. И чем больше будет трупов на площади, тем легче будет врагам империи осуществить свои черные замыслы.

Над площадью низко пролетели самолеты. Они сбросили листовки. Листовки медленно, как лепестки вишни, опускались на трупы. Я поднял одну, упавшую возле Сасаки. Она призывала всех верных слуг государя идти с оружием на гору Атаго - бороться до конца за честь и достоинство императорской хризантемы.

Я засунул листовку в карман. Теперь красные поднимут голову. Кто будет бороться с ними? Война кончилась, начинается другая!

Я направился к горе Атаго, но пройти к ней не удалось. Весь район уже был оцеплен полицейскими и жандармами, они никого не пропускали. Я подошел к пожилому полицейскому чиновнику и сказал:

- Я иду не к восставшим. Хочу пройти на гору и выбрать место для смерти. Только для этого.

- К сожалению... никого не пропускаем, потому что там засели бунтовщики. Лучше будет вам пройти на дворцовую площадь, там, кажется, нет оцепления, - ответил полицейский чиновник.

Я вынул коробку сигарет и предложил ему. Он поклонился и взял сигарету.

- На дворцовой площади уже собираются зеваки, - сказал я. - Не хочется на глазах у всех... Здесь, на горе, было бы хорошо.

- В таком случае идите в парк Уэно, - посоветовал чиновник, - там около храма Кан'эй никого нет. Только положите около себя визитную карточку или служебный пропуск и напишите адрес ваших родных. - Он снова почтительно поклонился.

Я пошел, сам не зная куда. Возбуждение, охватившее меня с ночи, проходило, как будто кончалось действие наркотика. Тело начинало мертветь, двигались только ноги. Я шел по какому-то пустырю, усеянному битой черепицей, кусками жести, закопченными камнями. Среди куч пепла торчали изогнутые фонарные столбы и черные деревья с остатками ветвей. За чугунной оградой в щели стояли, вцепившись друг в друга, черные куклы - заживо сгоревшие люди. Я выбрался на асфальтированную дорогу с трамвайными рельсами. Шли люди с узелками - и люди и узелки были такого же цвета, как выжженный пустырь.

Я дошел до уцелевшего квартала. Около громкоговорителя стояла толпа. Полицейский делал знаки рукой прохожим и велосипедистам, чтобы они остановились и сняли головные уборы. До меня долетели слова:

"Заботиться о благоденствии подданных империи и стремиться к тому, чтобы все страны разделяли радость совместного процветания, - таков завет моих небесных предков, и я неустанно действовал в этом направлении... Когда я думаю о верноподданных... мои пять внутренностей разрываются от скорби..."

Это был голос государя - его указ о прекращении войны. Толпа стояла молча, не двигаясь, не выражая ни скорби, ни радости. Начали играть государственный гимн. Толпа продолжала молчать.

Я прошел еще несколько кварталов, сравнительно мало пострадавших, но совсем пустынных. На углу улицы перед сгоревшей полицейской будкой лицом ко мне стояла молодая женщина со сбившейся набок прической и укачивала ребенка, привязанного к спине. Я подошел к ней и спросил, какой это квартал. Женщина улыбнулась и ответила: "Я теперь стала журавлем и скоро улечу". Затем, игриво покачивая головой и притопывая, она повернулась ко мне спиной. К ее спине была привязана цветочная ваза с отбитым горлышком. Я опять пошел, едва волоча ноги и пошатываясь. На одном из трамвайных столбов я прочитал название остановки и понял, куда меня привели ноги. Поднявшись по крутой узенькой улице, я свернул в первый переулочек и дошел до ворот дома Осьминога. Но дома не было - куча досок, обломки дверей, битые черепицы, осколки посуды. Около покосившихся ворот валялся измятый железный шкаф. Дом, очевидно, был разнесен гранатами.

Собрав последние силы, я поплелся дальше. И вскоре увидел перед собой знакомую решетчатую дверь общежития, где жил Ии. Тихо открыв ее, я опустился на порог. Мои силы иссякли.

Служанки сняли с меня сапоги и втащили в комнату Ии. Двери на веранду были открыты. В углу садика офицеры жгли папки с бумагами, другие спускали на веревках в большую яму ящики, завернутые в брезент. Я заметил среди офицеров Миками и уже знакомого мне высокого полковника с корейскими усами. Он сортировал бумаги - одни рвал и бросал в костер, другие откладывал в ящик. В комнату вошел Ии без кителя, в рубашке, выпачканный копотью и землей. Он вытер руки полотенцем, сел около меня и стал ловко массировать мне плечи.

- Все разбилось вдребезги... - прохрипел я. - А дом нашего старика...

- Старик жив, - успокоил меня Ии и рассказал, как все произошло.

Утром к дому Осьминога подъехала группа штатских и, видно спутав с домом какого-то министра, стала швырять в него гранаты. Старик находился в саду и поэтому уцелел, хотя был контужен. Когда ошибка выяснилась, молодчики извинились перед ним и увезли его куда-то... Наверное, члены верноподданнической организации.

- Я немножко отдохну, потом пойду все-таки... на площадь, - сказал я.

- И чего ты влез в эту глупую историю? Поверил слуху о русском десанте? - стал упрекать меня Ии. - Советую остаться в живых и спрятаться на время. Всех, кто участвовал в выступлении, будут арестовывать как бунтовщиков. А как у тебя насчет американских пленных? Совершал кимотори?

Я молча кивнул головой.

- Значит, тебе угрожает американский военный суд. Придется сесть в бест, - бросил он и вышел.

Старушка служанка принесла бутылку красного вина и заставила меня выпить целую чашку. Она сказала, что сейчас вымоет меня, а потом наклеит на спину лечебный пластырь. Я отмахнулся.

Вошел Ии и, сделав знак старушке, чтобы она удалилась, сказал:

- С убежищем устроили - бест надежный. Сегодня же отправим тебя в деревню. Посиди там, а когда можно будет, я вызову тебя.

- А вы что будете делать? Чистить ботинки русским, когда они высадутся?

На лице Ии появилась улыбка - он мог улыбаться в такой день!

- Горе-рубаки провалили войну, теперь выступим на сцену мы, офицеры специальной службы, и сделаем все, чтобы спасти империю.

- Поздно спасать ее. Вам остается только одно - встретить русских, стоя на четвереньках, - с горькой усмешкой сказал я.

- Нет, русские не высадутся, - продолжал спокойно Ии. - Нашим главнокомандующим в Китае и на юге вчера ночью уже послано высочайшее повеление о прекращении боевых действий, но командующему Квантунской армией приказано биться до конца, невзирая на указ о капитуляции. Зря вы вчера охотились за указом. Он ведь не распространяется на Манчжурию. Война там будет продолжаться. На днях туда вылетает принц Такеда и передаст генералу Ямада дополнительные директивы государя. А тем временем в Японии высадутся американцы, и империя будет спасена от революции.

- А как насчет "завершающей" войны? Американцы должны начать ее немедленно, чтобы не дать русским взять Манчжурию. Должны послать свои войска на помощь Квантунской армии.

- Для того чтобы начинать войну против русских, американцам надо сперва высадиться в Японии и создать базу, а затем перебросить большую армию в Манчжурию или Корею. Без этого плацдарма на материке им нельзя начинать...

- Так надо скорее... Нельзя терять ни одной минуты! Русские идут... - Я встал и, прихрамывая, заходил по комнате.

- Еще есть надежда. Садись. - Ии наклонился к моему уху и зашептал: Дело в том, что спустя час после объявления по радио указа о капитуляции американское командование прислало радиogramму в адрес генштаба о том, чтобы в Манилу были срочно присланы представители главной квартиры для получения распоряжений относительно процедуры капитуляции. Но... интересно то, что начальник штаба Макартура генерал Сатерленд потребовал, чтобы от нас был прислан либо заместитель начальника генштаба генерал-лейтенант Кавабэ, либо бывший начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Касахара. Тот и другой видные специалисты по

русской линии. Оба занимали в свое время пост военного атташе в Москве.

- Если только для получения директив относительно процедуры, то почему требуют именно исихаровцев?..

Ии пожал плечами:

- Пока мы ничего не знаем. Мы можем сказать только одно: еще есть надежда...

- Значит, все зависит теперь от Квантунской армии? Если она продержится, то есть надежда, что мы заключим мир с американцами, гоминдановцами и англичанами и после этого...

- Да. Наши вылетят в Манилу завтра или послезавтра. Квантунская армия должна продержаться во что бы то ни стало...

- А что сообщают из Манчжурии? Я знаю только вчерашнюю сводку.

- По последним сообщениям, советские танки подходят к Таонаню.

- К Таонаню? Если они под Таонанем, то уже поздно. Судьба Квантунской армии уже решена, американцы опоздали. - Сорвав с себя аксельбанты, я швырнул их в угол и лег на циновку. - Все кончилось, яшма разбилась...

Ии покачал головой и тихо произнес:

- Яшма разбилась. Яшма будет склеена...

БЕСТ

1

Меня поселили в деревушке, находящейся в одной из долин между горами Мёги и Арафунэ. На севере, за лесами, поднимался дым вулкана Асама, на юге виднелась цепь из шести гор, а в ясные дни на горизонте появлялся белый силуэт горы Фудзи.

Я устроился в домике деревенского полицейского, по-видимому получившего от Ии соответствующие указания. Меня снабдили медицинским свидетельством, скрепленным личной печаткой начальника эвакуационного пункта на острове Иводзима. В свидетельстве значилось, что я подлежу отправке в метрополию, так как в результате контузии лишился памяти. Документ был датирован 14 февраля 1945 года, а через пять дней началась высадка американцев. Весь гарнизон острова погиб, поэтому проверить подлинность свидетельства было

невозможно. Человека, на чье имя был выдан документ, никогда не было в действительности.

Этот клочок бумаги лучше всяких амулетов оберегал меня от любых подозрений. У того, кто лишился памяти, бесполезно спрашивать о его прежней жизни. Так я был избавлен от собственного прошлого. В то памятное утро я оставил свой конверт возле безыменного трупа. Этот труп, вероятно, похоронили под моим именем и известили семью о моей славной кончине.

Я соорудил из ящичков из-под мандаринов домашний алтарь и поставил поминальные дощечки с именами Дзинтана, Муссолини и других. А рядом на бочке из-под сакэ установил радиоприемник. Он держал меня в курсе событий, происходящих на земле.

На Филиппины по вызову Макартура вылетели представители нашего главного командования. В тот момент, когда наши генералы вылезали из самолета в Маниле, советские парашютно-десантные отряды уже высаживались в Синьцзине, Мукдене и Харбине. Квантунская армия была разбита и сложила оружие. Рухнула последняя надежда. Война кончилась по-настоящему. Правительство отдало распоряжение о снятии затемнения,

Спустя неделю после подписания акта о капитуляции в Токио вступил главнокомандующий американских вооруженных сил генерал Макатур - тот самый, который три года назад удрал на самолете из Батаана, бросив свою филиппинскую армию на произвол судьбы. Армия погибла, спасся только командующий. Теперь его голову украшал лавровый венок. Он разместил свой штаб в здании Общества взаимного страхования жизни в квартале Хибия.

Началась демобилизация армии и флота империи. Все полки провели церемонию сожжения своих знамен. Были упразднены главная квартира, генеральный штаб, военное министерство, закрыты все военно-учебные заведения, взорваны и разобраны несколько наших линкоров и авианосцев.

Безоружная Япония подчинилась батаанскому дезертиру. Он выступил с торжественным заявлением о том, что, действуя в духе Потсдамской декларации, будет проводить политику последовательной демократизации Японии и стремиться к тому, чтобы Япония больше никогда не могла стать угрозой для всеобщего мира и спокойствия. И с этой целью Америка будет всячески способствовать укреплению в

Японии основ демократии и претворению в жизнь демократических идеалов.

Многие, в том числе и я, приняли тогда эти слова за чистую монету.

В своем указе о капитуляции государь сказал:

"...при нынешнем положении вещей должен стерпеть то, что нестерпимо, и вынести то, что невыносимо".

И чтобы подать пример всем верноподданным, как надо принять новое положение вещей, государь снял с себя форму великого фельдмаршала и облачился в новую, траурную - черный китель без погон, черные брюки с черным кантом, на груди и рукавах черное узорное шитье, на воротнике вышитый черным шелком герб династии - хризантема. Затем объявил о том, что снимает с себя звание земного воплощения божества. И, как сообщили газеты, поставил в своем кабинете бюст американского президента Линкольна.

2

В соседней деревушке находился артиллерийский дивизион, а за горой, недалеко от перевала Дзюмондзи, в помещичьей усадьбе размещалась авиационная школа. Вскоре после демобилизации на воротах, ведущих в казармы артиллеристов, появилась вывеска: "Артель земледельческого труда", а авиационная школа, судя по дощечке, прибитой к воротам, превратилась в "Товарищество на паях по производству дрожжевых удобрений". Артиллеристы и летчики тоже приспособились к новой эре.

Я узнал от хозяина моего убежища, деревенского полицейского, что в буддийском монастыре, стоящем на холме за старинным трактом, проживают два инвалида, тоже лишившиеся памяти. Они прибыли сюда вскоре после капитуляции.

Ии категорически запретил мне общаться в деревне с кем-либо, но я решил все же сходить как-нибудь в монастырь. Однако я не успел осуществить свое намерение. Оба инвалида внезапно исчезли. Их, вероятно, напугало появление эм пи - американских военных полицейских, которые, приехав в бывшую авиационную школу, допросили бывшего полковника, начальника школы, ныне председателя правления "Товарищества на паях". В результате допроса выяснилось, что полковник является однофамильцем того, кого разыскивали американцы.

Как раз в это время по радио было передано сообщение о том, что штаб Макартура предал военному суду бывшего командующего японскими войсками на Филиппинах генерал-лейтенанта Хомма, командующего соединением на Батаане генерал-лейтенанта Тадзима, командующего отрядом "Тигр" Саито и других японских генералов, разгромивших в 1942 году на Батаанском полуострове американскую армию, брошенную своим командующим. Через некоторое время было объявлено об их казни. Макартур отомстил за погибшую армию и в знак того, что считает свою честь восстановленной, украсил свой личный самолет надписью: "Батаан".

Внутренние враги благословляли Потсдамскую декларацию. Они ходили по улицам Токио и Осака с красными флагами. Полиция не имела права стрелять в них. В левых газетах и журналах государя называли просто по имени, как какого-нибудь рикшу: Хирохито. Красные ликовали, когда в здании на Итигаядай начался международный суд над нашими генералами и министрами во главе с Тодзио. И наконец, произошло самое невыносимое и нестерпимое. Красные устроили демонстрацию, требуя у правительства риса для голодающих. Прорвав несколько полицейских кордонов, демонстранты ворвались в августейшую резиденцию и обследовали кухню. Несколько кинооператоров крутили ручки аппаратов. А потом в рабочих клубах Токио стали показывать документальный фильм, за каждый кадр которого операторы заслуживали четвертования. Фильм назывался "Мы голодаем, а Хирохито угощается".

Государь стерпел и вынес, но я уже больше не мог терпеть. Я переслал через полицейского записку в адрес Ии: известил его о том, что решил ехать в Токио и убрать своими руками нескольких левых вожаков, а потом отдаться в руки американцев - пусть вешают. Лучше умереть, чем сидеть и бездействовать.

От Ии пришел ответ: "Не дури. Все образуется. Американский главнокомандующий решил не объявлять государя преступником. Смотри на Китай и делай выводы".

3

Я последовал совету Ии. У меня немного отлегло от сердца. В Китае американцы вели себя иначе. Там они не говорили об укреплении основ демократии и претворении в жизнь демократических идеалов - там действовали.

Сейчас же после нашей капитуляции американцы, не теряя ни одной минуты, заняли порты Северного Китая и высадили авиадесанты в Бейпине и Нанкине, чтобы не дать китайским красным занять эти города.

А вскоре гоминдановские армии, вооруженные американцами, начали общее наступление в Среднем и Северном Китае. Красным пришлось отступить.

В моей памяти всплыли слова пленного американца: "Нам надо думать о будущем, и прежде всего о будущем американском варианте "плана Исихара". То будущее, о котором он тогда говорил, по-видимому, уже пришло: американцы действовали.

На токийском суде уже были оглашены документы, касающиеся наших планов войны против Советского Союза. Они были подлинными. В свое время я читал некоторые из них. Судя по всему, все эти документы были захвачены русскими при взятии Синьцзина. Чины штаба Квантунской армии либо не успели сжечь эти документы, либо рассчитывали на то, что русские не смогут расшифровать их. Ныне они стали достоянием гласности. Стало известно, кто их составлял и кто утверждал.

Но я уже знал, что государь вне опасности. Генерал Исихара тоже не фигурировал в списке военных преступников. Автор знаменитого плана войны против России, непосредственный организатор взрыва под Мукденом, вызвавшего маньчжурские события 1931 года, один из самых влиятельных лидеров армии, остался на свободе. Уцелело и большинство его единомышленников и учеников, начиная с виднейших генштабистов-россиеведов Кавабэ, Касахара и Ямаока. В департаменте по делам демобилизации, созданном вместо военного и морского министерств, с разрешения американского штаба заняли ответственные посты бывший генерал-лейтенант Миядзяки и бывший вице-адмирал Маэда. Первый долгое время возглавлял орган специальной службы в Сахалине-на-Амуре, а второй был начальником разведывательного отдела главного морского штаба, а до этого морским атташе в Москве.

Макартур взял под свое покровительство всех крупнейших наших специалистов по русской линии, начиная с Исихара.

А в Китае наступление против красных развивалось. Впереди шли гоминдановские дивизии, за ними - американские. Америка прибирала

к рукам Северный Китай и Манчжурию. И Корею тоже. 24-я армия Ходжа, переброшенная с острова Окинава на юг Кореи, проводила военные операции против корейских партизан в горах Сепаксан и Чирисан.

На весь мир нашумела речь Черчилля, произнесенная в Фултоне. Он открыто призывал Америку и Англию объединиться против "врага № 1" - Советского Союза.

И в Европе и в Азии творились интересные дела. А я сидел в бесте, который мало чем отличался от могилы. Я не имел права на реальное существование. Я стал жалеть, что не умер в то утро на площади.

Однако небо рассудило иначе. Срок жизни, отпущенный мне, еще не был исчерпан. Ии прислал письмо. Он вызывал меня в Токио. Я выехал в тот же день.

Я пробыл в могиле два с лишним года.

4

Вызов в Токио еще не означал, что я был вне опасности. На острове Гуам состоялись суды над офицерами императорской армии, совершавшими кимотори. Всех подвергли крайней мере наказания. Розыск оставшихся на свободе, по-видимому, продолжался. Поэтому мне надо было соблюдать максимальную осторожность. Я сел в поезд в Такасаки, надев противогриппозную маску.

Хорошо, что в Японки установился обычай носить эту штуку, закрывающую нос и рот. Надев еще темные очки, можно было совсем замаскировать лицо. В поезде многие были в таких масках. Все они были в офицерских кителях, только без петличек.

Общежитие в Усигомэ стало неузнаваемым. У входа висела большая вывеска - на ней было написано по-английски "Манила клуб" и нарисован щит с косой полосой и лошадиной головой в углу. А рядом с этой вывеской висела совсем маленькая - "Представительство компании по производству дрожжевых удобрений". Контора помещалась во втором этаже.

Ии тоже совсем преобразился: европейский костюм, очки в золотой оправе, золотые зубы; стал настоящим коммерсантом. Он предложил мне поселиться в одной из каморок над конторой. Рядом в такой же каморке жил капитан Миками, бывший адъютант Осьминога.

- Здесь можно чувствовать себя в полной безопасности, - сказал Ии.

Помещение клуба на нижнем этаже арендовал какой-то китаец, который содержал несколько ресторанов для европейцев в Токио и Иокогаме и пользовался покровительством со стороны американских военных властей. Клуб этот стал игорным домом для офицеров 1-й кавалерийской дивизии, расквартированной в Токио. Даже эм пи - американские военные полицейские не смели входить в него. Щит с изображением лошадиной головы был эмблемой этой полностью механизированной "кавалерийской" дивизии, не имевшей ни одной лошади.

Ии одобрил мою внешность - я отпустил усы и изменил прическу - и разрешал мне изредка выходить из дому. Я обещал ему соблюдать все меры предосторожности. Во время прогулок я вел себя как лазутчик, проникший в город, занятый неприятелем.

Токио выглядел именно так, как должна была выглядеть покоренная и обесчещенная столица. Всюду зияли выжженные пустыри, но на Гиндзе, в Асакуса, Синдзюку и Уэно жизнь кипела вовсю. Ярко раскрашенные бараки кинотеатрики, кафе, дансинги, бары - были переполнены. Одних кафе в Токио функционировало свыше двадцати тысяч. Большинство вывесок было выдержано в духе новой эры: "Кэпитал", "Сентрал", "Парадайз", "Сван", "Майами", "Нью", "Флорида" и так далее. Перед этими пестрыми бараками толпились размалеванные девицы - панпаны. Эту кличку им дали их главные клиенты - американские солдаты. Панпаны были одеты по последней европейской моде и носили высоко взбитую прическу, прозванную "атомной бомбой". Впрочем, воспоминание об этой бомбе сохранилось не только в виде прически. Я встретил в метро женщину со следами ожогов и разноцветными полосами на лице, Мне сказали, что она из Хиросимы, - ее так изукрасили лучи бомбы.

Токио с его выжженными пустырями и кварталами пестрых барачков был похож на эту женщину из Хиросимы.

5

Первое время я с опаской проходил мимо эм пи и американских офицеров. Мне приходилось иметь дело с пленными на Филиппинах, на острове Макин и в других местах. Те, кто остался в живых, могли

узнать меня, несмотря на маскировку. Однако после нескольких прогулок я убедился, что мои страхи преувеличены.

Однажды, садясь в троллейбус в Йоцуя, я столкнулся носом к носу с полковником жандармерии Сигено - тем самым, который во время войны проводил массовые операции по ликвидации неблагонадежных элементов среди населения Пекин-Тяньцзинского района. Говорили, что его имя действовало на китайцев как заклинание - бледнели и умолкали даже грудные младенцы. И этот самый Сигено теперь нес под мышкой большую связку бумажных зонтиков, - очевидно, шел продавать их. Затем я встретил у театра "Нихон гекидзэ", совсем недалеко от американского штаба, майора Мацуяма. Допрашивая пленных на острове Гуам, он применял изобретенный им весьма действенный метод "горячая татуировка". Он проехал мимо меня, везя на велорикше какую-то пожилую американку. Если бы ей сказать, кто ее везет, она бы умерла на месте от ужаса. А в одном переулке около вокзала Уэно я увидел уличного гадалщика - в колпачке с хвостиком, какой обычно носят синтоистские священники, и в черном балахоне, напоминающем докторскую мантию. На его столике стоял прибор - сочетание микроскопа и старинных водяных часов, рядом красовалась дощечка: "Научно предсказываю судьбу согласно данным френологии, графологии и учения о началах Ян и Инь". Этого ученого-гадалщика, бывшего капитана 2 ранга, я видел во время войны на острове Эниветок. Он тоже совершал кимотори.

Никто из этих офицеров не узнал меня. Я рассказал о них Ии и выразил удивление: почему они показываются на улице без всякой маскировки? Ведь им надо остерегаться не меньше меня. Ии, улыбнувшись, ответил:

- Они, наверно, тоже переменили фамилии и биографии и считают себя в безопасности.

Мне почему-то показалось, что Ии уклонился от прямого ответа.

Сидя в деревенском бесте, я целыми днями спал от скуки. После переезда в Токио я решил избавиться от этой привычки и начал принимать хиропон патентованное бодрящее средство, вошедшее в моду после войны. Подкожное впрыскивание давало больший эффект, чем таблетки. Сразу же прояснялась голова, исчезала усталость. Недаром это средство употребляли панпаны, воры и многие из тех, кому приходилось работать в ночное время. В газетах писали, что

постоянное употребление этого американского препарата приводит к расстройству нервной системы и даже психическим заболеваниям. Но я не верил этому. Если бы хиропон действительно делал, людей сумасшедшими, вряд ли разрешили бы так широко пользоваться им. Он стоил дешевле американских сигарет, продававшихся в "Тоёко" - магазине бывшего премьер-министра принца Хигасикуни.

Я привык к хиропону. Он заглушал приступы тоски, охватывавшей меня время от времени. И каждый раз шприц спасал меня, вливая очередную порцию бодрости. Но этой порции хватало ненадолго. Приходилось постепенно учащать уколы.

Я часто ходил по Западной Гиндзе и по другим улицам и переулкам центральных деловых кварталов. Дома здесь битком набиты всякими конторами. Я заметил, что некоторые из них почти всегда закрыты днем, - очевидно, функционировали только по ночам. Рядом с крупными, кричащими вывесками ресторанчиков и кафе крохотные конторские вывески-дощечки у входа были совсем незаметны. И еще я отметил, что многие конторы имели отношение к производству и продаже дрожжевых удобрений и к разведению ароматных грибов сиитакэ. Очевидно, спрос на эти удобрения и на ароматные грибы резко возрос после войны.

Ии видел, что я хандрю из-за безделья. Он предложил мне заняться какой-нибудь работой в его конторе, - например, рассылкой рекламных листовок и прейскурантов. Я отказался. Не для того я остался жить, чтобы осквернять себя унижительными занятиями. Стерпеть нестерпимое и вынести невыносимое так повелел государь, но это не значит, что можно терять честь и достоинство, примирившись с тем, что империя лежит под ногами завоевателей. Мне было стыдно за офицеров, которые забыли о своем звании и опустились до положения девок-панпанов.

На мою гневную тираду Ии ответил:

- Не осуждай офицеров, которым пришлось после войны заняться разными делами ради заработка. Они вовсе не забывают о своем прошлом. Всем бывшим чинам императорской армии и флота разрешено учреждать землячества, общества однокурсников военных школ и военной академии и ассоциации фронтовых сослуживцев. Эти организации объединяют офицеров на почве

совместных воспоминаний, чувства боевой дружбы и общих традиций...

Я перебил его:

- Эти общества, наверно, созданы для совместных выпивок и игры в маджан. Это просто клубы панпанов мужского пола. - Я посмотрел на этажерку, на которой стояли фотографии Дзинтана и других, и вздохнул. - Мне стыдно перед ними. Я остался жить, чтобы служить государю, а не для того, чтобы влачить бесцельное существование.

Я показал на газеты, лежавшие передо мной на полу. В них был напечатан приказ Макартура о запрещении всеобщей стачки, которую собирались начать работники связи и служащие государственных учреждений.

- Наконец-то американцы и у нас принялись за дело. Потсдамская эпоха, кажется, кончилась. Отныне забастовки будут считаться противозаконным актом. Теперь начнут хватать красных. А я сижу и ничего не делаю... или разгуливаю с этой проклятой маской на носу. Не могу больше терпеть. Пойду лучше на площадь и на том самом месте, где погибли мои друзья...

- Зарезаться всегда успеешь, - сказал Ии, строго посмотрев на меня. Сейчас уходить на тот свет - это дезертирство. Ты можешь еще пригодиться, но только не по части борьбы с японскими красными. Это сделают без тебя. Нечего нам лезть во внутренние дела. Помни, что у тебя большой опыт по части специальной службы. Я тебя вызвал для того, чтобы подыскать какую-нибудь работу. Но... плохо то, что тебе надо скрываться. Прямо не знаю, что бы придумать...

Спустя неделю после этого разговора Ик сказал мне, что кое-кто из его бывших сослуживцев по генштабу собирается поехать в Китай - в Тайюань, где в штабе маршала Янь Си-шаня работает группа наших офицеров во главе с генерал-майором Ямаока.

- Все они остались там после капитуляции. Янь Си-шань взял их с разрешения американцев к себе в качестве военных советников. Подожди, и для тебя со временем будет работа. Как жалко, что ты нелегальная персона... - Он покачал головой и поцокал языком. - Американцы сейчас многое прощают нам, но такие дела, как твои... Этого даже они не простят.

Он опять покачал головой и поцокал языком.

Это случилось на базаре в Киссёдзи, где собираются спекулянты со всех концов столицы. Я часто прогуливался в этом районе, одном из немногих районов Токио, совсем не пострадавших от войны. В тот день я был на базаре с раннего утра и, решив позавтракать, остановился перед тележкой продавца лапши. Вдруг раздались свистки и автомобильные гудки. На базарную площадь кучками выбежали люди с красными флагами и транспарантами. За ними гнались наши полицейские и джипы с белошлемными эм пи. По-видимому, проводилась операция против стачечников. Двое красных бежали в мою сторону. Один из них что-то кричал своим в мегафон, другой размахивал транспарантом, на котором было выведено: "Япония не будет колонией!"

Толпа расступалась перед стачечниками и тотчас же смыкалась, закрывая дорогу полицейским. Когда двое красных поравнялись со мной, я схватил кадку с лапшой, стоявшую на тележке, и швырнул под ноги бегущим. Тот, у кого был мегафон, по-видимому вожак, успел отскочить в сторону, а парень с транспарантом перепрыгнул через кадку. Она угодила под ноги студенту в фуражке с квадратным верхом. Он взвизгнул, как женщина, и бросился на меня, я отпихнул его, он покачнулся и тут же схватил меня за рукав, но, получив удар коленом в живот, согнулся и зашипел от боли.

- Изменник! - крикнул я студенту и ударил его в нос.

Он упал. Сзади меня кто-то заорал:

- Бей пса!

- Бей! - подхватил другой.

Толпа явно сочувствовала мне, а не студенту. Но в этот момент у самого моего уха раздался свисток. Не успел я обернуться, как получил удар дубинкой по голове, и в то же мгновение меня схватили за руки.

- Я не красный! - крикнул я, уцепившись за аксельбант оказавшегося передо мной эм пи, но он схватил меня за галстук и потащил к джипу.

Студент что-то шепнул на ухо другому эм пи. Меня втащили в машину и, стукнув еще раз дубинкой по голове, заставили сесть на пол. Я дал надеть на себя наручники. Машина тронулась. Спустя некоторое время я увидел, что мы спускаемся вниз к Тамейкэ и направляемся в сторону Хибия. Вскоре передо мной появилось

семиэтажное здание Общества взаимного страхования жизни - штаб американского главнокомандующего.

Меня провели в подвальное помещение и впахнули в комнатку, где вдоль стен стояли мешки с палками для гольфа, а в углу были свалены в кучу бейсбольные принадлежности: маски, нагрудники, кожаные рукавицы и биты. Я потребовал, чтобы немедленно доложили начальству о том, что я арестован по недоразумению, надо было схватить красного, а не меня. Сержант ответил, что, когда понадобится, я буду вызван. Я попросил снять с меня наручники. Он ответил, что, когда понадобится, их снимут. Обыскав меня, он нашел мешочек с амулетом и медицинское свидетельство, скрепленное печаткой начальника эвакупункта на Иводзима. Мне оставалось теперь только одно - отстаивать до конца версию, связанную с этим свидетельством. Если выяснят, кто я, мне конец.

Я просидел в подвале до вечера. Наконец за мной пришли конвоиры. Мы поднялись на лифте на седьмой этаж. Меня ввели в комнату, где сидела девица в военной форме. Она сказала по-японски с американским акцентом:

- Проходите.

С меня сняли наручники. Я вошел в большой кабинет, освещаемый только настольной лампой. В ответ на мой поклон сидевший за столом американский офицер, подполковник, показал рукой, чтобы я сел на стул посередине комнаты, и повернул лампу так, чтобы она светила мне прямо в лицо. Разглядев меня как следует, американец издал тихий протяжный свист и, повернув лампу к себе, возобновил прерванное занятие: он чистил трубку длинной мохнатой палочкой, обмакивая ее в флакончик. Теперь и я разглядел его как следует. Прищуренные глаза, морщинистый лоб, маленькие пухлые губы, сложенные бантиком, сомневаться не приходилось. Внутри у меня все похолодело. Я быстро зашептал про себя молитвословие: "Намуамидабуцу, намуамидабуцу, намуамидабуцу..."

Это была не галлюцинация: передо мной сидел он.

7

Харшбергер сказал по-японски:

- Я провел расследование по делу о зверском убийстве пленных американских летчиков на полуострове Миура в конце мая тысяча девятьсот сорок пятого года и точно установил фамилии всех японских

офицеров, имевших отношение к этому делу. Ваша настоящая фамилия мне известна.

Затем он начал рассказывать о своем участии в подготовке материалов для ряда судебных процессов, состоявшихся на островах Гуам и Кваджелейн. Эти процессы показали, что японские офицеры систематически умерщвляли пленных американцев и совершали даже каннибальские действия согласно старинному японскому воинскому обычаю. По приговору американского военного суда за каннибализм казнено несколько десятков видных японских офицеров во главе с генерал-лейтенантом Татибана и вице-адмиралом Мори. И что самое интересное, из показаний обвиняемых выяснилось, что один подполковник, ставший позднее офицером для особо важных поручений при главной квартире, принимал в бытность на островах Макин и Эниветок деятельное участие в этих древнеяпонских банкетах. Этот мерзавец подлежит военному суду, как военный преступник категории "Си", разряда "Тигры". Категория "Си" - это те, кто совершал чудовищные бесчеловечные деяния, а в разряд "Тигры" включены все, кто совершал людоедские обряды. Этот подполковник-тигр будет наверняка повешен. Амулет ему не поможет.

Харшбергер провел пальцем по горлу и подмигнул мне. Затем вызвал секретаршу и, передав ей записку, приказал:

- Возьмите в картотеке военных преступников сведения на этого господина.

- Укажите категорию и разряд, - сказала секретарша, - чтобы быстрее найти.

Харшбергер написал что-то на записке. Взглянув на нее, секретарша приоткрыла рот и уставилась на меня с жадным любопытством. Она вышла из кабинета, не сводя с меня глаз.

Через некоторое время Харшбергер спросил сугубо официальным тоном:

- А почему вы оказали сопротивление нашей военной полиции?

- Потому что меня арестовали по ошибке. Я хотел поймать красного...

- Вы ударили одного человека...

- Этот студент красный; он бежал...

Харшбергер стукнул костяшками пальцев по столу:

- Вы ударили сотрудника нашей контрразведки в нос и еще в одно место. И кажется, изувечили. Он преследовал известного красного лидера. У нас имеются все основания обвинить вас в том, что вы по заданию Японской коммунистической партии пытались убить сотрудника Си Ай Си. Готов держать пари, что военный суд расправится с вами как следует.

- Если меня потащат на суд, я могу рассказать о том, как некоторые пленные американские офицеры выдавали важнейшие стратегические тайны, чтобы спасти свою жизнь.

- А у вас есть доказательства? - с улыбкой спросил Харшбергер. Показания американского офицера не записывались ввиду чрезвычайной секретности, и только ваш военный министр, генерал Анами, во время допроса, который он производил самолично, сделал кое-какие пометки в своем блокноте. После капитуляции нам были переданы все бумаги из сейфов военного министра, в том числе и блокнот министра, но, так как все записи в этом блокноте, сделанные иероглифической скорописью, не поддавались прочтению, этот блокнот, на основании моего заключения, был сожжен вместе с другими бумагами, не представлявшими интереса. Так что вы ничем не сможете подкрепить свои слова. Суд не поверит голословным заявлениям военного преступника.

- По пометкам, сделанным министром, мной была составлена всеподданнейшая докладная записка. В ней точно указана фамилия пленного американца, давшего сведения о предстоявших операциях "Олимпик", "Коронет" и "Серебряное блюдо". Я назову на суде фамилии нескольких старших офицеров из секретариата Высшего совета по ведению войны, которые читали эту записку, ответил я.

- Назовите этих офицеров.

Я сделал вид, что пытаюсь вспомнить, но затем отрицательно покачал головой.

- Не хочешь сказать?

Он схватил большую настольную зажигалку и швырнул в меня. Зажигалка попала мне прямо в ухо.

Я понял: мое сообщение о том, что имеются живые свидетели, было неожиданным для него. Он считал себя в полной безопасности, но вдруг оказалось, что я держу его тайну в своих руках. Мы были в одинаковом положении: "держали друг друга за хвост".

Харшбергер с шумом отодвинул кресло и, подойдя ко мне, гаркнул:

- Встать, грязная тварь! Не забывайся! Я тебя выучу европейским манерам!

Я встал. Он взял два карандаша со стола:

- Назови фамилии этих офицеров. Скажешь?

- Я не помню сейчас. Клянусь...

- Давай руку.

Он приказал мне растопырить пальцы и вставил между ними карандаши.

- Сейчас начну сжимать и буду жать до тех пор, пока не выжму все! Но я не советую упрямиться. Зачем зря мучить себя? Вы не хотите назвать фамилии, чтобы сохранить козырь на всякий случай. Так?

Он посмотрел мне в глаза:

- Вы держите этот козырь, потому что боитесь меня?

- Да. Я боюсь вас, и вы боитесь меня. У нас одинаковое положение.

- Нет, у меня преимущество. На этот раз вы сидите у меня в качестве пленного. Но... можно говорить по-деловому. Как вы считаете?

Я кивнул головой.

В дверь постучали. Харшбергер бросил карандаши на стол и вернулся на свое место.

- Войдите! - крикнул он.

Вошла секретарша и положила на стол листок с прикрепленной к нему карточкой. Затем подняла с пола зажигалку и, передав своему начальнику, вышла. Пробежав карточку, он удивленно посмотрел на меня и приказал повернуть голову. Я повернул. Он протяжно свистнул.

- Шрам на месте. Значит, это вы. - Он откинулся на спинку кресла и тихо засмеялся. - Я так обрадовался нашей встрече, что совсем забыл о том, что вас уже давно нет в живых. Ваш труп был найден на дворцовой площади, сожжен и пепел передан вашей семье. Эти данные совершенно точны. Картотека второго отдела основана на самых достоверных сведениях.

- Разумеется, - вежливо подтвердил я.

- А ловко придумали, мерзавцы! - сказал он с восхищением. - Только азиаты могут придумать такое... одни зарезались, а другие

присвоили их трупы... Понятно, почему почти все, кого мы включили в разряд "Тигры", оказались мертвыми. Значит, они так же мертвы, как вы... Тело в могиле, а дух шатается по городу.

- Это получилось только со мной, и то случайно, - сказал я, опустив глаза. - Я приготовился умереть, но мне помешали... а потом как-то не пришлось. Но мои друзья действительно покончили с собой, как подобает доблестным людям. Их почетная кончина...

- Короче говоря, вы трусили. А кто это ваши доблестные друзья?

Я назвал имена Дзинтана, Муссолини, Кацумата и Минэ. Когда я сказал, что все они в свое время служили в штабе Квантунской армии, Харшбергер записал их имена и спросил, окончил ли кто-нибудь из них школу Накано, выпускавшую работников секретной службы. Я ответил, что школу Накано кончили Муссолини и Кацумата. Харшбергер опять что-то записал.

- У вас прекрасный послужной список, - сказал он и похлопал по листку, прикрепленному к карточке. - Вы имеете богатый опыт секретной службы на материке. Думаю, что вы окажетесь нам полезны. Начнем с того, что вы дадите сведения по некоторым вопросам. Садитесь сюда, господин дух. - Он показал на кресло у стола. - Хотите сигарету?

- Очень прошу дать мне хиропон, - сказал я, подойдя к столу. - Может быть, найдется у кого-нибудь... Мне очень нехорошо...

- Вы тоже принимаете? - Он вытащил из верхнего кармана коробочку и протянул мне. - Только у меня таблетки.

Я жадно проглотил две таблетки сразу. Он написал вопросы и передал мне. Мне предлагалось сообщить, какую работу я вел в шанхайском органе специальной службы, перечислить секретных агентов, работавших по моим заданиям среди гоминдановцев и в тайном уголовном обществе Хунбан, и изложить все, что мне известно о деятельности так называемого "института Тоа-добунсёин" - нашего разведывательного органа в Шанхае, который вел работу против красного подполья.

- Возьмите эту бумажку домой и приготовьте ответы. А я подготовлю другие вопросы. Где вы живете?

Узнав мой адрес, Харшбергер позвонил куда-то и, вызвав майора Шеррода, спросил, известна ли ему контора Ии. Получив ответ, он положил трубку и сказал:

- Не говорите этому Ии о том, что вы были здесь, и о нашем разговоре. Даете слово? Можно верить вам?

- Даю слово. Японскому офицеру можете верить.

Харшбергер закурил трубку. Докурив ее до конца, он оказал:

- Если считать, что сведения картотеки верны, то подполковника-тигра нет в живых, и следовательно, его нельзя судить. Так?

- Если суда не будет, то все, что знал покойный подполковник, останется тайной навсегда. Мертвецы - лучшие хранители тайн.

- Договорились! - Он встал и, черкнув на обратной стороне листочка номер своего телефона, передал мне. - Позвоните, когда будут готовы ответы, и мы увидимся. Помните наш разговор при первой встрече? Мы говорили тогда о будущем...

- Вы говорили о будущем американском варианте "плана Исихара"...

- Да. Будущее, о котором мы тогда говорили, стало настоящим. У нас теперь общая цель - спасти Восточную Азию от красного потопа. Мы союзники.

- Ваш союзник растоптан, и у него голые руки.

- Не преувеличивайте! Вы вовсе не растоптаны. А что касается голых рук, то это дело поправимое. Вы провели, согласно нашим указаниям, демобилизацию армии так организованно, что в любой момент сможете совершить обратный процесс с такой же быстротой. - Он подмигнул мне и протянул руку. Я пожал ее. Он вложил в конверт мешочек с амулетом, медицинское свидетельство и листочек и протянул мне.

- Можете больше не скрываться. Свидетельство, выданное вам на Иводзима, - подлинный документ. Берите. Ваше пребывание в бесте кончилось. Поздравляю.

Я взял конверт:

- Хорошо, что наш разговор кончился благополучно и обошлось без всяких неприятных процедур.

- Эту штуку с карандашами мы знаем. Она у нас называлась "деревянной перчаткой", - сказал я.

- А вот это... - Он вынул из кармана спички и, закулив трубку, поднес к своей руке горящую спичку. - Очень действенный способ. Особенно если применять его с толком - не давать передышки и в то же время не доводить до обморока. Никому не советую пробовать...

Он вздрогнул и, бросив догоревшую до конца спичку на пол, подул на пальцы и потряс рукой.

- Ну, идите, - сказал он, морщась. - Ждите моего звонка.

Харшбергер вызвал лейтенанта и приказал выпустить меня из здания. Когда мы прощались, он предупредил меня о том, что по картотеке "криминал реджистри" - уголовной регистратуры 2-го отдела штаба - я значусь покойником, поэтому должен раз навсегда забыть свое настоящее имя и помнить только фамилию и чин, указанные в медицинском свидетельстве. Затем он еще раз взял с меня слово, что я никому не скажу о нашей встрече. Я поклялся честью японского офицера, что сохраню все в тайне.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

1

Вернувшись домой, я рассказал Ии обо всем - о том, как я попал в американский штаб, о встрече с Харшбергером и о разговоре с ним. Ии слушал меня, сложив, как всегда, руки на животе и удовлетворенно кивая головой.

- В общем, все получилось очень удачно. Ты должен быть благодарен этому шпику из Си Ай Си. Считай себя амнистированным. Теперь можешь открыто работать в моей конторе.

- Торговать дрожжевыми удобрениями? - Я брезгливо скривил рот. Ии беззвучно рассмеялся:

- Нет, теперь тебе можно сказать о более интересных делах конторы.

Он начал свой рассказ с так называемого Манильского совещания. Сейчас же после того как по радио был передан высочайший указ о капитуляции, генерал Макартур вызвал в Манилу заместителя начальника японского генштаба генерал-лейтенанта Кавабэ Торасиро. Макартур лично принял Кавабэ и имел с ним беседу в присутствии начальника штаба Сатерленда. В процессе этой беседы Макартур дал секретные указания представителю японского командования.

По возвращении в Токио Кавабэ сделал всеподданнейший доклад государю, и имперское правительство немедленно приступило к осуществлению указаний Макартура.

Главнокомандующему японских войск в Китае генералу Окамура было приказано заключить секретное соглашение с начальником гоминдановского генштаба Хо Ин-цинем, а командующему армейской

группой 1-го направления генерал-лейтенанту Оумида - заключить соглашение с маршалом Янь Си-шанем. Оба соглашения обеспечивали проведение капитуляции японских войск в Китае таким образом, чтобы не допустить перехода важнейших районов Китая в руки китайских коммунистов. В случае необходимости японским войскам надлежало проводить военные операции против красных совместно с гоминдановскими войсками. Вскоре от Окамура было получено донесение о том, что он встретился с Хо Ин-цинем в Чжицзяне и подписал соглашение.

Затем началось расформирование японских вооруженных сил в метрополии. По мере роспуска воинских частей и военных учреждений создавались различные объединения демобилизованных: артели, конторы, землячества, клубы. Это делалось для того, чтобы предотвратить распыление кадровых офицеров. Все эти офицерские объединения - вне зависимости от их характера и наименования поступали под контроль штаба американского главнокомандующего.

Затем американскому командованию были переданы мобилизационные списки японской армии и секретные архивы генштаба - в первую очередь материалы, связанные с планом Исихара и с одним из его вариантов, носившим шифрованное название "Особые маневры Квантунской армии".

Словом, все указания американского главнокомандующего были выполнены.

- В ведении какого отдела американского штаба находятся объединения демобилизованных? - спросил я.

- Специального отдела, который занимается организацией японских полицейских формирований. Но на деле функции отдела значительно шире. Отдел носит название: контора "Зи Эф".

- Как расшифровывается?

- "Зи" - это сокращенное "зиро аур" - решительный час, а "Эф" - это "форсес" - вооруженные силы.

- Вооруженные силы для решительного часа... Многозначительное название!

Ии кивнул головой:

- Достаточно ясное. Оно означает, что американцы решили унаследовать план Исихара. Осуществить то, что не удалось нам.

- И еще означает, что без нашей помощи им не обойтись?

- Никак не обойтись.

Мы переглянулись и засмеялись. Ии достал из шкафа бутылку "Белого журавля" и чайные чашки. Мы стали пить сакэ, не подогревая его.

Я задавал один вопрос за другим. Ии терпеливо удовлетворял мое жадное любопытство. Он объяснил мне структуру конторы "Зи Эф". Она подчинена непосредственно начальнику штаба главнокомандующего и состоит из нескольких отделений, в ведение которых входят японские полицейские силы на суше и на море и объединения бывших строевых офицеров. Кроме того, при конторе имеется несколько специальных групп. Первая группа ведает объединениями генштабистов, в том числе и конторой Ии. Вторая - бывшими офицерами жандармерии и чинами тайной политической полиции, то есть специалистами по борьбе с левыми. Третья группа руководит бывшими офицерами секретной службы - специалистами по агентурно-разведывательной работе, а те офицеры секретной службы, которые проводили тайные акции особого значения, подчинены четвертой группе - группе "Джэй". Эта группа по своим функциям соответствует 8-му сектору нашего генштаба.

- Я слышал о твоём Харшбергере, - сказал Ии. - Говорят, он выполняет особо секретные поручения начальника разведывательной службы штаба генерал-майора Чарлза Уиллоби, и поэтому в штабе его зовут "Хаш-хаш", что значит "Не подлежит оглашению". Хаш-хаш теперь работает в конторе "Зи Эф" в группе "Джэй". Тебе повезло, что ты попал именно к нему. Он, очевидно, сегодня старший дежурный по отделу.

Мы проговорили до утра. Посмотрев на часы, Ии включил радио. Шла как раз передача "Розыск родных и знакомых". Я просыпался всегда очень поздно и поэтому ни разу не слышал этой передачи. Но я знал, что в послевоенной Японии ни одну передачу не слушают с таким вниманием, как эту.

Торговец сандалиями такой-то, проживающий там-то, искал свою жену, исчезнувшую во время одной из бомбежек Токио, и просил отозваться всех, кто знал о ее судьбе. Родных одного унтер-офицера, погибшего в Бирме, просили явиться за урной с пеплом по указанному адресу. Супружеская чета, приютившая девочку после смерти матери, разыскивала отца девочки, который должен был вернуться из Кореи.

Затем диктор прочитал:

- Бывшая сестра милосердия Сакано Кумако, репатриированная с Борнео пятнадцатого ноября прошлого года и проживающая по прежнему адресу, хочет видеть господина Хамада Иноскэ.

Я усмехнулся:

- Ищет возлюбленного.

- Нет, - сказал Ин, - это означает, что в конторе Сакума завтра в пятнадцать часов состоится собрание офицеров, служивших в авиационном отряде Хамаи. В экстренных случаях этой передачей пользуются для извещений.

2

Чутье старого работника специальной службы все-таки не обманывало меня. Недаром меня так тянуло в узкие переулки деловых кварталов, где стоят в ряд дома, увешанные вывесками всякого рода предприятий. Недаром эти вывески привлекали мое внимание. Но я не знал тогда, что начертанные на них иероглифы, цифры и латинские буквы надо читать по-особому.

Оказывается, "дрожжевые удобрения" означали то же, что и "ароматные грибы сиитакэ". Все компании и конторы, на вывесках которых фигурировали эти удобрения и эти грибы, были филиалами известной Лиги Восточной Азии организации сторонников, генерала Исихара.

Общества и клубы с цифровыми обозначениями - Общество 8, Общество 14, Общество 38 и многие другие - были объединениями офицеров, служивших в одной и той же части или вместе учившихся.

"Артели совместного земледельческого труда" представляли собой объединения офицеров авиационных отрядов. А артели велорикш в крупнейших городах и рыболовные артели в деревнях на берегу Японского моря были сформированы из офицеров наземных войск и флота. Некоторые артели состояли исключительно из тех, кто был в танковых и парашютно-десантных отрядах смертников.

К этим организациям примыкали члены крайне правых обществ, которые после войны были распущены, но вскоре с разрешения американского штаба возродились под другими названиями.

Штаб-офицеры объединились в небольшие замкнутые группы, похожие на те боевые группы, которые была созданы накануне мятежа.

В доме напротив станции Йоцуя, на котором висела вывеска "Гостиница Фукудая", помещался штаб группы морских офицеров, а в гостинице "Вакамацусо" в районе Усигомэ помещался штаб группы военных врачей-бактериологов. Клуб "Романс" на Западной Гиндзе - в

здании, примыкающем к телеграфному агентству Денцу, был штабом офицеров, окончивших разведывательную школу Накано.

Кафе "Акахоси" в районе Сибуя служило явочным пунктом для офицеров штаба армии в Корее, а контора Ии - для офицеров-генштабистов, работавших по русской линии. Эти штабы и явочные пункты офицерских групп были рассеяны по всему Токио под вывесками кафе, ресторанов, гостиниц и прочих предприятий.

А над всеми обер-офицерскими и штаб-офицерскими объединениями и группами стояли руководящие органы, замаскированные под торговые и транспортные конторы. Их возглавляли виднейшие представители генералитета императорской армии.

Все нити от этих компаний, контор, артелей, содружеств, клубов и кафе сходились в одном месте - в главной конторе в квартале Хибия, которая официально именовалась General Headquarters - главная штаб-квартира, сокращенно GHQ. А японские красные расшифровывали это сокращение по-своему: Go Home Quick - убирайтесь домой скорее.

3

После того как Ии посвятил меня в дела, Токио, который я видел до сих пор только с фасада, вдруг повернулся, как на вертящейся сцене театра Кабукидза, и предо мной открылся другой Токио. Если первый Токио был похож на хиросимскую женщину с лицом, изукрашенным пятнами ожогов и разноцветными полосами, то второй Токио напоминал зашифрованный документ, в котором говорится о самых интересных, самых волнующих вещах.

Прежде всего мне надо было восстановить связи. С этой целью я посетил несколько контор. Никаких паролей не требовалось. Достаточно было телефонного звонка рекомендующего - меня рекомендовал Ии - и его визитной карточки с приложением личной печати. Надобности в более строгой конспирации не было, так как наши конторы функционировали с разрешения свыше. Если и принимались некоторые меры предосторожности, то только для того, чтобы предупредить просачивание сведений в прессу.

А кое-что уже просочилось. Китайское коммунистическое агентство Синьхуа опубликовало сообщение о существовании при штабе Макартура отдела "Зи Эф". Никаких подробностей не приводилось, и наши конторы вовсе не упоминались, но было ясно,

что китайцам удалось пронюхать что-то. Отсюда вывод: надо быть начеку.

Существовала угроза и со стороны иностранных корреспондентов и со стороны японских красных. Некий Хью Дин, английский корреспондент, уже огласил сведения о тайной конференции верноподданнических обществ, состоявшейся в парке Уэно. А корреспондент агентства Рейтер Дэнни Уорнер объявил на весь мир о том, что в Японии существует широко разветвленное военное подполье, во главе которого стоят бывшие генералы и руководители финансово-промышленных монополий. Фамилий Уорнер не приводил.

В результате расследования, произведенного конторой Аояма, выяснилось, что Хью Дин купил сведения у одного из участников конференции в Уэно, бывшего летчика из отряда смертников "Горная вишня". Такой поступок заслуживал кары, и вскоре бывший летчик попал под грузовик на шоссе около Омори. А Дэнни Уорнеру, как выяснилось, проболтался в пьяном виде офицер Си Ай Си - американской контрразведки. Штаб главнокомандующего немедленно принял меры. Офицера перевели на остров Мидуэй, а полковник Кадис из 2-го отдела подсунул Уорнеру версию о том, что штаб главнокомандующего только недавно узнал о существовании в Японии нескольких негласных организаций, которые ставят исключительно внутривнутриполитические цели - хотят добиться смены кабинета. Версия, исходящая от такого авторитетного источника, как полковник Кадис, была признана Уорнером более достоверной.

Но с красными журналистами дело обстояло хуже. В левых газетах уже появлялись сообщения о том, что антикоммунистическая организация "Содружество хризантемного флага" получает деньги от крупного промышленника Охира. В других сообщениях красные намекали, правда в самой общей форме, на существование тайных военных организаций. Красные, по-видимому, что-то учуяли и старались изо всех сил добыть конкретные данные. Поэтому при всех больших конторах были созданы специальные контрразведывательные группы, состоящие из бывших чинов жандармерии и особого высшего отдела - тайной полиции. Им была поручена охрана наших секретов от красных.

На эту тему я говорил с полковниками Судзуки Кейси и Хидака Сиро, с которыми встретился в клубе "Будзен". Судзуки одно время

преподавал вместе со мной в школе Накано. Он читал курс по "ханкан" - контриспользованию агентуры неприятельской разведки, а я - по технике связи с агентурой особого назначения. А полковника Хидака я знал по Китаю. Он заслужил известность своими специальными акциями в глубоком тылу противника. Теперь он возглавляет так называемый "орган Хидака", где группируются бывшие офицеры специальной службы. Штаб Хидака помещается в отделе "Кубана" в квартале Цукидзи.

Оба согласились со мной: надо не только обороняться от красных - пора переходить в наступление. По приказу американского главнокомандующего наше правительство (уже отдало распоряжение полиции приступить к массовым арестам стачечников, демонстрантов, подстрекателей и их пособников. Арестные дома и тюрьмы вскоре заполнились до отказа.

Получив сведения о том, что генеральный секретарь компартии Токуда совершает объезд заводских районов на Кюсю, специальные группы "Содружества хризантемного флага" выехали в Омута и Куруме и устроили засаду, однако их опередил один из членов филиала Антикоммунистической Лиги в Сага. Он метнул гранату, но она не долетела. Токуда подучил только легкое ранение.

Спустя три дня после покушения на Токуда Макартур издал директиву о категорическом запрещении рабочим и служащим государственных и муниципальных учреждений проводить какие бы то ни было "координированные приостановления работ". В соответствии с этой директивой японское правительство объявило, что участие в стачках будет считаться государственным преступлением и караться тюремным заключением.

Ответ последовал немедленно. Начались забастовки протеста. Сначала выступили машиностроительные рабочие в Токио, затем железнодорожники на островах Сикоку, Хоккайдо и Кюсю, вслед за ними телеграфисты и почтовики Осака, Нагано и других городов на Хондо. На всех четырех главных островах Японии развевались красные флаги стачечных комитетов. Так ответили красные на запрет из Хибия.

4

Я уже давно написал ответы на вопросы Хаш-хаша. Когда я, наконец, позвонил ему, он назначил встречу на 22 часа у каменных

львов перед Домом собраний в Хибия. Он подъехал в машине, и мы направились на явочную квартиру в одном из безлюдных переулков квартала Таканава. Этот квартал барских особняков совсем не пострадал от бомбежек.

Машина въехала в ворота старинного типа с медными украшениями и остановилась перед особняком в конце большого двора, усыпанного гравием. Мы вошли во внутренний сад с прудом и перекинутым через него каменным мостиком, с холмиками, крошечными водопадами и соснами с длинными извивающимися ветвями, подпираемыми костылями. В углу сада вместо хижины для чайных церемоний стоял домик типа бунгало.

Хаш-каш открыл дверь своим ключом и провел меня в комнату с европейской мебелью, но с японскими картинами - непристойными гравюрами эпохи Эдо.

К моему удивлению, Хаш-хаш перелистал тетрадку с моими ответами без всякого интереса и небрежно засунул в карман

- Я написал об интересных вещах, - сказал я. - О том, как наша разведка в Шанхае поддерживала во время войны деловой контакт с резидентами гоминдановской разведки - Чжу Тай-яо и Цзян Хао. Мы совместно проводили специальные акции против красных подпольщиков.

- Я передам ваш доклад тем, кто занимается этими делами. Меня теперь интересует другое. Но об этом мы поговорим через некоторое время. - Он посмотрел на меня с улыбкой. - Ну как, ознакомились с вашим... подпольем?

Я засмеялся:

- Подполье, разрешенное и опекаемое сверху. Самое оригинальное подполье в мире. К чему эта конспирация?

Хаш-хаш скорчил гримасу:

- Приходится... Не забывайте, что в Союзном совете для Японии сидят советские представители... Перед каждым заседанием совета - особенно когда известно, что будет очередная неприятность с их стороны, - наш представитель уезжает на курорт в Хаконэ и набирается сил. Трудновато ему приходится.

- Ваш представитель, конечно, твердит насчет укрепления основ демократии в Японии и претворения в жизнь демократических идеалов...

- А они в ответ начинают обстреливать его пунктами Потсдамской декларации. И нашему приходится только отмахиваться руками.

- Сейчас они, наверно, особенно сильно нажимают насчет репрессий против стачечников?

Хаш-хаш кивнул головой:

- Да. Наша головная боль - это японские красные. Ну ничего, на днях им преподнесут сюрприз - одним ударом расправятся с ними. Вот увидите.

Я вопросительно посмотрел на него.

- Узнаете сами. Сегодня я пригласил вас просто так... захотелось повидать. Скоро начнем работать. Только предупреждаю. Имейте в виду, что вы умерли и вместо вас существует тот, кому было выдано свидетельство на Иводзима. Когда будете представляться кому-нибудь, называйте всегда новое имя. А во-вторых, хотя у нас и негласно разрешенное подполье, но все равно надо соблюдать правила конспирации. Мы поручаем некоторым японским офицерам доверительную работу, и в первую очередь тем, кто в силу тех или иных причин... - он пристально посмотрел на меня, - считает целесообразным ладить с нами и выполнять наши секретные поручения. Но мы требуем от этих офицеров, чтобы они никому из своих друзей, даже самым близким, не говорили ни слова о своей работе. Другое дело, когда мы их сводим вместе в группы. Понятно?

Я утвердительно склонил голову. На этом кончилась наша первая встреча на Таканаве.

Как только я стал рассказывать Ии о встрече с Хаш-хашем и о предстоящей расправе над красными, он остановил меня.

- Знаю. Завтра на рассвете многие из наших поедут в пригород Кинутамура смотреть на этот "матч". Возьми с собой оружие. По ходу дела, может быть, придется принять участие. Там соберутся члены "Содружества хризантемного флага" и других организаций. Как только начнется свалка, они приступят к действиям. Этот инцидент в Кинутамура может стать поворотным пунктом в истории послевоенной Японии.

Дело заключалось в следующем. Группа уволенных рабочих и служащих кинокомпании "Тохо" засела на территории киностудии, требуя восстановления их на работе. Уволенных поддержали

остальные рабочие и служащие студии. Конфликт уже продолжался четыре месяца. Обе стороны отказывались идти на уступки.

По сведениям, имевшимся у американского командования, на территории студии засело две тысячи стачечников и примкнувших к ним из солидарности рабочих других предприятий. Они превратили киностудию в своеобразную крепость - оборонительные сооружения были возведены по проектам группы левых кинорежиссеров во главе с Камеи Фумио. Перед всеми служебными корпусами были поставлены громадные бочки с несмываемой краской, а над ними установлены мощные вентиляторы, употребляемые при съемках. В случае вторжения полиции имелось в виду пустить эти вентиляторы. Силой ветра краска будет разбрызгиваться во все стороны, залепляя глаза нападающих. На их голову будут падать подпиленные деревья, а с крыш и окон - мешки с толченым стеклом. На каждом шагу были устроены электрические капканы. И еще было заготовлено немало сверхковарных сюрпризов, до которых могли додуматься только кинорежиссеры. И кроме того, американцы были уверены, что все засевшие отлично вооружены холодным и огнестрельным оружием.

Штаб главнокомандующего решил подавить забастовку и дал соответствующие указания японской полиции. При подавлении забастовки должны были присутствовать представители властей и прессы - японской и иностранной. Поэтому полиции было приказано начинать действовать, не открывая огня, с таким расчетом, чтобы заставить стачечников первыми прибегнуть к силе оружия. Тем самым они превратятся в вооруженных бунтовщиков, и полиция получит законное право применить к ним все меры, допускаемые при подавлении бунта.

Полицейских предупредили: операция будет кровопролитной. Она должна начаться с оцепления всей территории киностудии, чтобы лишить стачечников возможности получить подкрепление из города и не выпустить ни одного бунтовщика из железного кольца. Всех, кто случайно прорвется сквозь это кольцо, имелось в виду подвергнуть аресту и в случае сопротивления уничтожить. В расправе могут принять участие и зрители.

5

Рано утром в конторе Ии собралось десятка два офицеров, в том числе Хидака и Судзуки. Мы поехали в Кинутамура на грузовиках.

Территория киностудии представляла собой огромный парк с холмами и густыми сосновыми и бамбуковыми рощами, среди которых виднелись служебные корпуса и домики, похожие на виллы европейского типа.

Мы выгрузились недалеко от остановки автобуса и пошли к главным воротам киностудии. Стаечники действительно поставили проволочные ограждения и, судя по предупредительным надписям, даже пустили электрический ток. За железной решеткой виднелись баррикады. Возле них стояли пикетчики. Оружия у них не было. И вообще вид у них был совсем не боевой - белые спортивные рубашки и короткие штаны, у девиц - длинные широкие брюки, аккуратно выутюженные. Из-за деревьев заорал громкоговоритель, как будто готовилась съемка:

- Товарищи, кончайте скорее завтрак и займите свои участки. Смените дежурных на насыпи за актерским флигелем. Товарищей из звукового цеха просят в третий павильон!

Часть нашей группы направилась к речке, вдоль которой шла насыпь, чтобы занять позицию около запасных ворот, а часть расположилась среди деревьев недалеко от главных ворот.

Вскоре показались три самолета. Они сделали несколько кругов над киностудией и улетели. Через некоторое время вдали на шоссе появились джипы и грузовики. Они шли со стороны станции Сибуя. Но когда подъехали ближе, оказалось, что это не наша полиция. Из машин стали выскакивать американские военные полицейские в полном боевом снаряжении. Затем подъехали американские солдаты с автоматами - не менее полуроты, за ними - броневики.

Немного спустя подошли три танка, позади которых следовали машины с американскими офицерами и одна - с кинооператорами. В последней машине ехал генерал. Он вдруг что-то крикнул, показывая рукой на крышу сторожки у ворот. Его машина круто повернула обратно и помчалась в сторону холма с коттеджем, где, очевидно, находился командный пункт американцев. На крышу сторожки вылезли белые фигурки. Я посмотрел в бинокль и увидел двух девиц. Они сидели на краю крыши и что-то ели. Снайперских винтовок у них не было.

Наконец подкатили наши полицейские на американских военных грузовиках. Колонну грузовиков сопровождал танк. Башни на нем не

было, вместо орудия впереди что-то торчало - не то таран, не то крюк. Но сомневаться не приходилось: танк был не американского типа, а наш. Часть полицейских выгрузилась из машин и, быстро построившись в колонны, пошла по шоссе, высоко вскидывая колени, - нашим армейским шагом. Все полицейские были в летней светло-коричневой форме без погон, с нагрудными знаками, в боевых шлемах японского образца и вооружены револьверами, ломami, пожарными топорами, ножницами для резания проволоки.

Над территорией киностудии снова закружились самолеты. Один из них прошел бреющим полетом, чуть не задев верхушки пиний и крышу, на которой прохладались девицы. Те поспешно ретировались. Снова заорал громкоговоритель, но слов нельзя было разобрать, - вероятно, был дан сигнал тревоги.

К нам подбежал со стороны речки Миками и сообщил, что к запасным воротам подошла машина с кинооператорами и несколько иностранных корреспондентов пошло за ограду, - судя по всему, самое интересное начнется там. Действительно, у запасных ворот стояли американские танки, броневики и вереница машин с американскими и нашими полицейскими. На крыше здания у самых ворот были нагромождены кирпичи, колеса и ящики - все это должно было обрушиться на нападающих.

Минута проходила за минутой, но американцы не подавали сигнала к атаке. Отчетливо донесся голос громкоговорителя: "Все на вторую сцену! Привести себя в порядок!" За деревьями опять замелькали белые фигурки, они громко перекликались. Мы подошли вплотную к американским танкам, держа руки в карманах. Но вместо выстрелов за деревьями послышалось пение. Оно приближалось к воротам. За цепью полицейских грузовиков показались красные флаги. Стачечники первыми пошли в атаку. Но американцы и наши полицейские, стоявшие у ворот, почему-то попятились назад и расступились. Показались передние ряды стачечников с флагами на длинных бамбуковых шестах. За ними шли люди без флагов, по четыре в ряд, держа друг друга под руки, без всякого оружия. Происходило что-то непонятное. Колонны красных, громко распевая "Интернационал", шли мимо танков, броневиков и грузовиков, на которых стояли американцы.

Из колонны красных кто-то крикнул: "Надо было притащить заодно и военные корабли. Только их не хватает!" Вся колонна захохотала. Я крепко стиснул револьверы в обоих карманах и оглянулся. Американские офицеры стояли в машинах, скрестив руки с закатанными рукавами и надвинув высокие фуражки на глаза. На одном из джипов рядом с шофером стоял Хаш-хаш. Наши взгляды встретились. Он прищурил глаза и отвернулся. Это могло означать либо "валяй", либо "воздержись". Но никто не начинал. Американцы и наши полицейские продолжали стоять в окаменелых позах с растерянно-недоуменным видом. Самолеты, сделав еще несколько кругов, улетели - так и не дождались выстрелов на земле. Мимо меня проходили уже последние ряды красных. Через несколько минут они, продолжая петь, скрылись за деревьями, окаймлявшими шоссе. Слов песни уже нельзя было разобрать, доносился только мотив, в котором как будто звучали слова: "Мы вас не боимся, а вы нас боитесь!"

Первыми пришли в себя наши полицейские. Их танк вдруг ринулся в распахнутые ворота, они бросились за ним и стали яростно колотить топорами и ломами по баррикаде.

Мы молча пошли к нашим грузовикам, стоявшим в стороне от дороги, и поехали в город.

На следующий день в газетах появились подробные репортажи об операции, проведенной совместно американскими войсками и японской полицией. Сообщалось, что американскими наземными войсками, принимавшими участие в этой операции, командовал бригадный генерал Х. Ф. Т. Гофман, а всей операцией руководил с воздуха командующий 1-й кавалерийской дивизией 8-й армии генерал-майор Уильям Чейз. В его распоряжении находились: две тысячи японских полицейских, один японский полицейский танк, сто пятьдесят американских военных полицейских, взвод моторизованной пехоты, шесть броневиков и три танка "Шерман" с 55-миллиметровыми орудиями.

А левые газеты не скрывали своего ликования. Они писали о том, что власти имели в виду вызвать вооруженное столкновение, превратить его в кровавую расправу со стачечниками и создать повод для разгона всех рабочих союзов в Японии. Но стачечники, разгадав этот план, сорвали провокацию.

Одна из левых газет поместила сообщение об инциденте в Кинутамура под жирным заголовком: "Притащили все, кроме военных кораблей!"

Позже я узнал, почему генерал Чейз не решился атаковать красных. Он получил сведения о том, что в Кинутамура на выручку стачечникам идут отряды красных из города. Пока эти сведения проверялись, стачечники выбрались из окружения.

6

Американцам не удалось расправиться с красными одним ударом. Операция в Кинутамура провалилась. Мы были сильно разочарованы.

Зато в наших конторах дела шли полным ходом. Чжицзянское соглашение, заключенное между главным командованием наших войск в Китае и гоминдановцами в момент окончания войны, претворялось в жизнь. С разрешения американцев в Японию прибыл тайный посланец Чан Кай-ши - У Те-чен для переговоров с нашими конторами.

У Те-чен обратился к нам с просьбой набрать волонтеров - летчиков, танкистов и артиллеристов - и прислать их как можно скорее в Китай. Главная контора в Хибия предложила нашим лидерам удовлетворить просьбу гоминдановского посланца. Но на совещании наших лидеров было решено уведомить главную контору о том, что на формирование волонтерских отрядов потребуется некоторое время - ввиду необходимости провести тщательный отбор волонтеров и проверить их благонадежность. Дело в том, что часть бывших офицеров под влиянием новой среды и условий своей жизни стала проявлять нежелательные настроения. Особенно это было заметно среди офицеров, ставших шоферами, велорикшами, рыбаками и землепашцами. В Осака, например, группа шоферов грузовых машин - бывших танкистов - приняла участие в демонстрации рабочих, протестовавших против директивы американского главнокомандующего о запрещении стачек. А в одном из уездов префектуры Ниигата несколько офицеров-артиллеристов вместе с крестьянами произвели самую настоящую бомбардировку помещичьей усадьбы с помощью самодельных катапульти, стреляющих камнями.

Американское начальство, знавшее об этих фактах, согласилось с доводами наших лидеров и посоветовало У Те-чену не торопить нас. Но эта ссылка на необходимость проверки офицеров была простой отговоркой с нашей стороны. Свихнувшиеся офицеры уже были взяты

под строгое наблюдение, и никто не думал включать их в волонтерские отряды. Мы не торопились, потому что выжидали. Положение на китайских фронтах было угрожающим. Красные начали наступление на всех фронтах - Чаньчунь, Мукден и Тайюань были осаждены, вся провинция Шаньдун уже оказалась в их руках. А через некоторое время красные заняли весь Бейпин-Тяньцзинский район.

В этих условиях посылать наши отряды в Китай значило лить воду из чайника в вулкан. Надо было выждать. Штаб главнокомандующего пришел к такому же выводу, признав, что положение в Китае грозит катастрофой. Нам предложили послать волонтеров на Тайвань, чтобы отстоять его от красных. Это предложение мы приняли без всяких возражений. Но не потому, что хотели отстоять этот остров как последний бастион гоминдановцев, а потому, что решили сохранить Тайвань для себя.

7

Двадцать первого марта 1949 года, в день весеннего поминовения душ императоров, Ии предложил мне пойти с ним на совещание в кафе "Субару", рядом с театром того же названия, в квартале Юракутё.

Когда я вошел в комнату, где шло совещание, мне на мгновение показалось, что я вдруг проснулся. Кончился долгий страшный сон - крах в Манчжурии, капитуляция, высадка американцев, роспуск армии - ничего этого не было, все приснилось, и, проснувшись, я увидел себя на очередном совещании на Итигаядай среди старых знакомых, сидящих за длинным столом перед стеной; на которой висят портреты императора Мейдзи и ныне здравствующего государя в форме генерал-фельдмаршала, а под портретами большая карта великой восточноазиатской сферы сопроцветания.

Передо мной, как на полочке для кукол в день праздника девочек, сидят рядышком генералы. С толстыми выпяченными губами и надутыми щеками - Кавабэ; коренастый, в очках, с подстриженными усиками - Нэмото; лысый, с глазами навывкат - Касахара, а рядом бритый, с большими ушами - Сумида, только что доставленный на самолете из Китая по личному распоряжению Чан Кай-ши. А с того конца стола мне улыбается загорелый, круглолицый Ямаока, в тех же очках в роговой оправе, напротив него - полковник Цудзи, Малайский тигр, с нависшими бровями и тяжелой челюстью. Все сидят как ни в чем не бывало, живые, невредимые.

Но то, что произошло, не было, однако, сном. Мы сейчас не на Итигаядай. У собравшихся здесь нет ни золотых петличек, ни генштабистских аксельбантов, ни флигель-адъютантских лент, все в штатском.

Среди нас сидят посторонние. Вот этот старик, очень похожий на орангутанга, в темных очках, - это знаменитый Кухара, глава одного из крупнейших финансовых кланов Японии. Посасывая трубочку с крохотной золотой головкой, он шепчется с бывшим заместителем начальника генштаба империи. Да, мы сейчас не на Итигаядай. И хотя это совещание происходит в самом центре столицы, рядом со зданием штаба американского главнокомандующего, и на нем присутствует майор из конторы "Зи Эф", это все-таки тайное совещание.

Генерал-лейтенант Нэмото доложил о том, что отряд летчиков уже готов к отправке на Тайвань. Все прошли практику на американских самолетах "Б-36", "Ф-82" и "Ф-86". Отряд состоит в основном из студентов - членов крайне правой организации, именуемой Ассоциация студентов по оказанию помощи репатриированным. А второй отряд - танкистов - сейчас проходит переподготовку на танках типа "Першинг" и "Паттон".

Совещание наметило состав штаба по формированию волонтерских отрядов: бывший главнокомандующий наших войск в Китае генерал Окамура, бывший начальник органа специальной службы в Харбине генерал-лейтенант Дои, бывший командующий армейской группой 1-го направления в Среднем Китае Сумида, бывший командующий войсками в Северном Китае генерал-лейтенант Нэмото, бывший начальник штаба 1-й армии в Шаньси генерал-майор Ямаока и бывший старший офицер штаба войск в Малайе полковник Цудзи.

Список чинов штаба был передан американскому представителю.

Затем генерал-лейтенант Сакураи информировал участников совещания о том, что вербовочные бюро уже открыты в семнадцати городах Японии. Главное вербовочное бюро в Токио будет именоваться Конторой Восточноазиатской промышленной компании.

В заключение было заслушано сообщение подполковника Ямадзаки - бывшего начальника китайского отделения 2-го отдела генштаба - о том, что его конторой подготовлена к отправке большая группа офицеров-китаеведов, работавших в Китае во время войны в

органах "Вишня", "Слива" и "Блеск". Они будут преподавать в специальных школах при филиалах американо-гоминдановской разведывательной организации САКО в Тайхоку, Гонконге и Маниле. В этих школах обучаются работники гоиндановской секретной службы.

Вернувшись домой, я зажег курильные свечи перед стоящими на этажерке портретами Дзинтана, Муссолини и других и, отвесив поклон, сказал:

- Мне теперь не стыдно что я остался жить. Я сделаю все, чтобы заслужить ваше прощение.

- Тебе нечего извиняться перед ними, - сказал вошедший в этот момент Ии. - Они зарезались, потому что не были дальновидными. Они теперь завидуют тебе.

Я покачал головой в знак того, что не одобряю его непочтительного тона в отношении моих доблестных друзей, и перевел разговор на другую тему.

- Зачем пускаете штатских на наши архисекретные совещания? - спросил я. - Получается, что мы плюем на всякую конспирацию.

- Кухара - представитель Японской ассоциации промышленников, главного штаба финансовых и промышленных тузов империи. Они финансируют наши конторы и находятся в курсе всех наших предприятий, - сказал Ии весьма почтительным тоном.

8

Американцы утвердили состав штаба по формированию волонтерских отрядов. Штаб начал функционировать. Все мероприятия по формированию отрядов и отправке их на Тайвань решено было назвать операцией "Вако"

Это название понравилось всем. Шесть столетий назад наши предки рыскали по всем морям Восточной Азии. Первые японские набеги на Тайвань были совершены пиратами, которых называли "вако". И снова теперь едут в южные моря наши отважные молодцы, вознося молитвы нашему воинскому богу Юмия Хатиману.

Ии вместе с Кавабэ, Дои и другими отправлялся в Ямагата проведать больного Исихара. Он сказал мне, что генерала довольно часто навещают не только его ближайшие ученики, но и чины американского штаба. Американцы привозят генералу лекарства и продукты.

Ии, улыбаясь, добавил:

- А в Германии на американцев работает генерал Гальдер, автор плана "Барбаросса", плана войны с Россией, Гальдер - немецкий Исихара.

Красные форсировали Янцзы и взяли Нанкин. Спустя несколько дней после падения гоминдановской столицы я пошел на собрание в храм Кан'эй в парке Уэно. В этот вечер здесь происходило собрание по случаю отправки первого отряда на Тайвань.

У ворот какие-то люди в противогриппозных масках раздавали прохожим листовки с адресами вербовочных бюро. Цветенье вишен уже кончилось, опавшие лепестки устлали землю вокруг храма. Большинство собравшихся - юноши в студенческой форме. У многих на голове и шее белели шарфы - точь-в-точь такие носили во время войны летчики из отрядов смертников.

Напутственную речь произнес адъютант генерала Сумида. Он поздравил едущих с высокой честью, выпавшей на их долю. Они должны быть готовы к тому, чтобы осыпаться, подобно лепесткам вишни, во имя империи. Они - авангард императорской армии, которая ныне восстает из пепла. Действуя совместно с бывшими врагами, Великая Япония сокрушит главного врага - красных.

Кто-то сзади крикнул с сильным кюсюским акцентом:

- Сперва расправимся с красными, а потом рассчитаемся с бывшими врагами!

Все яростно захлопали в ладоши и запели песню "Уми юкаба" незабываемую песню, которую распевали верноподданные в течение всей войны:

Выйдешь в море - трупы в волнах,
В горы пойдешь - трупы в кустах,
Все умрем за государя,
Без оглядки примем смерть!

9

Хаш-хаш назначил мне экстренную встречу на Таканаве. Я заявил ему о своем желании учредить собственную контору, чтобы набрать бывших работников специальной службы в Китае, восстановить связи с нашей агентурой в Шанхае, Уси, Ханьжоу и Нанкине и начать действовать со стороны Тайваня.

Не дослушав меня, Хаш-хаш покачал головой:

- Вы будете работать не в направлении Тайваня, а в другом.

- В каком?

Он поморщился - судя по всему, у него было плохое настроение.

- Неужели непонятно? Вы генштабист, офицер главной квартиры, вас рекомендовали как одного из опытейших работников разведки, а соображаете вы очень плохо.

- Если считаете меня непонятливым, соблаговолите объяснить.

- Нам приходится начинать все сначала. С того же, с чего начали и вы, Понятно?

- То есть начать разрабатывать план Исихара с самого начала?

Хаш-хаш махнул рукой:

- Я вижу, что пресловутое древнеяпонское угощение не принесло вам никакой пользы. Сделало вас не храбрым, а трусом и подействовало на ваши мозги...

Теперь я мог его не бояться - вскочил, схватил пепельницу и гаркнул:

- Сам ты трус и не смей грубить!

Он тоже вскочил и, засунув руку в карман, процедил, сквозь зубы:

- Шевельнешься - уложу на месте. Желтая обезьяна, трус! Джап паршивый!

- Сам трус, рыжая обезьяна!

Мы стояли друг против друга, разделенные столом. Он смотрел на мою руку с пепельницей, а я на его руку, засунутую в карман. Было слышно, как тикают его ручные часы. Минуту спустя он усмехнулся и, вынув руку из кармана, сел. Я тоже сел, положив перед собой пепельницу. Хаш-хаш вынул трубку и закурил. Я закурил сигарету. Он тихо рассмеялся:

- Ну ладно, не будем больше... Это ни к чему. Не будем тратить драгоценное время. У нас общий враг и общее дело.

Я кивнул головой:

- Объясните, в чем дело.

- Объяснять тут, в сущности, нечего, все ясно. После вашей капитуляции мы хотели сразу же занять ваше место в Азии, но Чан Кай-ши подвел нас. В Китае произошла катастрофа. Теперь вся наша политика в Азии поставлена под удар. И если мы не примем контрмер, нам останется одно: уйти из Азии. А на это мы никак не можем согласиться. Мы решили провести контрмеры. И нам придется начинать с того же, с

чего начали вы. Для того чтобы утвердить свое положение в Азии, вы сперва взяли Тайвань, потом...

- ...Корею. Но мы это сделали не сразу...

- Тогда была другая ситуация. Россия и Китай не были красными. А теперь время не ждет... Мы закрепим за собой Тайвань и Корею одновременно, затем возьмем Маньчжурию - и дальше. Ваш план Исихара был направлен только против России, а наш план шире, его объект - и Россия и вся Азия.

- У нас этот план официально назывался "Хакко итиу" - восемь сторон горизонта под одним небом.

- Слишком длинно и слишком прозрачно. Наше название короче, но знать его вам пока незачем. А та работа, к которой вы отныне будете иметь отношение, составляет только часть большого плана. Эта часть плана условно именуется: план "Эй Би Си".

- Теперь все понятно. Вперед - на континент. Значит, будем работать в направлении Корейского полуострова.

- Да. Южная часть этого полуострова теперь именуется республикой Тайхан, а в северной, как вы знаете, обосновались корейские красные. Они закрывают нам дорогу к Ялу и дальше. Поэтому их надо убрать.

Я рассмеялся:

- Собирался на Тайвань, а получилось совсем другое. Вместо Тайваня Тайхан. Решили вернуться на материк с другого конца?

- Ударим с этой стороны и возьмем реванш за поражение Чан Кай-ши.

Хаш-хаш подошел к шкафу и достал бутылку коньяку, лимон и сахар. Наполнив рюмки, он провозгласил тост:

- За маршрут Пусан - Ялу и дальше. Хип-хип-ура!

Я положил в рот кусочек лимона и поморщился:

- Как раз на этом маршруте три с половиной века назад споткнулся Хидэеси. Его войска дошли до района севернее Пхеньяна, а потом начались всякие неприятности, и в конце концов пришлось уйти с полуострова.

- Ваш Хидэеси был никудышный полководец. Ваши историки величают его "японским Наполеоном", но он был просто дерьмо. Поэтому и провалил корейский поход. А наш... - презрительно сощурился и оттянув вниз углы рта, Хаш-хаш стал очень похож на

того, кого изображал, - наш пятизвездный... не подведет. И к тому же у него есть то, чего не было у вашего Хидэёси, - есть противотанковые бауки, танки "Паттон", реактивная авиация, напалм... и еще кое-что. Пьем за лучшего стратега Америки!

Мы выпили за главнокомандующего, затем за успех нашего дела.

С этого дня я начал работать в направлении Корейскую полуострова.

"ЭЙ БИ СИ"

1

Сразу же из Таканавы Хаш-хаш повез меня в Йокогаму, в китайский ресторанчик "Мантинро" на Нанкинской улице. Мы вошли в дом с черного хода, охраняемого двумя индусами гигантского роста в чалмах и с дубинками. Пройдя по темному коридору, пропитанному запахами бобового масла и опия, мы очутились в небольшой комнатке, посредине которой стоял огромный круглый стол из полированного черного дерева. Нас встретил пожилой, очень хорошо одетый господин с подчеркнута церемонными манерами. Я его принял за американского японца, но он оказался американским корейцем.

Доктор Роберт Джефферсон Хан - так назвал он себя - на ломаном японском языке объяснил, что говорит по-японски плохо, но понимает все.

Я назвал свое иводзимское имя, а Хаш-хаш добавил:

- Кодированное имя подполковника: Хиропон.

Роберт Хан вежливо улыбнулся, показав золотые зубы, и сказал:

- Очень модное имя. А меня прошу называть просто доктором.

Нам подали чайник и чашки, но в чайнике оказался не чай, а какой-то коричневый напиток, отдающий лекарством. Роберт Хан сказал, что это знаменитое китайское снадобье "хэшоуня" - настой из горных целебных трав, возвращающих старикам молодость.

Вскоре подъехал еще один господин. Роберт Хан вскочил, низко поклонился, приложив руки к коленям, и бросился снимать с гостя пальто. Лицо его показалось мне знакомым. Хаш-хаш, не вставая с кресла, представил вошедшего:

- Генерал Ким Сек Вон, бывший полковник японской армии Канаяма Секиген.

Я отвесил короткий поклон по-военному и назвал себя. Я вспомнил его. Это был тот самый полковник с корейскими усами,

которого я видел в день капитуляции в штабе мятежа. Тогда он шептался о чем-то с Дзинтаном. А потом я видел его в саду у Ии среди офицеров, закапывавших сейфы в землю. Теперь он был без усов. Генерал ответил мне вежливым поклоном и спросил:

- Вы из Общества изучения истории?

За меня ответил Хаш-хаш:

- Нет, он мой консультант по вопросам специальной службы, но тоже будет в курсе исторических изысканий.

- Я слышал о вас от ваших друзей и давно хотел познакомиться. Теперь благодаря вам наша работа пойдет быстрее.

Он задал мне несколько вопросов о моей деятельности в Китае и, узнав, что я одно время работал в отделе специальной службы при штабе генерала Мацуи и участвовал в создании среднекитайского правительства Лян Хун-чжи, одобрительно закивал головой.

Хаш-хаш подал мне знак - церемония представления окончилась. На обратном пути он сказал, что мне придется работать в чрезвычайно спешном порядке. Вместе с Робертом Ханом надо будет разработать план разведывательных мероприятий, связанных с планом "Эй Би Си". С доктором работать будет интересно. Он во время войны состоял в чунцинском филиале американо-гоминдановской организации САКО и успешно проводил засылку агентов в красные районы.

Я стал встречаться с Робертом Ханом в гостинице "Фукудая" перед станцией Йоцуя. В качестве переводчика ко мне был приставлен бывший студент Мейдзийского университета Пак Ча Ден. Это был вертлявый и болтливый субъект. Он сразу же стал хвастать своим знакомством со многими японскими офицерами, но называл преимущественно офицеров жандармерии.

Меня представили еще двум важным персонам - министру обороны Южной Кореи Син Сен Мо и заместителю начальника генштаба генерал-майору Чен Ир Гвону. Ни тот, ни другой не произвели на меня впечатления солидных людей. Скуластый, с оттопыренными ушами и презрительно прищуренными глазами, военный министр был похож на осакского ростовщика. А генерал Чен Ир Гвон маленький, в очках, с безусым мальчишеским лицом - напоминал свежеиспеченного подпоручика. На вид ему было не больше тридцати.

Син Сен Мо с гордостью сообщил мне, что во время второй мировой войны служил капитаном английского грузового парохода. За перевозки консервов и маргарина он получил английскую военную медаль. И с тех пор, по-видимому, стал считать себя великим знатоком военного дела.

А генерал Чен Ир Гвон заявил, что во время войны состоял офицером маньчжоугоской армии и проводил карательные экспедиции против корейских партизан, сражавшихся вместе с китайскими красными в Манчжурии. За эти операции он получил орден от императора Генри Пу И.

Оба тайханских лидера просили меня выполнить порученную мне работу как можно скорее - в интересах общего дела.

По приказу Чен Ир Гвона нам с Робертом Ханом стал помогать Лим Хо, он же Генри Лим - офицер разведывательного отдела Южнокорейского генштаба. До капитуляции Японии он был чиновником полицейского департамента нашего генерал-губернаторства в Корее.

В нашу группу включили еще двух японцев - полковников Хидака и Судзуки Кейси. Когда Хаш-хаш спросил меня, кого я еще могу рекомендовать для работы, я чуть было не назвал своих доблестных покойных друзей. Вот за кого я мог поручиться как за себя! Как бы они сейчас пригодились - Дзинтан с его опытом работы в Северном Китае, где он состоял в отделе специальной службы штаба Тераути и проводил особые акции политического значения, и Муссолини, работавший в штабе жандармерии в Корее.

Теперь я не стыдился смотреть на их фотографии на этажерке. Они умерли, решив, что слава и величие империи рухнули навсегда, но ошиблись и взирали теперь на меня не с презрением, как до сих пор, а с явной завистью. Я оказался дальновиднее.

Яшма разбилась, но осколки уцелели. И этим осколком было суждено снова соединиться - по предначертанию свыше.

2

Яшму клеивали по предначертанию свыше - с шестого этажа главной конторы в Хибия. На этом этаже помещался кабинет Мака - так сокращенно именовали главнокомандующего его подчиненные.

Ии и другие еще не вернулись из Ямагата. Но во всех конторах уже говорили об этой поездке. Состояние Исихара внушало опасения, -

судя по всему, у него был рак. Но не это служило главной темой разговоров. У постели больного состоялось совещание, на котором ближайшие сподвижники и последователи генерала Исихара докладывали ему о положении дел. В частности, Кавабэ информировал старика о проекте, составленном по приказу штаба американского главнокомандующего. Именно этот проект и был в центре всеобщего внимания.

Контора Кавабэ находилась в здании "Мейдзи-билдинг". При конторе была создана комиссия в составе генералов Камата, Арисуэ, Танака и Онодера. Комиссия была названа "органом Като" - по первым буквам их фамилий.

В основу проекта, составленного "органом Като", были положены общие указания Макартура относительно постепенного восстановления регулярной армии и флота империи.

Этот проект был написан жестким, деловым языком. Но каждая его фраза отдавалась в наших ушах, как звуки лютни небесной девы. Суть проекта заключалась в следующем.

Ядром воскрешаемой армии будет армейский корпус, состоящий, по американскому образцу, из трех пехотных дивизий с частями усиления. Он будет создан под предлогом увеличения полицейских сил, но должен существовать совсем отдельно от государственной полиции, состоящей из шести дивизий, и местной полиции, состоящей из четырех дивизий.

Для подготовки офицеров будут восстановлены военные училища. Называться они будут до поры до времени "полицейскими".

В дальнейшем должно быть создано еще четыре корпуса. Таким образом, будет сформировано пятнадцать дивизий, полностью вооруженных по-американски.

Возникает вопрос: как быть с офицерским составом этих корпусов?

Так называемые полицейские школы дадут только подпоручиков, и то не сразу. Укомплектовать офицерский состав можно только одним путем: привлечь бывших офицеров.

Но директива Мака от 4 января 1946 года, вытекавшая из Потсдамской декларации, запрещает не только тем, кто зачислен в категорию военных преступников, но и всем бывшим офицерам японской армии и флота состоять на государственной службе.

Проект "органа Като" прямо ставил вопрос об отмене этой директивы.

Что касается императорского флота, то он будет воссоздан на основе уже существующей морской полиции, которая имеет 300 судов и около 2000 офицеров и матросов.

По возвращении Ии и других из Ямагата стало известно о том, что проект утвержден главной конторой. Эта весть вызвала ликование во всех наших конторах, артелях, содружествах, клубах. Из пепла сожженных четыре года назад знамен восставала японская армия. Ее временное небытие кончилось. Боги вознаградили нас за то, что мы все стерпели и вынесли.

Проект был утвержден, но с некоторыми поправками.

Американский штаб считал нецелесообразным открыто отменять директиву от 4 января 1946 года. Пусть она официально остается в силе. Освобождение бывших офицеров из-под действия директивы будет проводиться в персональном порядке - в виде исключения. А эти "исключения" будут делаться в количестве, вполне достаточном для укомплектования основного офицерского состава армейского корпуса.

Программа обучения офицеров и солдат армейского корпуса, предлагаемая проектом "органа Като", была признана американским штабом недостаточной. Весь офицерский и рядовой состав должен еще пройти специальную переподготовку в лагерях на Хоккайдо. А танкисты пройдут курс специального обучения в американском военном лагере Кроуфорд на Хоккайдо.

- Почему лагеря специального обучения создаются только на Хоккайдо? спросил я у Ии. - Чтобы обеспечить секретность?

- Имеется в виду и это, но главным образом так делается для того, чтобы наша новая армия с момента своего возникновения стала готовиться к выполнению главной задачи, ради которой ее возрождают. Поэтому она будет тренироваться в условиях сурового климата. Из всех частей Японии Хоккайдо наиболее близок по климату к Маньчжурии и Сибири.

- А когда будет сформирован корпус?

- Когда контора Кавабэ доложит главной конторе о том, что все готово.

- А как будет называться корпус?

- Еще не придумали. Все равно как будет называться - полицией особого назначения, или резервной полицией, или еще как-нибудь...

- А нельзя обойтись без этой дурацкой вывески?

- Эта вывеска нужна будет до момента подписания мирного договора. А после этого мы либо заключим с Америкой пакт о взаимной обороне, либо присоединимся к Тихоокеанскому пакту, если он появится к тому времени. И тогда мы сбросим все вывески, начиная с полицейских корпусов и морской полиции, а все наши конторы превратятся в соответствующие отделы военного министерства, генерального штаба и прочих учреждений.

- По-моему, самая смешная вывеска у Общества изучения истории. Придумали тоже!..

- После мирного договора оно станет называться первым отделом генштаба. А может быть, третьим, потому что в американском штабе оперативно-стратегический отдел идет под третьим номером.

Ии предложил мне съездить вместе к Ким Сек Вону, который остановился в доме одного богатого корейского коммерсанта в квартале Отяномидзу. Генерала мы не застали дома. Выйдя за ворота, Ии оглянулся.

- Хочешь видеть Осьминога? Его не приняли ни в одну контору. Из старых генералов мы принимаем только самых работоспособных и толковых. Старик остался не у дел и, чтобы не сдохнуть с голоду, занялся... знаешь чем? Гаданьем. Сейчас это очень прибыльное дело. Он обычно стоит где-то тут поблизости.

Недалеко от станции кольцевой линии электрички толпились люди вокруг столика. Подойдя ближе, мы увидели, что за столиком стоит не Осьминог, а маленький седой старичок в очках, похожий на профессора.

Около столика был водружен щест с красным флагом и плакатом: "За мир и независимость! Против превращения Японии в иностранную военную базу!" Рядом со старичком стояли парни в замусоленных куртках военного образца и военных каскетках и девушки в рабочих шароварах. Одна из них с каким-то значком на груди держала в руках транспарант, на котором было выведено красной тушью: "Хиросимы больше не будет!"

На столике лежали длинные листы бумаги, испещренные столбиками подписей, и большая тушница. Старичок выкрикивал:

- Долг каждого патриота - требовать заключения всестороннего мира и бороться против возрождения фашистской военщины!

Подошла женщина с ребенком на спине, взяла кисточку и, низко наклонившись над бумагой, вывела свою подпись. Старичок поклонился ей. Ии дернул меня за рукав, мы отошли назад. К столику подошел рикша, опустил оглобелки на землю, вытер руки о штаны и принял из рук старичка кисточку. За спиной рикши стал студент, на его фуражке были вышиты скрещенные перья герб Кэйоского университета. К столику подходили беспрерывно, большей частью молодые люди.

Мы молча переглянулись и пошли дальше. Всегда спокойный и невозмутимый, Ии на этот раз явно нервничал. У него дергалась щека, как будто он подмигивал кому-то. Наконец, успокоившись, он сказал сквозь зубы:

- Их всех уберут в нужный момент. Без этого нельзя начинать. Удар по красным внутри страны будет сигналом к началу событий.

3

Общество изучения истории, возглавляемое полковником Хаяси, действительно занималось историческими изысканиями. В работах общества принимали участие генерал-лейтенанты Комияма, Дои, Ватанабэ, Ивагуро, Сакураи, вице-адмирал Маэда и генерал-майор Ямаока.

Штаб Макартура поручил обществу изучить и доработать план, составленный южнокорейским генеральным штабом под руководством главного американского военного советника бригадного генерала Робертса.

Перед тем как приступить к работе над планом, члены общества просмотрели все материалы о прежних японских операциях в Корее. Эти материалы, находившиеся в архивах нашего генштаба, были переданы после войны историческому отделению 3-го отдела американского штаба. Были тщательно проштудированы план нападения на Корею, составленный еще в 1872 году генералом Сайго Такамори, и план войны с Китаем, составленный в 1894 году под руководством тогдашнего начальника генштаба принца Арисугава. Оба плана предусматривали высадку в Пусане и в Инчоне и быстрое продвижение через Пхеньян к Ялу.

Но Пусан и Инчон принадлежали южанам, их не нужно было брать. Нашим историкам надлежало заняться только второй половиной этих планов, касающейся продвижения по маршруту Сеул - Пхеньян - Ялу. Согласно этим планам главные удары наносились на суше.

Американские офицеры, участвовавшие в совещаниях наших историков, предложили положить в основу обсуждения американские материалы, касавшиеся операции, предпринятой в 1866 году десантным отрядом с корабля "Генерал Шерман" для захвата Пхеньяна с моря. Операция эта кончилась поражением американцев, но они считали все же, что идея операции остается в силе: внезапная высадка в устье Тэдонгана или парашютный десант в районе Пхеньяна после массивной бомбежки вызовет панику среди северокорейцев и подорвет их волю к сопротивлению. Можно будет максимально сократить сроки кампании.

Наши генералы возражали: идея морского или воздушного десанта в районе Пхеньяна хороша, но начинать с такой операции нельзя, так как в этом случае будет затруднено выступление комиссии Объединенных Наций в Корею в защиту южан. Конечно, можно было бы обставить дело так, чтобы американский эсминец или самолет подвергся обстрелу у берегов Северной Кореи, и затем в порядке репрессии провести десантную операцию. Но этот вариант имеет существенный недостаток: слишком заметны белые нитки. Самый лучший вариант - самый простой. Надо вызвать перестрелку на границе и после первого ответного выстрела северян объявить их напавшей стороной.

План кампании, представленный Робертсом, был отредактирован Обществом изучения истории на основе идеи: разгром врага осуществить путем фронтальных ударов, дополненных десантными операциями в его тылу.

В исправленном и дополненном виде план кампании свелся к следующему.

На линии 38-й параллели сосредоточить десять дивизий южнокорейской армии и создать два фронта. Первый - западный фронт - наносит удар из района Кэсона и продвигается прямо на Пхеньян. Как только войска дойдут до Саривона, проводится комбинированная десантная операция - с моря и с воздуха севернее Пхеньяна, чтобы на

Пхеньянской равнине взять все силы северян в клещи и полностью разгромить их.

В это же время второй фронт - восточный - продвигается в двух направлениях. Правое крыло нацеливается на район Яндока, чтобы перерезать дорогу между Пхеньяном и Вонсаном, а левое крыло стремительно продвигается на Вонсан. Затем проводится морская десантная операция севернее Вонсана, чтобы на восточном побережье зажать северокорейцев в тиски и полностью уничтожить. Тем временем левое крыло идет прямо на север и доходит до маньчжурской границы в районе Хесандина. На этом будет закончена корейская кампания.

Как только начнутся операции на 38-й параллели, Америка на основании донесения комиссии ООН о том, что нападение было совершено с севера, и просьбы правительства Южной Кореи об оказании помощи направит на полуостров части 8-й армии, находящейся в Японии. По достижении линии рек Ялу и Тумыньцзяна американо-тайханские войска под предлогом преследования остатков северокорейской армии перейдут корейско-маньчжурскую границу. На этом кончится этап операции "Эй" и начнется этап "Би". В дело вступят японские части и войска гоминдана.

План операций этапа "Эй" прошел через соответствующие инстанции и был передан южнокорейскому генштабу.

Закончив работу над планом Робертса, Общество изучения истории приступило к разработке плана операций этапа "Би".

В распоряжение Робертса были направлены генерал-майор Ямаока, полковник Котани, подполковники Ямадзаки и Харада.

Работа Общества по изучению истории над планом Робертса держалась в строжайшем секрете. В наших конторах были посвящены в тайну только те, кто вел наиболее доверительную работу. Поэтому меня крайне удивило, когда мой переводчик Пак Ча Ден стал рассказывать о плане Робертса, доработанном японскими генералами. Он явно хвастал своей осведомленностью. Мое предположение о том, что ему проболтался наш доктор, не оправдалось. Пак узнал обо всем от одного из сотрудников газеты "Синсекай-симбун", выходящей в Осака на корейском и японском языках.

- А когда имеется в виду начать? - спросил я.

На лисьей мордочке Пака появилось многозначительное выражение. Он приставил палец ко рту и молча покачал головой. Но тайна распирала его. После недолгого колебания он, продолжая держать палец у рта, прошептал:

- Очень скоро. Только не выдавайте меня доктору, он живо расправится со мной. Он такой тихий с виду, но очень страшный человек. Говорят, это было решено на заседании южнокорейского кабинета министров и военного командования. На заседании присутствовали генерал Робертс и американский посол Муччо. Решили начать в июле.

- В июле?

- Да, в июле четыре тысячи двести восемьдесят второго года со дня сошествия на землю основателя Кореи Тангуна, - произнес торжественно Пак. В тайханском государстве ведут летосчисление по-своему.

- Не валяйте дурака, говорите толком - в этом году?

- Да. По японскому летосчислению - 2609 года, а по американскому - 1949 года. Только очень прошу... не говорите доктору, а то он прикажет Пак Гын Се убрать меня.

- А кто это такой?

Пак опять приставил палец ко рту:

- Это главарь организации Конгук ченнендан. В нее входят сторонники Ли Сын Мана в Японии. При организации имеется дружина террористов. Говорят, Пак Гын Се снабжает деньгами ваших генералов Арисуэ и Ватанабэ. По приказу нашего доктора Пак Гын Се уже убрал нескольких корейцев. А по просьбе Арисуэ ребята Пак Гын Се недавно раздавили одного японского офицера в Омори...

- Ну, хватит болтать! Вас действительно надо убрать, слишком много знаете и не умеете держать язык за зубами.

Этот разговор произвел на меня тягостное впечатление. Мы старались сохранить все дело в тайне, а корейцы выбалтывали направо и налево самые сокровенные секреты.

Уже в начале этого года тайханский президент Ли Сын Ман, которого никто не тянул за язык, заявил на заседании парламента: "Наш план заключается в роспуске и разоружении Народной армии Северной Кореи". А в начале марта премьер-министр Ли Бем Сек на церемонии учреждения антикоммунистической студенческой

ассоциации в Сеуле заявил о том, что южнокорейские войска скоро водрузят флаг на вершине Пектусана.

Когда я высказал Хаш-хашу свои опасения относительно болтливости южнокорейцев, он выругался.

- Сколько раз мы предупреждали их не распускать языки... И наш советник по делам разведки полковник Бирд тоже все время одергивает сеульских сановников, но ничего не помогает. Боюсь, что северокорейцы уже пронюхали. А этот болван Син Сен Мо, несчастный капитан с паршивого пароходика, уже оповестил весь мир о том, что его армия национальной обороны сможет захватить Северную Корею в три дня. Очевидно, болтливость - это второй расовый признак желтокожих.

- Белокожие офицеры тоже проговариваются корреспондентам. В наших конторах говорят о том, что какой-то офицер из "Зи Эф" нечаянно сообщил одному французскому корреспонденту о существовании в Токио какой-то таинственной разведывательной организации под названием "Орган Эйч-2"... Ваша контрразведка считает, что этот "Эйч-2" состоит из китайских и японских красных. А по-моему, это очередная выдумка Уиллоби...

- Не суйте свой нос в дела, которые вас не касаются! - крикнул Хаш-хаш и топнул ногой. - Занимайтесь лучше своими! Надо ускорить работу. Жмите вовсю, а то меня уже теребят.

4

Никто не имел права обвинять нас в медлительности. Мы очень торопились.

Мы должны были, взяв за основу схему разведывательных мероприятий, составленную 3-м отделением разведывательного отдела южнокорейского генштаба и утвержденную главным советником по делам разведки и контрразведки полковником Бирдом, наметить конкретную программу действий перед началом кампании.

Схема Бирда состояла из голого перечня того, что вообще следовало бы сделать. Такой перечень давался на первых же страницах учебника, по которому занимались слушатели 1-го курса нашей школы Накано. Нас рассмешил, например, пункт о бактериологических мероприятиях. Здесь говорилось о том, что следует заразить кухни воинских частей, столовые полицейских управлений, банкетные залы военного ведомства, правительства и центрального партийного органа,

дома лидеров правительства, партии и военного командования, водохранилища и реки. Оставалось только добавить: и все горы, леса, и поля. А в пункте, касающемся мероприятий по физическому устранению отдельных лиц, говорилось, что надо устранить всех политических лидеров Северной Кореи, всех высших офицеров северокорейской армии и министерства внутренних дел, всех видных партийных, общественных и культурных деятелей - словом, всех, кто занимает мало-мальски заметное положение. В таком духе была набросана вся схема Бирда. Короче говоря, она представляла собой список того, о чем можно мечтать, а не того, что можно сделать в действительности.

По мнению Хаш-хаша, крупнейшим недостатком схемы был не только ее абстрактный характер, но и полное отсутствие указаний на необходимость сбора сведений об экономическом потенциале северян, и в первую очередь о рудных ресурсах Северной Кореи.

Наша группа прежде всего потребовала от южнокорейской стороны точной информации об их агентурных силах: какие резидентуры имеются в Северной Корее, как обстоит дело с агентурой особого назначения, какими возможностями она располагает и как поддерживается с ней связь.

Роберт Хан очень толково объяснил нам положение вещей. По тому, как он докладывал, было видно, что он действительно опытный, знающий дело разведчик. Резидентуры имелись только в Пхеньяне, Вонсане, Хэдю, Хамхыне и Саривоне. Они были созданы маршрутными агентами, посланными из Сеула и проведенными вербовки на месте. Связь с ними поддерживается с помощью коротковолновых передатчиков, голубей, а также через контрабандистов, оперирующих на восточном побережье Южной и Северной Кореи. Но пока никаких ценных сведений резидентуры не дали. Некоторые из них уже провалились.

Было ясно - чтобы развернуть работу в нужных размерах, надо значительно увеличить нашу агентуру по ту сторону 38-й параллели.

Мы с Робертом Ханом провели очень кропотливую работу. Просмотрев огромное количество японских архивных материалов, пересланных нам из 2-го отдела американского штаба, и прежде всего дела полицейского департамента корейского генерал-губернаторства и управления жандармерии в Корее, мы составили список всех корейцев,

бывших на негласной работе в нашей полиции и жандармерии в Корее, и сфотографировали их автографы - оригиналы донесений и расписок в получении денег. Южнокорейское министерство внутренних дел прислало нам ответ: все бывшие негласные работники японской полиции и жандармерии, находящиеся ныне на территории Южной Кореи, уже установлены. Большинство их уже работает в американской контрразведке и в тайханской тайной полиции. А все те, местопребывание которых в Южной Корее не установлено, очевидно, находятся в Северной Корее и, разумеется, скрывают свое прошлое.

Необходимо было как можно скорее поручить нашим резидентурам в Северной Корее или нашим маршрутным агентам войти в связь с бывшими японскими агентами и заставить их возобновить работу, пригрозив, что в случае отказа фотокопии их автографов будут посланы куда следует. Эта категория агентов должна была значительно пополнить нашу сеть на Севере.

Нам понравилось предложение Лим Хо. Этот маленький человечек с наголо обритой головой и сонной физиономией придумал хорошую вещь. В качестве следователя контрразведывательного отдела главного управления полиции он провел ряд допросов беглецов из Северной Кореи - крупных промышленников, помещиков и бывших сотрудников японской полиции, прибывших на Юг со своими семьями. Из этих беглецов, по его мнению, можно было бы отобрать наиболее подходящих и после вербовки послать обратно на Север, оставив в качестве заложников их жен и детей.

Полковник Хидака предложил провести учет всех жителей Южной Кореи, имеющих родственников на Севере. Можно будет посылать маршрутных агентов с рекомендательными записками к этим родственникам и вербовать их путем шантажа.

В прежние годы наш генштаб и органы специальной службы на материке довольно успешно проводили работу среди магометан, ламаистов и христиан. Мы решили использовать контингента верующих. Через "релидженс дивижн" отделение по религиозным делам разведывательного отдела американского штаба - наша группа достала архивы американских миссий, действовавших до тихоокеанской войны в Корее. В делах баптистских, лютеранских, методистских, пресвитерианских и католических общин мы нашли

полные списки корейской паствы с личными характеристиками наиболее усердных прихожан.

Большинство запрошенных нами американских миссионеров согласилось написать своим бывшим духовным чадам в Северной Корее письма с предложением выполнить христианский долг - всемерно помочь подателю письма.

Мы составили также списки видных проповедников из секты Небесного пути, находящихся на Севере. При случае можно было бы попытаться использовать членов этой секты.

Наш доктор оказался неистощимым на выдумки. Он дал нам ряд великолепных идей по части вербовочных комбинаций. А одна из его выдумок буквально привела в восторг Хаш-хаша.

Доктор предложил использовать для проведения террористических актов родовую месть. Он объявил нам, что между многими родами в Корее до сих пор еще сохранилась вражда, унаследованная от предков. Такая фамильная вражда, основанная на семейных преданиях, существует, например, между отдельными ветвями хэджюских и чондюских Цюев.

Роберт Хан решил провести регистрацию всех семей в Южной Корее, члены которых по заветам предков обязаны провести акт мести против семей, проживающих сейчас по ту сторону 38-й параллели. И если выяснится, что объект мести занимает видное положение в Трудовой партии или в северокорейской армии, можно будет уничтожить его руками членов враждебной ему семьи. Эту фамильную вражду следует подогревать всяческими способами, начиная с политико-идеологического воздействия и кончая материальным поощрением.

Хаш-хашу эта комбинация так пришлась по вкусу, что при выборе зашифрованного наименования он приказал назвать ее "Нэнси", пояснив при этом, что следует примеру полковника Тибетса, назвавшего свой самолет, с которого он сбросил атомную бомбу на Хиросиму, именем своей матери.

При составлении программы конкретных действий мы уделили особое внимание тем из них, которые должны были накануне нашего выступления дезорганизовать тыл врага, то есть особым акциям - физическому устранению живых объектов, взрывам, поджогам и

бактериологическим мероприятиям. Эту часть программы мы разработали очень подробно.

В наше распоряжение были переданы материалы из архивов 8-го диверсионного - сектора нашего генштаба и наших органов специальной службы в Манчжурии и Китае, начиная с органов Доихара и Сакаи и кончая органами "Вишня" и "Слива", которые широко практиковали особые акции, дававшие большой политический и стратегический эффект.

Бактериологические мероприятия были запланированы нами по материалам, представленным в американский штаб генерал-лейтенантами медицинской службы Исии и Вакамацу. Исии - ныне хозяин гостиницы "Вакамацусо" - предложил использовать маленькие воздушные шары, к которым будут прикрепляться миниатюрные приборы, автоматически сбрасывающие пробирки с бациллами.

Затем мы приступили к разработке самой трудной части программы - к тому, как наладить систематическую связь с нашими резидентурами, чтобы до начала выступления получить максимум данных о северокорейской армии и об экономических ресурсах красной Кореи.

Хаш-хаш приказал планировать агентурно-разведывательные мероприятия с таким расчетом, чтобы собрать как можно больше секретных сведений о разработке руд в Северной Корее и прежде всего о вновь открытых месторождениях вольфрамовых и алюминиевых руд.

Но вдруг выяснилось, что мы напрасно ломали голову над многими вопросами. Большая часть нашей работы оказалась ненужной. Из Сеула прибыл полковник Бирд и заявил:

- Осталось так мало времени до начала событий, что придется предельно упростить наши задачи. Общие сведения о дислокации северокорейских войск уже имеются. Этих сведений вполне достаточно. Наше наступление будет внезапным и стремительным. Враг будет разгромлен в ходе первых же боев. Поэтому нет необходимости в проведении особых акций против промышленных и транспортных объектов - пусть все достанется нам в целом виде.

К началу июля 1949 года все приготовления были закончены. 1-я армия под командованием генерала Ким Сек Вона и 2-я под командованием Цай Бен Дека заняли исходные позиции. Генерал Робертс приказал всем американским военным советникам

направиться в части, при которых они состояли. Сам Робертс со своим штабом обосновался в Сувоне, в 25 километрах к югу от Сеула. Там же разместился со своей канцелярией полковник Бирд.

Большая группа наших офицеров, в их числе Ии и Минами, выехала в Корею.

Наступление было назначено на 25 июля. Оно должно было начаться с пограничной перестрелки.

5

В этот день я вместе с Пак Ча Деном стал с утра разыскивать Роберта Хана. Не застав доктора дома - он жил в отеле "Ясима", - мы стали звонить в контору "Тоа-цусё" в Цукидзе, в кафе "Акахоси" в Сибуя, в бар "Мицуяма", в ресторан "Мантинро", во все места, где собирались местные корейцы сторонники тайханского правительства. Доктора нигде не было.

Пак Ча Ден высказал предположение о том, что доктор, по-видимому, получил хорошие вести из Кореи и начал плести тайные политические комбинации. Наш доктор, по словам Пак Ча Дена, до недавнего времени примыкал к группировке премьер-министра Ли Бем Сека, враждующего с президентом Ли Сын Маном, но затем переметнулся к сторонникам возведения на престол принца Ли Ына, генерал-лейтенанта японской армии.

Вечером мне позвонила секретарша Хаш-хаша и передала его распоряжение: немедленно прибыть в Таканаву.

В переулке было совсем темно, фонари не горели. В домике-бунгало тоже не было света, звонок не действовал. Я постучал. Открыв дверь и разглядев меня, Хаш-хаш спросил с недоумением:

- А вы чего приплелись? Я вас вызвал на завтра.

Узнав, что я явился по распоряжению, переданному секретаршей, Хаш-хаш выругался. Опять эта дура напутала; единственное, что она не путает, это часы свиданий с кавалерами. И с этим светом тоже безобразие. Токийский союз электриков опять объявил забастовку и выключил свет на сутки. Надо скорей покончить с красными.

У Хаш-хаша не было спичек, а зажигалка испортилась. Мы прошли ощупью в темную комнату.

- Где этот доктор? - спросил я. - С утра ищу его. Как там дела?

- Доктор послан в Сеул. Я говорил, что нельзя начинать, не собрав все сведения. Вот и получился конфуз. - В голосе Хаш-хаша звучало

злорадство. На рассвете двинули два полка из Кэсона в направлении Кымчона. Сперва шло хорошо, неприятель впустил наших на свою территорию, а потом ударил с двух сторон, наши не выдержали и откатились назад. Во время боя два тайханских батальона перешли на сторону северян. В общем, получилась осечка. Мак приказал отменить поход и вызвал обоих идиотов на расправу.

- Полковник Бирд, по-моему, ничего не смыслит в делах разведки, но зато производит впечатление бравого офицера.

- Кто? Бирд? - Судя по голосу, Хаш-хаш скривил губы. - Всему миру известно, что ваш Бирд - доверенный "Анаконда коппер майнинг компани" и его интересуют только медные руды в Габсане и Канге. Он такой же боевой офицер, как вы римский папа.

Я вспомнил, как Хаш-хаш настаивал на сборе сведений о месторождениях вольфрамовых и алюминиевых руд, но воздержался от замечания.

Раздался стук в наружную дверь. Хаш-хаш вышел в переднюю, открыл дверь и стал сердито шептаться с кем-то. Вернувшись, он шепнул мне:

- У меня нет ключа от другой комнаты, придется привести сюда человека. А вы уходите немедленно и не смейте заговаривать со мной. Ждите моего звонка завтра вечером.

Он привел кого-то и усадил в углу комнаты. На слух я определил, что пришли двое. В это время во двор въехала машина и дала протяжный гудок. Хаш-хаш выскочил в переднюю и, открыв дверь, стал разговаривать с кем-то по-корейски, вставляя американские ругательства. Во дворе снова зашумела машина. Вдруг свет фар через окно осветил комнату. Только на одно мгновение, но этого было достаточно. Я успел бросить взгляд на сидящих в углу комнаты и вздрогнул. Приведения? Нет, это были не приведения. Напротив меня сидели они - настоящие, живые, воскресшие.

Вошел Хаш-хаш и сказал:

- Ну, тигры, придется всем вам выметаться отсюда. Выходите по одному. Первый выходит в переулок и сворачивает направо, второй - налево, третий выйдет через задний двор в другой переулок. Первым идите вы, Хиропон. Не смейте прощаться вслух.

Я громко засмеялся.

- Обойдемся без этой церемонии, подполковник. Мы, японские офицеры специальной службы, умеем узнавать друг друга в темноте по запаху. Здорово, Дзинтан и Муссолини!

Они дружно гаркнули:

- Здорово, Каппа!

- Я сменил кличку. Теперь меня зовут Хиропон. Подполковник Харшбергер, наш благодетель, банзай!

- Банзай! - подхватили они.

Хаш-хаш протяжно свистнул:

- Вот это ловко... узнали друг друга по запаху, черти...

Я вытащил спички из кармана:

- А вот и спички. Подполковник, нам надо отпраздновать встречу. У вас в шкафу есть виски. Давайте выпьем вместе, кутнем как следует.

- Здесь вам не бар, - сказал Хаш-хаш строго. - Пейте в другом месте, а мне сегодня нельзя пить.

Мы вышли втроем и отправились ко мне. Я провел друзей в комнату Миками, а сам, пройдя к себе, схватил фотокарточки на этажерке, изорвал их на мелкие кусочки и швырнул в стенной шкаф.

Из ближайшего ресторана нам доставили угощение и несколько бутылок сакэ. Мы начали пить. Я не спрашивал у друзей, каким образом их конверты и сабли оказались у других. Дзинтан и Муссолини тоже не касались этой темы. Но через некоторое время Дзинтан, усмехнувшись, сказал:

- Я был уверен в том, что ты догадаешься обследовать трупы и поймешь в чем дело.

Мне ничего не оставалось, как подтвердить это. Я сказал, что, осмотрев трупы, сперва удивился, а потом понял и решил последовать примеру друзей.

- А где Кацумата и Минэ? - спросил я.

- Один на Окинаве, другой на Тайване, - ответил Муссолини.

Мы пили до утра. Последнее облако сошло с моей души. Мои друзья живы, никто из нас не был трусом. Судьба избавила нас от смерти в то утро, потому что предназначила для грядущих великих дел.

6

Доктор и Лим Хо задержались в Сеуле и вернулись в конце средней декады августа, спустя несколько дней после четвертой

годовщины капитуляции. На этот раз мы встретили траурную годовщину без чувства скорби. В тот день контора Аояма, помещающаяся в Маруноути-билдинге, получила приказ из Хибия набрать офицеров-инструкторов и сформировать отряд волонтеров из офицеров и унтер-офицеров для отправки на материк. Правда, нас опечалила весть о смерти Исихара. Умер самый дальновидный из всех генералов империи. И умер как раз на пороге больших событий, которые он предсказал в своей "Последней войне".

Сейчас же после возвращения Роберта Хана наша группа возобновила работу. Штаб главнокомандующего убедился в том, что начинать активные действия без солидной разведывательной подготовки нельзя.

Из Сеула прислали новую схему мероприятий. На этот раз она была очень подробной. Бирд использовал нашу программу, забракованную им недавно, и дал точное расписание действий на 1950 год по кварталам. Все предложенные нами комбинации для проникновения в неприятельскую агентурную сеть и ее контриспользования, для расширения контингента объектов вербовки, проведения особых акций, начиная с бактериологических мероприятий и акций по физическому устранению северокорейских политических и военных деятелей, были приняты полностью. На каждый квартал было намечено уничтожение двух членов правительства и двух чинов высшего командования. С 1 января по 1 июля 1950 года должны были стать трупами восемь лидеров северян.

Мы дополнили схему Бирда программой увеличения стационарных агентов ("ар эй") и маршрутных агентов ("ди эй") и создания нескольких резервных резидентур, которые должны вступать в действие только в случае провала основных.

По окончании этой работы Хаш-хаш дал нам для детальной разработки схему акций, связанных со вторым этапом осуществления плана "Эй Би Си".

Операции, перечисленные в этой схеме, объединялись условным наименованием "Первая специальная служба" и предусматривали создание агентурной сети во всех крупных городах Манчжурии и Пекин-Шанхайгуаньского района. Эти мероприятия имелось в виду провести в течение периода январь май 1950 года.

Все работы по новой схеме Бирда и по схеме "Первая специальная служба" были закончены нашей группой в начале декабря. Сейчас же после этого Хаш-хаш приказал полковникам Хидака и Судзуки направиться вместе с Лим Хо в Сеул для непосредственного участия в осуществлении намеченных действий.

Хидака взял с собой группу офицеров, работавших ранее в органе специальной службы в Китае, а Судзуки - двадцать офицеров, окончивших в свое время разведывательные школы Накано и Нанайскую в Корее.

Контора Аояма уже подготовила к отправке в Корею три отряда - первый отряд был сформирован генерал-лейтенантом Ватанабэ Ватару, второй полковником Саваи Тецуба - тем самым, который во время прошлой войны был советником "короля Монголии" Дэвана, а третий - вице-адмиралом Кондо Эйитиро. Отряд Кондо, состоявший из танкистов, направился на Окинаву для специального обучения.

От имени начальника штаба главнокомандующего генерал-майор Альмонда Хаш-хаш объявил нам благодарность. Я и доктор получили отпуск на неопределенный срок. Роберт Хан уехал в Атами, где снял виллу, а я решил после Нового года пройти курс лечения в Юмото, недалеко от озера Тюдзендзи.

За день до моего отъезда на курорт ко мне пришли Дзинтан и Муссолини. Они уезжали на Тайвань.

- Жалко, что вы едете туда, - сказал я. - Самое интересное начнется в другом месте.

Дзинтан посмотрел на карту Азии, висевшую на стене над этажеркой, на которой теперь стоял портрет Исихара.

- Когда начнется, везде будет интересно, - тихо сказал он. - Можем встретиться в следующий раз в самом неожиданном месте. Перед началом прошлой войны я простился со своим братом-моряком, он направился к Гавайским островам, я - в Тяньцзин, а через месяц мы встретились у берегов Явы. Вот так может произойти и на этот раз.

Муссолини провел пальцем по карте от Тайваня до Пекина и затем до продолговатого, имеющего форму бумеранга Байкала.

- Встретимся здесь.

Мы решили покутить на прощание. Объехав несколько модных кафе и баров и изрядно охмелев, мы очутились около станции Отяномидзу.

На углу улицы мы увидели старичка гадалщика с длинными белыми усами, в старинной шапочке с хвостиком и в темных очках. Перед его столиком стояла богато одетая женщина. Он рассматривал в лупу ее руку. Женщина повернулась, и мы увидели плакат, приклеенный к столику: "Долой суеверия! Научная физиогномика и хиромантия".

Мы узнали его сразу и, переглянувшись, захохотали. Я предложил подойти к гадалщику поздравить его с успехами на новом поприще и спросить, что нас ожидает в будущем. Мы подошли к Осьминогу и, щелкнув каблуками, отдали честь. Он взглянул на нас поверх очков и открыл рот, но сейчас же взял себя в руки. Медленно оглядев нас с головы до ног, он опустил глаза и сказал печально-торжественным голосом:

- У всех вас троих на лице начертаны знаки "тайке" - знаки неотвратимой беды. Всех трех ждет великое неблагополучие и позорная кончина. За печальные предсказания денег не беру.

Он взмахнул хвостиком шапочки и повернулся к старушке, подошедшей к столику. Мы молча отошли от гадалщика. Пройдя несколько шагов, Дзинтан поцокал языком:

- Молодец старик, не растерялся. Сразу понял, что мы хотим посмеяться над тем, что ему пришлось стать уличным прорицателем, и опередил нас - нанес удар первым.

Зловещее предсказание Осьминога омрачило наше настроение. Мы зашли в бар, чтобы смыть неприятный осадок. Муссолини вытащил из кармана два маленьких мешочка и протянул мне и Дзинтану со словами:

- Старик может болтать что угодно. Талисман из Нарита охранит нас.

Я взял мешочек и засунул во внутренний карман. Уже темнело, когда я простился с друзьями на Кагурадзака. Они медленно, пошатываясь, пошли вниз к трамваю и исчезли в толпе. Мне показалось, что они растворились в воздухе, как привидения.

7

Я пробыл в Юмото только полторы недели. Из конторы Аояма пришла телеграмма: завтра к 22 часам явиться в контору.

Придя в назначенное время на седьмой этаж Маруноути-билдинга, я застал там генералов Кавабэ, Камата, Арисуэ, Онодера, Танака, Дои и Ямаока, полковников Хаяси и Котани и подполковника Ямадзаки. Кавабэ, внимательно оглядев меня, буркнул:

- Побриться немедленно.

Котани взял меня под руку и потащил в соседнюю комнатку. Он показал мне, как надо обращаться с электрической бритвой, и включил ток. Машина загудела, как маленький пылесос. Котани провел рукой по моим щекам и кивнул головой:

- Теперь можно идти на аудиенцию.

Я узнал, что сейчас мы поедем представляться самому хозяину главной конторы и прибывшему в Японию председателю объединенной группы начальников штабов Америки. Мак решил удостоить нас приемом в знак того, что удовлетворен нашей работой.

Вернувшись в приемную комнату, я увидел щупленького старика с нафабранными усиками, в старомодной визитке. Это был генерал-лейтенант медицинской службы профессор Исии, знаменитый создатель бомбы "И". Он рассказывал обступившим его генералам о том, как надо выращивать орхидеи. Котани шепнул мне, что сейчас же, после того как в Хабаровске начался суд над японскими военными, обвиняемыми в применении бактериологического оружия, штаб Макарура отправил Исии в бест. Скоро Исии поедет в Америку, будет работать в лаборатории Вульперта в Кэмп Детрик под Вашингтоном.

Вскоре за нами приехал майор Ириэ, американский японец, и мы направились в дом страховой компании. Нас подняли на шестой этаж. Мы прошли в аванзалу, где находились обер-секретарь Мака генерал-майор Уитни старший адъютант полковник Банкер. Полковник сейчас же вошел в кабинет главнокомандующего, а генерал поздоровался с Кавабэ за руку и, отведя его в угол, стал разговаривать через переводчика Ириэ, - по-видимому, относительно процедуры представления.

Нас угостили манильскими сигарами. Когда мы докурили их почти до половины, в дверях показался адъютант и жестом пригласил нас. Мы вошли вслед за Кавабэ в огромный кабинет главнокомандующего и, пройдя его, вступили в следующую комнату - курительную Мака. Она тоже была огромной.

Около камина в креслах из крокодиловой кожи сидели двое. Они встали и ответили кивком на наш поклон. Мак был в рубашке с небрежно расстегнутым воротником, на котором виднелись пять звездочек. Он держал в зубах не маисовую трубку, с которой обычно снимался, а японскую трубочку с золотой головкой и стволом из черного бамбука. Этим он, очевидно, хотел подчеркнуть свое благоволение к нам. Рядом с ним стоял генерал с четырьмя звездочками. У него был огромный выпуклый лоб и выпирающий вперед рот. По бокам этой карикатурной физиономии торчали большие оттопыренные уши, напоминающие ручки китайской вазы. Это был Брэдли.

У окон разместилась группа старших офицеров и штатских. Рядом с низеньким толстым штатским стоял Хаш-хаш в парадной форме, с орденом Серебряной звезды на груди. Он что-то говорил на ухо толстяку. Поза Хаш-хаша была весьма почтительной. За толстяком стоял коренастый генерал со свирепой, квадратной физиономией, с тремя звездочками на воротнике, расстегнутом, как у Мака. Это был командующий 8-й армией Уокер.

Церемония представления была очень простой. Мы по очереди, сделав шаг вперед и шаркнув ногой, громко называли свою фамилию и чин. Ириэ переводил. Нам протягивали руку - Мак пожимал слабо, а Брэдли крепко. Затем мы кланялись и делали шаг назад. Мак вместо улыбки щурил и без того узкие глаза с набухшими веками.

Все прошло гладко, если не считать того, что генерал-майор Танака вместо своей фамилии брякнул "Тайфун", но тут же поправился. Мак чуть заметно улыбнулся и кивнул головой.

Как только мы кончили представляться, Мак вынул трубку изо рта и низким хриловатым голосом отрывисто сказал:

- Очень рад видеть друзей Америки. Уверен, наши общие усилия дадут результаты э... по части укрепления основ демократии в Японии и э... претворения в жизнь идеалов демократии. Очень рад.

Ответное слово держал Кавабэ. Он вытащил из кармана листочек и стал читать. Ириэ переводил каждую фразу отдельно. Кавабэ сказал, что все благомыслящие японцы, проникнутые чувством искренней признательности к его высокопревосходительству фельдмаршалу за его истинно гуманное отношение к побежденной Японии и за его благоуспешные неустанные заботы в направлении демократизации

страны и пресечения попыток разрушительных элементов распространять тлетворные идеи, считают высокой честью для себя участвовать в деле выполнения влаголюбивых предначертаний его высокопревосходительства по части утверждения кардинальных принципов демократии.

Сделав паузу, Кавабэ добавил:

- Япония занимает шестое место в мире по количеству населения, но по величине территории - тридцатое место, ввиду чего демократически настроенные элементы Японии горячо надеются, что устранение указанного выше трагического противоречия будет осуществлено в ходе претворения в жизнь идеалов демократии во всей Азии в интересах упрочения общего правопорядка и гармонического процветания демократических начал, способствующих обеспечению всеобщего благосостояния и благополучия.

Пока Кавабэ читал свою речь, я успел украдкой осмотреть всю комнату. Ее главным украшением были полки, уставленные всевозможными трубками, начиная с индейских, перевитых шнурами с кисточками, и китайских водяных трубок и кончая массивными фарфоровыми трубками, похожими на музыкальные инструменты, и длинными корейскими трубками с мундштуками из янтаря и слоновой кости.

Кавабэ кашлянул в знак окончания своей речи и поклонился. Церемония приема была окончена. Адъютанты направились к дверям, а Мак и Брэдли сели, не дожидаясь нашего ухода.

Кавабэ решил почтить американского главнокомандующего знаком наивысшего уважения. В бытность заместителем начальника генштаба он неоднократно удостоивался чести делать всеподданнейшие доклады и усвоил манеру ухода из августейшего кабинета, предписываемую придворным церемониалом. Согласно этому церемониалу верноподданным запрещается показывать государю свой зад. Кавабэ решил применить и на этот раз японскую придворную манеру ухода. Он наклонился вперед и в этой позе поклона стал мелкими шажками пятиться боком к дверям. Мы тоже согнулись в поклоне и попятились за Кавабэ по-крабьи.

У дверей мы выпрямились, отвесили последний поклон и вышли из комнаты.

По всем конторам, артелям, товариществам и клубам было разослано отпечатанное на mimeографе и снабженное грифом "Совершенно секретно" краткое сообщение о приеме в Хибия. В сообщении приводился текст речи Мака об укреплении основ демократии в Японии и претворении в жизнь идеалов демократии.

Через два дня Брэдли и начальники штабов вылетели в Америку. Стало известно, что они обсудили с Маком вопросы, касающиеся укрепления военных баз в Японии и претворения в жизнь намеченных стратегических мероприятий.

Я рассказал доктору об этом приеме. Когда я упомянул о штатских, стоявших впереди начальника штаба Альмонда и командующего 8-й армией Уокера, Роберт Хан сказал:

- Это большие персоны. Их называют "мозговым трестом" главнокомандующего. Низенький толстяк - это господин Вуд, председатель правления фирмы "Сирс, Робак энд компани", а худощавый лысый - Уиттемор, вице-председатель "Чейз нэйшнл банк". А наш Хаш-хаш - это я знаю от одного американского корейца, работающего в штабе, - считается приближенным господина Вуда, который имеет чин генерал-майора...

Я опять вспомнил, как Хаш-хаш настаивал на сборе сведений о вольфраме и бокситах, и понял, в чем дело.

8

Из Сеула прилетел южнокорейский президент доктор Ли Сын Ман в сопровождении начальника генерального штаба Цай Бен Дека. Их встретил на Ханэдаском аэродроме сам Мак и сразу же отвез к себе на квартиру в Акасака, где раньше было американское посольство. Гости пробыли в Акасака до следующего дня и улетели обратно.

Разумеется, никто нам не рассказывал о содержании переговоров, но мы сами догадывались. Речь могла идти только об одном: Мак ознакомил гостей с решениями, принятыми на чрезвычайном стратегическом совещании в Хибия.

Контора Аояма получила приказ набрать для отправки на полуостров отряды летчиков, саперов и шоферов. Отряд, сформированный вице-адмиралом Кондо, уже был переброшен с Окинавы в Корею. Все волонтеры, посылаемые на полуостров, получили форму американского образца. Всем было приказано говорить по прибытии в Корею, что они из 422-го отряда американской

армии, то есть отряда американцев японского происхождения, который во время войны отличился на итальянском фронте.

По всем конторам прошла весть о том, что скоро будет осуществлен проект "Органа Като" - объявят о создании резервного полицейского корпуса.

От Дзинтана я получил открытку с гонконгским штемпелем. Он передавал мне привет от генерал-лейтенанта Добаси, находящегося сейчас в Сайгоне, Очевидно, наши отряды уже были и в Индо-Китае.

Наконец настал день, когда Хаш-хаш предложил мне поехать в Корею - в город Сувон, где будет находиться наша группа специальной службы. Там я должен дожидаться приезда Хаш-хаша и доктора. Они приедут незадолго до начала событий. Сувон всего в двадцати пяти километрах от Сеула, но мне нельзя будет отлучаться ни на минуту.

Пак Ча Ден, которому было приказано ехать вместе со мной, сообщил мне:

- Полковник Бирд отозван в Америку, Хаш-хаш очень доволен. Убрали конкурента.

Я нанес прощальные визиты генерал-лейтенантам Кавабэ и Ивагуро, затем заехал в отель "Кубана" в Цукидзи, чтобы увидеться с прилетевшим недавно из Сеула майором Кабураки. Он представил меня корейцу Уильяму Цою - офицеру разведывательного отдела тайханского генштаба.

Мы проговорили до рассвета. Позвонил Пак Ча Ден и сообщил, что пора ехать на аэродром в Ханэда. Кабураки и Уильям Цой решили проводить меня.

Наступил торжественный момент - я покидал Токио. Там, за горизонтом, меня ждал материк, необъятная арена для подвигов во славу плана Исихара.

Кабураки подошел к окну посмотреть, пришла ли наша машина. Комната находилась на втором этаже. Он поманил меня пальцем и шепнул:

- Идите сюда. Только не шумите.

Я увидел внизу трех парней с велосипедами. Один из них, с забинтованной головой, смотрел в конец переулка, остальные двое наклеивали что-то на дощатый забор противоположного дома, орудуя большими малярными кистями.

Я поднял бутылку, валявшуюся у окна, и швырнул ее изо всех сил. Бутылка попала в одного из них, он растянулся на земле, но в тот же момент приподнял голову и бросил бутылку обратно в наше окно. Мы отскочили назад. Бутылка ударилась о стену и свалила несколько склянок с полки. Я вытащил револьвер из кобуры и выглянул в окно. Их уже не было. На заборе красовался плакат: "Долой фашистов-милитаристов!" Рядом с буквами был нарисован военный в очках, с усиками, его вытаскивала из ямы, держа за шиворот, чья-то большая рука, занимавшая верхний угол плаката. Военный был удивительно похож на генерал-лейтенанта Ивагуро.

- На прошлой неделе на этом же заборе был наклеен такой же плакат, сказал Кабураки. - В тот раз был нарисован Кавабэ.

- Надо подстеречь и ухлопать на месте, - сказал я.

Кабураки покачал головой:

- Их трудно поймать. Шныряют по всему городу на велосипедах и расклеивают. А ты заметил, как ловко этот парень размахнулся и метнул бутылку? По всем правилам. Сразу видно - бывший солдат.

Я кивнул головой. К сожалению, это было так: многие бывшие солдаты стали красными. Они бесповоротно отреклись от империи.

- А что смотрит полиция?

- Полиция охотится за ними. И наша и американская. Сформированы специальные летучие команды для борьбы с антиамериканскими плакатами и надписями, так называемые "скрэп офф групс" - группы соскабливания.

Вскоре подъехала наша машина, и мы спустились вниз. Когда мы надевали обувь в передней, в переулке загрохотали мотоциклы. Рядом с нашей машиной остановились три мотоцикла с эм пи. Они сейчас же приступили к работе. Облили плакат мыльной водой из прибора, похожего на огнетушитель, и стали соскабливать бумагу жесткими щетками. Закончив работу, они сложили щетки и баллоны в коляски мотоциклов и укатили.

- Им надо успеть объехать вверенный им район до начала утреннего часа "пик", - сказал Кабураки.

- Надо раньше начинать эти объезды.

- Тогда будут наклеивать после их объезда.

- В Сеуле тоже расклеивают или просто пишут краской на стенах, - сказал Уильям Цой. - Пойманных за этим делом уничтожаем на

месте.

Я кивнул головой - это самый действенный способ.

Мы поехали по пустынным улицам в сторону Сукиябаси - надо было заехать за Пак Ча Деном, он жил на Западной Гиндзе. Когда наша машина, промчавшись мимо редакции газеты "Йомиури", завернула за угол на Западную 3-ю улицу, мы увидели - как раз напротив кабаре "Шанхай" - двух мальчуганов-газетчиков. Они писали что-то на стене. Услышав шум машины, они нырнули в ворота, звякнув колокольчиками. Я успел прочитать: "Go home quick!" - "Убирайтесь домой скорей!"

- Скрэйп-оффисеры, наверно, уже проехали, - сказал Кабураки. - Им надо ездить все время, одного объезда мало!

По дороге на аэродром мы заметили еще несколько плакатов и листовок, расклеенных красными. На стене табачной лавки около Синагавского вокзала чернели буквы: "Outlaw the A-bomb!" - "Объявить А-бомбу вне закона!" А на столбе возле храма Инари было выведено по-японски: "Защищайте всеобщий мир!"

Самолет поднялся в воздух, и я отвесил прощальный поклон столице. Я хотел настроиться на торжественный лад, но ничего не получалось. Настроение было испорчено. Перед моими глазами все время стояли два мальчугана-газетчика. Через шесть-семь лет они достигнут призывного возраста. Те школьники, которые в то утро - четыре с половиной года тому назад - отказались умереть и убежали с площади, уже стали призывниками. А тот парень, который метнул бутылку, - бывший солдат. Ни на кого нельзя положиться.

Пак Ча Ден стал что-то рассказывать мне, но я не слышал его. Непроизвольно я произнес вслух:

- А вдруг и эти подведут?

- Кто? - спросил Пак.

Я махнул рукой, отвернулся и молчал всю дорогу.

Прибыв в Сувон, я застал здесь отряд японских волонтеров, сформированный по заданию конторы Аояма полковником Саваи Тецуба. Офицеры щеголяли в американской форме, а я и Пак Ча Ден облачились в форму южнокорейской 3-й дивизии столичной охраны.

Итак, я довел свои записи до нынешнего дня, описав вкратце свой жизненный путь от горы Такатори до этого древнекорейского городка.

Как хорошо, что я успел записать все до приезда Хаш-хаша. Он только что известил меня: приедет послезавтра. Значит, скоро начнется.

9

Прилетел Хаш-хаш, и у нас закипела работа. На днях мы получим сырье для обработки - партию арестованных, у которых имеются родственники в Северной Корее. Всем им предъявлено обвинение в шпионаже в пользу северян. Основанием для обвинения служит только то, что у них имеются родственники на Севере. Мы подвергнем всех арестованных специальному допросу и, отобрав подходящих, проведем вербовку.

Роберт Хан сейчас в Кэсоне, скоро приедет сюда.

По радио передали сообщение: Мак приказал японскому правительству отстранить всех членов Центрального Комитета Коммунистической партии Японии от всякой политической и общественной деятельности. Те члены Центрального Комитета, которые избраны в парламент, лишаются депутатских полномочий.

По всей Японии запрещены митинги, собрания и демонстрации. Полиция приведена в боевую готовность. Все части государственной полиции получили броневики и джипы, вооруженные пулеметами. В Токио, Осака, Кобэ, Нагоя, Иокогаме, Хамамацу и других городах начались аресты коммунистов по спискам, полученным от 2-го отдела штаба Мака.

Чистка в тылу начата. Без этого нельзя разворачивать активные действия на материке, потому что после начала событий почти вся 8-я американская армия будет брошена из Японии на фронт.

В Токио опять прибыл генерал Брэдли и вместе с ним министр обороны Джонсон и советник государственного департамента Джон Форстер Даллес. Они приехали совещаться с Маком по кардинальным вопросам активной политики Америки в Азии.

Приехал Роберт Хан. Он говорит, что основные силы тайханских войск уже завершили концентрацию у линии 38-й параллели. Командующий западным фронтом генерал Ким Сек Вон уже находится в районе Кэсона, а командующий восточным фронтом генерал Дай Бен Дек - в районе Чунчона.

На этот раз все предусмотрено. По боеспособности, оснащению и моральному состоянию южнокорейские войска, по словам генерала

Робертса, теперь почти не уступают американским. Прошлогодняя история не повторится.

Министр обороны Син Сен Мо и заместитель начальника генштаба Чен Ир Гвон сейчас заняты формированием новых дивизий, в которые будут вкраплены японские части. Генерал Робертс уже ознакомил тайханское военное командование с точным расписанием прибытия в Корею американских вооруженных сил после начала событий. 24-я дивизия, находящаяся в Японии, уже готова к отправке. Она будет переброшена первой. Остальные части 8-й армии и 5-й воздушный флот тоже готовы. Из Америки придут 1-я дивизия морской пехоты и 2-я пехотная дивизия. Получил приказ готовиться к отправке ряд, частей 4-го и 6-го армейских округов Америки. Командующий 7-м флотом вице-адмирал Стрэбл уже отправил часть кораблей в Корейский пролив.

Потрясающая новость: вчера арестовали красавицу кореянку, бывшую личную секретаршу полковника Бирда. Арестована вся прислуга: две горничные, камердинер, кухарка, повар, шофер, швейцар, привратник, садовник и прочие всего девятнадцать человек. Всех их нанимала секретарша. Она умела править машиной и обращаться с киносъемочным аппаратом и довольно часто совершала на личной машине полковника прогулки к запретной зоне около 38-й параллели. У нее был специальный пропуск, выданный Бирдом, и она могла свободно проходить во все учреждения, даже во дворец президента Ли Сын Мана. Она очень дружила с женой президента американкой Алисой, которая, вероятно, рассказывала ей все, что узнавала от мужа.

Если будет точно установлено, что секретарша - агент Севера, придется признать, что в центре Сеула, в доме американского советника по делам разведки и контрразведки, в течение нескольких лет помещалась неприятельская разведывательная резидентура. Какой скандал!

Хаш-хаш сказал:

- Самое главное - выяснить: знала ли она об основном плане? И если знала, то успела ли передать своим? Если успела передать, то нам надо начать как можно скорее, пока они не подготовились как следует.

Пак Ча Ден записал текст обращения, только что переданного по пхеньянскому радио. Обращение передано от имени блока

прогрессивных политических партий и общественных организаций Севера и Юга Кореи. Блок, именуемый Единым демократическим отечественным фронтом, предлагает осуществить объединение Кореи мирным путем.

Северяне, очевидно, уже догадываются об всем и стараются изо всех сил предотвратить события.

Надо начать как можно скорее. Это обращение насчет мирного объединения страны лучше всякого архисекретного документа, добытого агентурным путем, говорит о том, что северяне не готовы к войне и боятся ее.

В Сувон прибыли Лим Хо, полковники Судзуки и Хидака и майор Ириэ.

Ямаока, Котани, Ии и другие сейчас находятся в Сеуле.

В Пусан прибыли еще три японских отряда.

Доктору только что сообщили по телефону из Сеула о том, что личная секретарша Бирда и весь штат прислуги казнены. Несмотря на применение различных форсированных способов допроса, никто из них ничего не сказал.

Северяне от имени своего парламента снова передали по радио предложение о мирном объединении страны путем слияния парламента Севернoй и Южнoй Кореи.

Судя по всему, северокорейское правительство не может положиться на свои войска и поэтому всячески старается предупредить акции с нашей стороны.

Из Сеула приезжал с визитом майор Уильям Цой. Говорит, что в последнее время, несмотря на чрезвычайные меры, принимаемые полицией, все чаще и чаще на стенах и заборах стали появляться листовки, призывающие к мирному объединению корейского народа.

Надо скорей начинать!

Советник государственного департамента Джон Форстер Даллес вчера проехал вдоль линии 38-й параллели, осматривая позиции южнокорейских войск. По окончании этого обследования Джон Даллес выступил с речью перед офицерами двух тайханских соединений. Он сказал:

- Я увидел гораздо больше, чем слышал ранее. Вам не может противостоят даже самый сильный противник. Недолго ждать того момента, когда вы сможете проявить свою силу.

Час тому назад меня вызвал Хаш-хаш и слегка дрожащим голосом медленно произнес:

- Завтра утром.

Он достал из чемодана шприц и, отвернув рукав, впрыснул себе порцию хиропона. Я взял из коробки сразу три таблетки и проглотил.

- Когда именно? - спросил я.

- В четыре утра по сеульскому времени.

- Как начнем?

- Взорвутся мины замедленного действия на самой линии параллели. Начнется стрельба. Они ответят. Члены корейской комиссии Объединенных Наций, конечно, удостоверят, что северяне открыли огонь первыми. После артиллерийской подготовки западная армия Ким Сек Вона и восточная Цай Бен Дека ринутся вперед.

Хаш-хаш достал из чемодана бутылку французского коньяка и, наполнив дорожные бокалы, провозгласил тост:

- За начало позитивных действий!

Я сказал:

- За переход от холодной войны к горячей!

Мы чокнулись и выпили.

Хаш-хаш закупорил бутылку и спрятал в чемодан.

- Это очень дорогой старинный коньяк. Следующий глоток из этой бутылки сделаем на берегу Ялу.

Я так и не разглядел этикетку на бутылке.

То, что я записал до сегодняшнего дня, заполнило тетрадь только наполовину. С завтрашнего дня - 25 июня 1950 года - я начну заполнять вторую половину. Каждый вечер буду тщательно, аккуратно, обстоятельно записывать итоги дня - все детали великого продвижения на Север.

С завтрашнего дня начну новую страницу моей тетради. С завтрашнего дня начнется новая страница истории Азии.

Сегодня ночью дух генерала Исихара спустится на землю и медленно пройдет по линии, вдоль которой на днях проехал высокопоставленный американец.

Бог воинов Юмия Хатиман, благослови нас!

ПЛАН В ДЕЙСТВИИ

Все это время было не до записей. Эти два месяца останутся навсегда в моей памяти как ужасный сон. Сон, который длился шестьдесят дней подряд. Я даже ни разу не вспомнил о тетради.

Мой чемодан - в нем была тетрадь - уцелел чудом. Майор Дод из штаба генерала Чэрча - преемника Робертса, схватив мой чемодан по ошибке, швырнул его в проходящий джип. Дод не доехал до Тайдена, его сразил выстрел из бамбуковой рожи, а чемодан доехал. Я нашел его среди вещей, валявшихся перед Тайденским вокзалом. Я сам чуть было не остался в Сувоне. Суматоха началась глубокой ночью после нескольких выстрелов на южной окраине города. Первым укатил сам Чэрч со своим штабом, бросив даже личные вещи. Я кинулся к джипу Хаш-хаша, но перед машиной уже происходила свалка. Меня сбили с ног, я чуть не попал под "роллс-ройс", набитый американскими офицерами. Некоторые были в пижамах, но в шлемах. Потом я узнал, что этот "роллс-ройс" принадлежал тайханскому министру обороны Син Сен Мо. Самого министра выкинули из машины. Его подобрала наша из отряда Саваи, ехавшие в грузовике, но, увидев, что это не японец, опять выкинули. Министр все же добрался до Тайдена - не знаю как. А я спасся благодаря капитану Харуяма из отряда Саваи. Он прыгнул в машину, в которой были какие-то штатские корейцы в шляпах, - очевидно, тайханские сановники, и втащил меня. Кто-то из штатских попытался вытолкнуть меня, но я выстрелил ему в лицо и выбросил из машины. Харуяма погиб нелепой смертью. На крутом повороте он вылетел из машины и угодил прямо под шедший следом за нами студебеккер. В ту ночь Сувон был филиалом ада.

2

Буду записывать как попало. Некогда думать о связности изложения. Сейчас не до этого. Как-нибудь потом перепишу все, исправлю, дополню. А пока что буду набрасывать начерно.

Вначале предполагалось, что наша группа займется проведением особых акций, в частности подготовкой агентов особого назначения и заброской их тем или иным путем в неприятельский тыл для осуществления мероприятий в ожидании подхода наших войск. Но надобность в этом отпала в связи с непредвиденным ходом событий.

Отпала надобность и в "сырье", имевшемся в нашем распоряжении. "Сырье" состояло из арестованных обоего пола двух

категорий - тех, у кого родственники на Севере, и тех, кто был арестован просто с целью выяснения возможности его использования.

Мы имели в виду отобрать из этого "сырья" материал, подходящий для вербовки и заброски. В случае использования того или иного завербованного имелось в виду превратить членов его семьи в заложников. Поэтому мы заблаговременно собрали членов семей всех арестованных - их родителей, мужей, жен, братьев, сестер и детей - и заключили под стражу для сохранности.

Как только выяснилось, что в связи с угрожающей ситуацией на фронте придется начать подготовку к эвакуации, Хаш-хаш распорядился приступить к ликвидации "сырья" и членов их семей. Не таскать же за собой 2 000 с лишним арестованных, добрую половину которых составляют женщины и малыши. По получении сообщения о начале боев в районе Сеула мы решили частично ликвидировать их на одной из окрестных сопок, где были большие пещеры. Это проделали под нашим руководством южнокорейские полицейские. Оставшихся мы переправили на грузовиках в Тайден. Прибыв туда, мы ликвидировали всех до одного накануне ухода из города.

Оставшись без работы, наша группа получила приказание помогать отделу контрразведки штаба 24-й американской дивизии, а затем штаба 8-й армии. Чины контрразведки были завалены работой в связи с приказом командующего 8-й армией Уокера об уничтожении всех подозрительных гражданских лиц, появляющихся в прифронтовой полосе. При отступлении американские войска заставляли жителей всех городов и деревень уходить на юг. Но вскоре возникли опасения, что агенты северян, просачиваясь через линию фронта, пробираются в толпе эвакуирующихся на юг для подрывной работы или для установления связи с партизанами. Ввиду этого американская контрразведка приступила к жестокому прочесыванию эвакуирующихся. На всех дорогах и у входа в каждый город и деревню стали действовать летучие группы контрразведчиков. Первое время всех мало-мальски подозрительных обезвреживали на месте без допроса.

Но так как эти массовые ликвидации подозрительных, проводимые без всякого допроса, не давали никаких данных о деятельности неприятельской разведки, всем летучим группам было приказано препровождать наиболее подозрительных в отделы

контрразведки при частях. А эти отделы, в свою очередь, направляли в контрразведку при штабе армии всех, кого находили интересными. Работать нам приходилось круглые сутки, чтобы скорее пропускать арестованных. Они поступали непрерывно.

Некоторым арестованным перед допросом вводили в организм особые препараты - амитал и пентотал. Нам сказали, что эти препараты, действующие на психику, употребляются сейчас в Америке при допросах, чтобы ускорять признания арестованных. Но эти американские препараты на корейцев действовали слабо. Мы предпочитали применять традиционные форсированные методы допроса, варьируя их по своему усмотрению.

По этой части, пожалуй, самым изобретательным был наш доктор. Всегда корректный, отличающийся своими церемонными манерами, он оставлял свою изысканную вежливость у входа в каморку, где вел допрос с помощью трех технических ассистентов - американских сержантов. Из этой каморки никто из допрошенных не выходил на собственных ногах. Хаш-хаш допрашивал только женщин и тоже был весьма изобретателен.

Эта работа выматывала нас, приходилось поддерживать себя хиропомом и сигаретами, пропитанными героином. После одной бессонной ночи, когда мы профильтровали несколько десятков рабочих и работниц Тэгуской трикотажной фабрики, подозреваемых в содействии партизанам, и сразу же после допроса обезвредили, Хаш-хаш сказал нам:

- Есть два фронта, на которых мы сейчас ведем борьбу с северокорейцами: наземный и наш, экзекуционный. На наземном дела пока идут туговато, зато мы как следует отыгрываемся на другом фронте.

- Есть еще третий, - сказал я, - воздушный. На этом мы тоже отыгрываемся.

- Воздушный это тоже экзекуционный. Наши массированные бомбежки, уничтожающие их население в тылу, это не столько военные операции, сколько карательные.

3

На наземном фронте дела действительно шли неважно. С тех пор как мы начали операции, прошло два месяца. Перед нами не Ялу, а Нактонган, сзади Корейский пролив.

Вся работа нашего Общества изучения истории пошла насмарку. Робертс снова подвел. Обученные и разрекламированные им тайханские дивизии не выдержали первого же контрудара.

Почему так быстро рухнул фронт? Главная причина: позиции войск Ким Сек Бона и Цай Бен Дека были довольно сильны на переднем крае, но не имели большой глубины. Все десять южнокорейских дивизий, двинутых в дело на рассвете 25 июня, готовились не к оборонительным операциям, а к нанесению внезапного и сокрушительного удара. У всех нас - начиная с пятизвездного сёгуна в Хибия и кончая последним тайханским подпоручиком - была твердая уверенность, что враг, застигнутый врасплох, не выдержит удара и будет нокаутирован на месте.

Нанося удар, южнокорейское командование сразу же ввело почти все основные силы в первые эшелоны, чтобы придать им максимальную мощь. Начато было хорошо. Артиллерийская подготовка была очень непродолжительной - надо было скорее накинуться на врага. И южнокорейские дивизии, перейдя линию параллели, ринулись вперед в районах Хэдю, Кымчона и Червона. Перед собой они увидели только несколько небольших отрядов северокорейской пограничной стражи. Эти отряды стали отходить, и южнокорейские войска, вступившие на территорию Северной Кореи, продвинулись в глубину на несколько километров. Но после этого темп наступления стал падать из-за яростного сопротивления северокорейских пограничников. И вместо того чтобы броситься в атаку, выдержав до конца принцип молниеносного удара, дивизии южан стали топтаться на месте, ожидая прибытия своей тяжелой артиллерии. Это замедление темпа продвижения оказалось роковым. Стали подходить части северокорейской армии и с ходу завязывать бои на отдельных участках. Все преимущества, вытекавшие из фактора внезапности, быстро сошли на нет. Противнику была дана возможность прийти в себя и начать разворачивать свои силы. Спустя три часа после первого броска продвижение южнокорейских войск приостановилось, а вскоре на некоторых участках они стали пятиться назад. Враг быстро усиливал нажим и начал контратаки. Вскоре контратаки переросли в общий контрудар. И этого контрудара южнокорейские дивизии не выдержали. Их учили одному: внезапно

наброситься, смять врага и быстро пойти вперед, а не держать оборону.

И в это время противник пустил в ход танковые части. Они вклинились в линии тайханцев, стали все больше и больше расстраивать их боевые порядки. А затем началось контрнаступление северокорейцев. Южане покатались обратно все быстрее и быстрее и, дойдя до своих старых исходных позиций на линии параллели, уже не смогли закрепиться на них. Северокорейцы пошли вперед: на западе - на Сеул, в центре - на Чунчон и на восточном побережье - на Каннын.

На следующий день контрнаступление северокорейцев по всему фронту уже переросло в оперативное преследование южнокорейских войск.

К концу первой недели из десяти дивизий, созданных Робертсом, осталось только три. Война была, по существу, закончена. Но она не закончилась, потому что началась новая война - американо-корейская.

4

Американо-корейская война тоже с самого же начала пошла под знаком неожиданностей.

Макартур бросил в Корею лучшие дивизии. Они составляют гордость и славу американской армии, 1-я мотомеханизированная дивизия - та самая, которая в феврале 1945 года первой ворвалась в горящую Манилу. За этот подвиг Мак удостоил ее чести первой вступить в столицу Японской империи после ее капитуляции. 25-я дивизия, взявшая остров Лусон, разбившая армию нашего лучшего стратега Ямасита; 2-я дивизия, которая известна своим громким девизом: "Вторая - но никогда не бывает второй!" Она высадилась в Нормандии первой, вошла в порт Брест первой, дошла до Богемии первой; 7-я дивизия, взявшая острова Агту, Кваджелейн, Эниветок и Лейтэ; 24-я дивизия, которая после своих побед на Филиппинах получила название "Дивизия Победы", и, наконец, 1-я дивизия морской пехоты, отличившаяся на Гвадалканаре и Окинаве. За годы тихоокеанской войны эта дивизия получила 18337 пурпуровых сердец, побив рекорд по части наград. Все эти дивизии занимают в американской армии такое же место, какое занимали у нас в свое время Гвардейская, Кумамотоская и Канадзавская дивизии.

Мак бросил в Корею лучших генералов американской армии. Уолтон Уокер знаменитый командир 20-го корпуса, прошедший от

Нормандии до Австрии. Его славе завидовал даже Паттон. Хобарт Гэй - тот самый, который был начальником штаба у Паттона; Уильям Кин - бывший начальник штаба 1-й армии; Лоренс Кайзер - прославившийся в Северной Африке, и, наконец, Уильям Дин, благодаря которому 24-я дивизия стала "Дивизией Победы".

И эти лучшие дивизии Америки и лучшие генералы Америки сейчас думают только об одном: как бы не скатиться с Пусанского выступа в море.

Гнали немцев в Африке и Европе, побеждали нас на островах Тихого океана, но ничего не могут сделать на Корейском полуострове. В чем дело?

Из Вашингтона уже прилетали к Маку начальник штаба сухопутных войск Коллинз и начальник штаба военно-воздушных сил Ванденберг и задали этот же вопрос: в чем дело?

Прежде всего стали искать виновников. Прогнали с позором Робертса за то, что он учил южнокорейские войска только искусству неожиданно нападать, а не искусству драться по-настоящему и в особенности искусству перехода от нападения к обороне. В дзюдзюцу и фехтовании на мечях класс определяется именно степенью умения быстро переходить от нападения к обороне.

Затем прогнали начальника центрального разведывательного управления США адмирала Хилленкеттера за то, что он уверил Мака: "Северяне не умеют драться, валяйте". На его место назначили генерала Бэдела Смита, бывшего посла в Москве, а до этого - начальника штаба у Эйзенхауэра.

Всыпали также и министру обороны Джонсону за конфуз, случившийся с отборными дивизиями Америки, за то, что "Дивизия Победы" превратилась в "Дивизию Катастрофы" под Тайденом.

Не тронули только Мака. В прошлую войну ему простили бегство с Батаана, на этот раз ему опять прощают все - и крах южнокорейской армии и крах под Тайденом.

Самое ужасное то, что лопнул самый план. Кто мог ожидать, что крах произойдет на первом же этапе операции?

Сеул был оставлен с такой поспешностью, что даже не было времени сжечь важнейшие документы. Северокорейцы захватили все содержимое сейфов начальника генштаба Цай Бен Дека и министра обороны Син Сен Мо. Северокорейские газеты стали публиковать изо

дня в день секретнейшие документы, касающиеся планов нападения на Север. В том числе и те, которые разработала наша группа.

5

Когда-нибудь соберусь с мыслями, обменяюсь мнениями с Кавабэ, Ямаока, Ии и другими и, подытожив все наблюдения, изложу свои соображения подробно. А пока что записываю начерно, наспех. Сейчас не до записей. Когда обстановка изменится к лучшему, начну записывать подробнее, а пока ограничусь беглыми заметками.

Сразу же выявился ряд изъянов американской армии. Эти изъяны были незаметны в прошлой войне, когда американцы большей частью гнались за немцами и когда войска Мака по очереди брали острова с нашими гарнизонами, не имевшими ни танков, ни боеприпасов.

Не буду говорить о всех изъянах, не хочу торопиться с выводами. Буду говорить только о том, что увидел своими глазами.

На пути из Тайдена в Чэнан я видел валявшиеся на дороге базуки и пулеметы. Их бросали солдаты 24-й дивизии, чтобы как-нибудь ускорить ход грузовиков, на которых они удирали на юг.

Тайденская паника началась сразу же после того, как кто-то пустил слух о появлении северокорейских танков в тылу. Американцы бежали, оставив на произвол судьбы южнокорейские части.

Я знаю: американцы хорошо дрались и на Гвадалканаре, и на Филиппинах, и особенно на Окинаве.

24-я дивизия заслужила по праву почетное прозвище после высадки на Лейтэ. В чем же дело?

Почему в Корее американцы сразу же показали свои слабые стороны? Боятся рукопашных боев. Боятся ночных боев. Боятся сообщений о том, что их фланги под угрозой. Арьергардные бои, как правило, ведут брошенные на произвол судьбы негритянские части или тайханцы.

Противотанковые базуки - вещь хорошая. Из 2,5-дюймовой можно подбить танк, а из 3,5-дюймовой - и подавно. Но надо бить, подпустив танк ближе. А американские истребители танков, увидев, что танк быстро приближается прямо к ним, бросают базуки и поднимают руки. Базука хороша только в том случае, когда она в хороших руках.

Говорят, что северокорейцам трофейные базуки очень понравились.

По моим личным наблюдениям, неважно обстоит дело и с боевым духом. Во время тихоокеанской войны среди американских солдат, находившихся на южных островах, свирепствовала болезнь, получившая название "ананасное безумие". Они вдруг начинали психовать, плакать, простреливать себе руки, кончать самоубийством. Это охватывало иногда целые взводы и роты. Заболевшие подразделения приходилось лечить пулеметами.

В Корее многие американские офицеры и солдаты заболели "рисовым безумием". И этому "рисовому безумию" способствуют не только северокорейские регулярные части, но и партизаны. Пак Ча Ден рассказал мне об одном американском полковнике, который говорил корреспонденту: "Невероятно! Горы стреляют, камни стреляют, рисовое поле стреляет, даже дикие орхидеи в долинах стреляют!"

Южнее Чэнана я видел, как несколько американских офицеров бились в истерике, валяясь в пыли на дороге. Их пристрелили с проезжавшего грузовика.

Я видел, как целая рота, подвергшись внезапному обстрелу с сопки, разбежалась во все стороны. А часть солдат осталась стоять на дороге с поднятыми руками.

Но никто не пришел брать их в плен. Американцы постояли и, закулив сигареты, пошли дальше.

Назвать трусами американских офицеров и солдат я, офицер японской армии, дравшийся с ними много раз, не имею никакого права. Так в чем же дело?

Все американские офицеры и солдаты, с кем мне приходилось разговаривать, возлагают надежду на то, что скоро Гарри и Мак пришлют им А-бомбу и Эйч-бомбу. Надеются на это. Все говорят, что компания Дюпон уже строит в Калифорнии завод водородных бомб. И говорят еще о каком-то полковнике Финксе - начальнике армейского института, который изобрел нейлоновые шлемы и пластмассовые панцири, не боящиеся никаких пуль. И ждут с нетерпением эти шлемы и панцири. Короче говоря, полагаются на чудодейственное оружие, а не на свой воинский дух и военное искусство.

У многих офицеров и солдат в верхнем карманчике - там, где японские воины обычно хранят мешочек с амулетом, - имеется чистый платок. Им обычно не пользуются. Он специального назначения: чтоб помахать им в нужный момент - в знак сдачи.

Американцы называют корейцев "гуками". Солдатам говорят: "Гуки - не люди. Линчуйте их, как вшей".

Штаб американских войск в Корее выпустил воззвание ко всем солдатам войск Организации Объединенных Наций. В нем говорится:

"Находясь в Корее, в этих диких горах и лесах, ты защищаешь великую честь всех наций, преграждаешь путь коммунизму из Азии.

Война идет жестокая, и ты должен во имя спасения своей жизни убивать как можно больше азиатов.

Да не дрогнет твоя рука, если пред тобой окажется даже мальчик, девочка или старик - убивай!

Будь беспощаден!"

Позавчера я видел летчика в боевом наряде - перед вылетом. На нем была кожаная куртка с вшитыми замшевыми полосами. На полосах написано на четырех языках - корейском, китайском, японском и маньчжурском: "Я американский летчик. Не убивайте меня. Отведите туда, где есть пища и вода".

Американцы очень боятся партизан. И особенно им страшны группы диверсантов. Просочившись сквозь линии охранения, диверсанты проникают по ночам в населенные пункты и нападают преимущественно на штабы. Действуют бесшумно, употребляя только холодное оружие, и исчезают как дым. И нападают каждый раз с самой неожиданной стороны и в самый неожиданный момент. Это говорит о том, что у них образцово поставлена разведка. По мнению генерал-лейтенанта Уокера и контрразведки, всех невоенных корейцев, находящихся в зоне расположения американских частей, надлежит считать активными или пассивными пособниками партизан. Поэтому, предохраняя себя от нападения партизан, американцы проводят превентивные мероприятия против всех внушающих подозрение.

На той неделе, проезжая южнее Егвана вместе со мной, Хаш-хаш увидел трех деревенских девочек, шедших гуськом по тропинке. Они несли на голове глиняные чаны и плоские корзинки. Хаш-хаш приказал им подойти поближе. На вид им было лет по семи-восми. Он спросил, куда они идут. Получив ответ, что они идут в свою деревню за сопкой, Хаш-хаш вынул револьвер и уложил всех по очереди. На вершине сопки показалась еще одна девочка. Хаш-хаш предложил мне снять ее и, похвалив меня за меткую стрельбу, произнес:

- Для гуков пол и возраст служат средством маскировки.

6

К нам в Тегу приехал Ии. Мы проговорили почти всю ночь, Кацумата и Минэ вместе с новым отрядом прибыли две недели тому назад в Корею, участвовали в бою под Пхоханом и оба погибли. На этот раз действительно умерли.

Итак, в Японии официально объявлено о создании полицейского резервного корпуса. Предполагалось, что части нашей армии будут по-настоящему пущены в дело только на втором этапе операции. Но в связи с осложнившейся ситуацией Мак решил бросить наши крупные отряды уже теперь. Дзинтан и Муссолини тоже приехали в Корею - многих из отрядов Добаси теперь направили сюда. Из состава резервного полицейского корпуса скоро будет послана в Корею целая дивизия.

Ии сообщил: Общество изучения истории по заданию штаба Мака разрабатывает сейчас проект большой десантной операции. В Токио прибыл самый крупный в Америке специалист по десантным операциям - адмирал Томас Спрэйг. В свое время он разработал план операции "Хаски" - высадки в Сицилии, затем планы высадки на Лейтэ и Окинаве. Значит, что-то готовится. Начальник штаба главнокомандующего Альмонд назначен командиром 10-го корпуса и направляется в Корею. Сейчас на Кюсю сосредоточиваются крупные соединения американских войск и прибыло много судов из состава 7-го флота. Готовится что-то очень серьезное.

Нельзя же сидеть вот так на Пусанском выступе. Неприглядная поза. Весь мир сейчас смотрит на Трумэна и Мака и ждет. Им надо либо распороть себе животы, либо предпринять самую решительную операцию.

7

Удалось! Инчонская операция удалась. Мак объявил своим подчиненным, что идею этой операции он заимствовал из истории англо-французской войны в Канаде - из операции, проведенной в 1795 году английским генералом Джеймсом Уольфом, войска которого, пройдя по берегу реки Святого Лаврентия, одним ударом захватили Квебек - опорный пункт французов.

В инчонской операции принимали участие 10-й американский корпус, английская бригада и батальон японцев под прикрытием 500

самолетов и 300 военных кораблей, в том числе и наших, под командованием вице-адмирала Маэда.

Но эта удача является в то же время и неудачей. Имелось в виду взять Сеул на второй или третий день, чтобы молниеносно отрезать все северокорейские войска, находящиеся на юге, зажать их в тиски и разгромить без остатка. И кончить на этом первый этап операций - войну в Корее.

Однако споткнулись уже в Инчоне. А до Сеула добивались почти неделю. Заняли Сеул только спустя две недели после высадки. А за это время основные силы северокорейской армии успели пройти на север в центральные части полуострова - через районы Вондзю и Чунчона. Победа выскользнула из рук.

Под Сеулом японский батальон погиб полностью, попав под перекрестный огонь. Убит Муссолини - взорван гранатой. Дзинтан тяжело ранен. В Сеуле несколько дней шли уличные бои. Роберт Хан рассказал мне о том, как отряд корейских девушек, вооруженных старинными охотничьими ружьями, дрался в районе Синчона до последней пули. В плен никто не сдался.

Первого октября Мак обратился к северокорейцам по радио с предложением капитулировать. Ответа не получил. Спустя восемь дней повторил предложение. И опять не получил ответа. На города Северной Кореи было сброшено с самолетов три миллиона листовок с предложением прекратить бесцельное сопротивление. Никакого эффекта. Северокорейцы, очевидно, решили засесть в горах и драться до конца.

8

Пятнадцатого октября президент Трумэн встретился с Маком на острове Уэйк, чтобы поздравить главнокомандующего с победой над корейцами. На вопрос президента, каковы прогнозы главнокомандующего, Мак ответил: "Китайцы боятся атомной бомбы. Они не посмеют выступить на помощь корейцам. Как только наши войска подойдут к реке Ялу, в Пекине поднимется паника, а во всем Китае начнутся волнения. Следующая наша встреча, господин президент, состоится в Мукдене". Мак получил из рук президента четвертый по счету орден с дубовыми листьями.

Корейские партизаны несколько омрачили торжество победоносного полководца: 18 октября они захватили в тылу

американских войск шесть городов - Кочан, Кымсан, Чонджю, Муджю, Самчок и Ульчин. Влили шесть капель туши в заздравную чашу вина.

9

Вошли наконец в Пхеньян, не на третий день после начала войны, а только спустя четыре месяца. Город горит. Мак сбросил между Сукчоном и Сунчоном 187-й парашютно-десантный полк, чтобы захватить в плен северокорейское правительство. Операция не дала результата.

В городе уже третий день подряд проводятся очистительные операции жителей сгоняют на берег Тэдонгана и уничтожают с воздуха. По улицам водят привязанных друг к другу девушек, предназначенных для американского офицерского клуба.

Все это я уже видел когда-то. Точно так же я стоял некогда на набережной в Нанкине после его взятия. Наши солдаты точно так же сгоняли жителей к реке и расстреливали их и так же водили по улицам связанных китайцев. Генерал Мацуи Иванэ - бывший командующий нашими войсками в Китае повешен по приговору Токийского международного военного трибунала за массовое уничтожение жителей Нанкина. Теперь он имеет полное право требовать у Мака посмертного оправдания.

Хаш-хаш чуть не погиб. В ресторане на крыше пхеньянского центрального универмага происходил днем банкет, устроенный американскими офицерами. Никого из японцев и южнокорейцев не пригласили. Роберт Хан, который теперь ходит в форме полковника, был очень обижен. Произошло следующее: в разгар пира в зал вошла какая-то молоденькая очень милостивая кореянка лет двадцати с цветами. Она кокетливо улыбалась американцам, кивала им головой в ответ на пьяные приветствия и подошла к эстраде для оркестра. Все решили, что она хочет спеть. Вскочив на эстраду, она вдруг крикнула: "Да здравствует корейский народ! Смерть интервентам!" - и, вытащив из букета одну за другой две гранаты, метнула первую в середину зала, а вторую - в угол. Убито двадцать офицеров, ранено больше сорока. Осколок гранаты задел ухо Хаш-хаша и вырвал кусок мяса. Кореянку схватили у лестницы, отвели в американскую контрразведку. После форсированного воздействия она умерла во время допроса, не проронив ни слова.

Вместе с Робертом Ханом и Генри Лимом я ездил отбирать "материал" для вербовки в Онгдинский лагерь, где собраны пленные штатские северокорейцы и члены их семей. Подходящего "материала" не оказалось. Этот лагерь находится в непосредственном ведении медицинского отдела штаба Мака. Из Америки прибыла группа микробиологов и токсикологов для испытания новых препаратов, в том числе вакцин нашего Исии - "И-8" и "И-11". Опыты дали положительные результаты. Между прочим, выяснилось, что после инъекции "И-11" подопытные женского пола умирают на 32 секунды позже мужчин. Но "И-8" вызывает паралич сердца у женщин раньше, чем у мужчин, в среднем на 17 секунд. Начальник научно-исследовательского отделения лагеря майор Кеннет взял с нас подписку - не говорить никому, никогда, ни при каких обстоятельствах.

Нашей группе приказано приступить к основной работе - подготовиться к заброске агентов. Будем их забрасывать в горные районы Северной Кореи, чтобы поднимали восстание, и в Северную Манчжурию, в район Харбина. Из Сеула нам прислали несколько десятков молодчиков - членов южнокорейской антикоммунистической молодежной организации. Все они носят в петлицах значки с изображением флага Объединенных Наций.

Хиропон вконец расстроил мои нервы. Вчера мне показалось, что кто-то подсматривает за мной из-за двери. Я выстрелил и чуть не попал в проходящего по коридору Пак Ча Дена. Мой адъютант-переводчик теперь щеголяет в форме военного корреспондента (от газеты "Синсекай-симбун") и, по примеру Роберта Хана, Генри Лима и многих других южнокорейцев, стал именовать себя по-новому: Чарлз Джонатан Пак.

Наши войска вышли к Ялу в районе Хесандина. На западном участке наши части уже были в сорока километрах от Ялу, но потом пришлось отойти на восемьдесят километров из-за контрнаступления северокорейцев. К ним пришли на помощь китайские добровольцы. Прогноз Мака не оправдался. Китайцы осмелились прийти на помощь корейцам. По данным воздушной разведки, множество китайцев переправляется по ночам через реку. Хаш-хаш говорит, что Мак собирается выступить с заявлением о том, что в Корею прибыло уже около 800 тысяч китайцев. По части цифр Мак не стесняется, - мы, японцы, знаем это по сводкам его штаба в прошлую войну.

Я уверен, что выступление китайцев не отразится на ходе операций. На северо-западном побережье Кореи американцы смогут использовать крупные мотомеханизированные соединения, подкрепленные массированными силами авиации и флота. Китайцы не подготовлены к такой войне. Они будут разгромлены.

Наша группа прибыла в Сунчон - теперь она будет состоять при штабе 1-го американского корпуса. Судя по всему, готовится наступление - финал первого этапа операций. Корейская кампания идет к концу. В штабе корпуса уже повешены карты Манчжурии. Получен секретный приказ из штаба Мака: дивизия, которая первой переправится через Ялу, получит право включить в свой герб вышитое серебром изображение утки. К приказу приложено разъяснение, составленное каким-то штабным востоковедом, о том, что название реки Ялу изображается двумя иероглифами: "утка" и "зелень".

10

Только что меня вызвал Хаш-хаш. В его кабинете сидела арестованная кореянка лет двадцати четырех-двадцати пяти, похожая на нашу известную киноактрису Ханаи Ранко - такое же продолговатое лицо с удлинненными глазами. Она держала связанные руки на коленях.

Хаш-хаш отвел меня в угол комнаты и шепнул на ухо, обдав запахом героина:

- Начнем завтра на рассвете.

- Пойду укладываться, - сказал я, продолжая рассматривать кореянку.

Она сидела на стуле лицом ко мне. По ее лицу было видно, что она старается изо всех сил сохранять невозмутимый вид, но ее пальцы заметно дрожали. На ней было европейское платье из серой шерсти, совсем чистое и несмятое. В карманчике виднелся кружевной платочек.

- Совсем не похожа на арестованную, - сказал я. - Как будто гостья. По-японски говоришь?

За нее ответил Хаш-хаш:

- Судя по нашим сведениям, говорит, потому что с десяти лет работала на японской ткацкой фабрике. А теперь она студентка Пхеньянской консерватории. Вернее, была. Теперь она арестованная. У нее редкий голос - колоратурное меццо-сопрано. Известно также, что она член Трудовой партии и этим летом ездила в Москву в составе

хора Пхеньянского художественного театра. За все это и еще за одно дело будет скоро отправлена на тот свет. Все эти сведения о ней мы получили не от нее, а от наших агентов. А она нахально молчит.

- Значит, коммунистка. - Я оглядел ее с головы до ног. - И щеголиха. Сразу видно, чья-то любовница.

Хаш-хаш сел за стол и, закурив, пустил ей дым в лицо. Она слегка отклонила голову.

- Эта грязная корейка корчит из себя немую, - сказал Хаш-хаш. - Вожусь с ней уже неделю. Ни слова не говорит. Но поймана с поличным: закладывала пироксилиновую шашку в подвале дома, где живет генерал-майор Милберн.

- Если поймана с поличным, то этого достаточно, - сказал я. - Нечего время терять. Ухлопать, и все. Или отдать в казарму на потеху, материал подходящий.

Хаш-хаш подумал и решительно кивнул головой.

- Вот что. Я вам разрешаю произвести над ней это самое... Берите ее и потрошите. Отведайте корейской печенки. - Он протянул руку к стоявшему в углу японскому мечу, который я ему подарил в знак боевой дружбы.

Я отказался. Печенку принято брать только у воинов.

Хаш-хаш вынул из ящичка стола свою любимую настольную зажигалку.

- Ну что ж, в таком случае начнем обычную процедуру. Может быть, сегодня поможет, и певица наконец излечится от немоты.

Корейка покосилась на зажигалку и пошевелила связанными руками.

- Трусит, - сказал я, усмехнувшись.

Хаш-хаш стукнул по столу зажигалкой и повысил голос:

- Трусит, но молчит, желтая дрянь! Восьмой день корчит из себя дурочку. Ты мне назовешь всех членов организации! Тебе есть о чем говорить. Получены сведения, что ты недавно была в Нонволе и организовала там подпольную группу. И твоя кличка известна, тебя выдал один человек. Тебя зовут "Зоя-4".

- А почему четыре?-спросил я. - И что такое Зоя?

Хаш-хаш пожал плечами:

- Это у них, очевидно, зашифрованное обозначение организатора подпольных групп или связных резидентур. У одной убитой около

Андю найдено зашифрованное донесение с подписью "Зоя-19", а в Токчене нашей агентуре удалось пронюхать, что в городе действуют две коммунистки: "Зоя-31" и "Зоя-56".

Хаш-хаш зажег зажигалку и сказал кореянке:

- Ну, повернись ко мне, мисс Немая.

Она повернулась на стуле, и я увидел: ее платье, которое спереди выглядело совершенно прилично, на спине было прожжено и изодрано во многих местах. Виднелось голое тело - вся спина сплошь гноилась от ожогов. Я понял, что все эти дни Хаш-хаш непрерывно устраивал ей "горячую татуировку", но безрезультатно.

С дальнего конца коридора донесся протяжный истошный вопль, затем хлопнул выстрел. Там допрашивал Роберт Хан. Он часто стрелял в потолок и стены во время допроса. Спустя минуту вопль повторился.

Я пристально смотрел на кореянку. Она крепко закусил губу, но сидела неподвижно, не сводя глаз с изуродованного уха Хаш-хаша. Нечеловеческие вопли ее не испугали, не вызвали икоты. Но пальцы у нее дрожали.

- Нечего возиться с ней, - сказал я и ткнул сигареткой ей в шею. Она вздрогнула. - Тащите ее во двор, я покажу вам класс фехтовальщика от плеча к бедру наискось - одним ударом.

Я пошел к дверям.

- Так и сделаем, - сказал Хаш-хаш и бросил зажигалку на стол. - Все равно ничего не говорит. Всех вас так, желтые гады...

Я обернулся и взглянул на Хаш-хаша.

- Это не вам, чего уставились? - сказал он и подошел к кореянке. Идем, гадина. Придется прикончить тебя.

Она встала, пошевелила связанными руками, чтобы одернуть платье, и повернулась к дверям. Ее лицо заметно побледнело. Она крепко закусил губу и, откинув голову, пошла за Хаш-хашем. Он остановился и, схватив ее за связанные руки, толкнул обратно в сторону стола.

- Делает вид, что не испугалась, собака! Гуки есть гуки. Они не люди, а низшие организмы, поэтому бесчувственны.

Он подошел к ней вплотную, сморщив лицо и выпятив пухлые губы. Она спокойно посмотрела ему в глаза, потом на его ухо. Толкнув ее в грудь кулаком и усадив на стул, он сказал мне, что, к сожалению, ее нельзя ликвидировать сейчас. За ней специально приехали из

Нонвола два офицера отдела контрразведки. Ее хотят допросить там и устроить очную ставку с нашим агентом: может быть, удастся узнать что-либо о диверсионной группе. Завтра ее отправят туда на машине с целым эскортом.

- Как принцессу какую-нибудь, - добавил Хаш-хаш, покосившись на нее. Он снова взял зажигалку. - Ну ладно, Хиропон, идите к себе, укладывайтесь. Я немножко покопчу эту принцессу и тоже рано лягу спать. Надо успеть выспаться... к его приезду... - Он многозначительно прищурил глаза, подражая Макартуру. - Мак прилетит сюда на рассвете, подаст команду сам: "Вперед, к Ялу! К рождеству - домой". Но это так... в порядке обещания. А на деле сразу же начнем второй этап. Наш корпус пойдет прямо на Харбин. А потом начнется третий - завершающий!

Я кивнул в сторону кореянки.

- Она понимает по-японски.

Хаш-хаш махнул рукой:

- Ее уже можно считать трупом. В Нонволе ее сразу так обработают, что испустит дух на первом же допросе. Лорри!

Из коридора вошли сержанты - ассистенты Хаш-хаша - и, сняв с себя куртки, аккуратно сложили их на столе в углу.

Хаш-хаш зажег зажигалку и жестом показал кореянке, чтобы она повернулась к нему спиной. Сержанты взяли ее с обеих сторон за связанные руки.

- Ну ладно, я пойду, - сказал я, зевая. - Завтра вечером, наверно, уже будем на Ялу и сделаем второй глоток из вашей заветной бутылки.

Хаш-хаш кивнул головой:

- Обязательно. А третий глоток - в Харбине. А сейчас идите и укладывайтесь.

Я вышел из комнаты, бросив взгляд на кореянку. Она сидела спиной к Хаш-хашу с закрытыми глазами.

Завтра на рассвете начнется генеральное наступление. Судя по всему, на этот раз победа обеспечена. Мак решил подать команду сам - хочет, чтобы эту сцену описали будущие историки. Значит, он уверен в успехе.

Юмия Хатиман, благослови его!

На этом кончались записи в тетради, найденной в Сунчоне, в штабе американского 1-го корпуса. Пен Хак набросал на листке общее содержание записей и пошел докладывать начальнику штаба. Но тому было не до японской тетради. Отряд уходил из города, так как разбитые части интервентов и их прислужников откатывались в эту сторону. Впереди мчались танки и автомашины 1-й американской кавалерийской дивизии, которой командовал генерал-майор Гэй.

Можно было бы задержать здесь врага и, дождавшись регулярных частей Народной армии, устроить мешок. Но отряд не располагал достаточными силами для проведения такой операции. Главное командование приказало отряду спешно направиться на юго-восток в район Коксана, в глубокий тыл врага.

На этот раз партизаны поехали на совершенно новеньких джипах, доджах и студебеккерах, а командир отряда взял себе джип, на котором было установлено 75-миллиметровое реактивное орудие. Спасибо Макартуру!

В тот момент, когда была подана команда двигаться, прибыла еще одна партия пленных. Их только что захватили на дороге у северной окраины города. Из машины вылезли пять человек, закутанных с головы до ног в одеяла и рваное тряпье. Самый толстый из них и, по-видимому, самый старший запричитал тонким голосом: "Темлим олуй-орум... аман!" Все остальные повторили нестройным хором "аман" и поклонились. Кто-то из бойцов высказал предположение, что "аман", наверно, то же самое, что христианское "амен", - значит, эти пленные европейцы. Насчет их национальности мнения разошлись. А радист сказал:

- Если это христиане, то почему они не крестятся, а только воздевают руки и кланяются?..

Командир отряда приостановил дискуссию и обратился к Ок Тан:

- Узнай, кто они!

К всеобщему удивлению, Ок Тан недоуменно покрутила головой и извиняющимся тоном ответила, что они говорят на каком-то совершенно непонятном ей языке. Командир махнул рукой и приказал погрузить неизвестных на грузовик, где уже сидели десятка полтора трумэновцев, три негра, два англичанина, один австралиец и два филиппинца. Лисынмановцев посадили в другой грузовик. Спустя

некоторое время шофер машины, в которой ехали пленные иноземцы, крикнул:

- Я же говорил, что это не греки и не французы. Это турки!

Пен Хак молча сидел на корточках в углу машины и думал о прочитанном. Он видел на вокзале всех освобожденных в Сунчоне. Среди них две женщины: одна семидесятилетняя старуха, другая - лет тридцати с двумя ребятами. "Зои-4" среди освобожденных не было. Наверное, ее отправили в Нонвол. В штабе отряда уже имелись сведения о том, что интервенты бежали из Нонвола. Жива ли "Зоя-4"?

И где сейчас Хаш-хаш и владелец тетради? Среди пленных, взятых в Сунчоне, их не было - успели ли удрать из города? А если успели, может быть, их перехватили по дороге?

Заметив на обочине дороги три разбитые вражеские машины и трупы, Пен Хак соскочил с грузовика и внимательно осмотрел убитых. Ему крикнули:

- Макатура ищешь? Он не дурак, сидит в Токио.

Недалеко от железнодорожного моста через Тэдонган партизаны увидели большую воронку. На дне ее лежало несколько десятков трупов мужчин и женщин, связанных по рукам и ногам колючей проволокой. Партизаны сняли проволоку с убитых и похоронили их.

Командир боевого охранения, стоявшего у моста, сообщил, что за сопкой с сосновой рощей валяются два лисынмановца и один американский офицер. Их застигли вчера на месте преступления - они засыпали землей яму, наполненную трупами расстрелянных. При виде бойцов отряда они бросились бежать и были уничтожены. Пен Хак спрыгнул с машины и быстро спросил:

- Обыскали их?

- Обыскали, - ответил командир боевого охранения. - У американца ничего не нашли, его документы, по-видимому, были в пальто, а оно осталось в машине. Мы разнесли ее в куски противотанковой гранатой. У лисынмановцев нашли только мешочки с какими-то дощечками внутри, на них выжжены три иероглифа: "Сен ден сан..."

Пен Хак вскрикнул:

- Это по-корейски. А по-японски они читаются: Наритаяма. Есть такой храм... эти дощечки - японские амулеты. Значит, это не лисынмановцы, а японцы. А какой нарукавный знак у американца?

- Лист с молнией.

- Двадцать пятая дивизия! Бежим скорей туда! Это те самые...

Пен Хак бросился вперед, за ним побежали несколько бойцов из его отделения. Он бежал, стиснув зубы от волнения. Когда показалась роща, он загадал: если за ним первым бежит Нам Ен Се, лучший стрелок в отряде, желание исполнится, это они. Обернувшись, он увидел широкую нахмуренную физиономию Нам Ен Се. Значит, исполнится!

Два трупа лежали в двадцати шагах от свежей насыпи, уткнувшись лицом в землю, а третий, в американской форме, - у обломков джипа. Пен Хак подбежал к трупам японцев, приподнял голову первого и посмотрел за ушами, затем обследовал второго. Ни у того, ни у другого шрама не было. Он подошел к трупам. Тот лежал лицом вверх. Его приметы тоже не подходили - этот был высокого роста, с мохнатыми треугольными бровями и подстриженными усами, торчащими вверх.

Сев в машину, Пен Хак невольно усмехнулся. И почему он решил, что обязательно должен найти их? Такие удивительные вещи случаются только в кино или в романах. Там происходят самые невероятные встречи, а в жизни этого не бывает, а если и бывает, то очень редко.

На одном из привалов на исходе ночи Пен Хак доложил командиру отряда и начальнику штаба о содержании записей в тетради, найденной в Сунчоне.

Оба начальника сидели у костра, накрывшись одеялами, на которых было вышито изображение башни с часами на фоне щита. Под щитом на ленточке был начертан девиз: "On the minute" - "Минута в минуту". Это изображение было гербом 37-го артиллерийского батальона 2-й американской дивизии.

Во время доклада Пена Хака к костру подошли еще двое: начальник разведывательной части и врач отряда.

Выслушав доклад, командир отряда - до вторжения интервентов уездный председатель народного комитета - сказал:

- Эти записи американского наймита дополняют то, что мы уже знаем из документов, захваченных нами в Сеуле. И они подтверждают показания взятого в плен офицера штаба 17-го лисынмановского полка Хан Со Хана. Он подробно рассказал нам о плане, который

Лисынмановское командование получило для исполнения от американцев, - плане "Эй Би Си".

Начальник разведывательной части усмехнулся:

- Хотели сказать "эй" и сглотнуть нас в три дня, потом сказать "би"...

- Сказали "эй" и поперхнулись, - произнес командир отряда под общим смех. - Не вышло дело. Американский план предусматривал молниеносный захват нашей республики, затем вторжение в Манчжурию и дальнейшее наступление на север и одновременно на юг - к Пекину. Иными словами, имелось в виду зажечь третью мировую войну. Но те, кто приказал Трумэну и Макартуру привести этот план в исполнение, не приняли в расчет одного обстоятельства. В прежние времена в нашу Корею много раз вторгались иноземные завоеватели, и им удавалось из-за предательства и трусости королей и сановников-ямбаней надевать колодки на наш народ. Но на этот раз американцы имеют дело с народом, который знает, что такое свобода, и не отдаст ее никому. Америка послала свои лучшие дивизии в Корею, приказала всем своим вассалам присоединиться к интервенции, пустила в ход многие "новинки", которые берегла для будущей войны, - начиная с новейших реактивных самолетов и кончая напалмом. Она пытается сломить нас своими "ковровыми бомбежками", уничтожая наши города и деревни по размеченным квадратикам на картах. Но ей не удастся сломить наш народ. Не удастся интервентам разбить нас и пройти в Манчжурию, чтобы зажечь большую войну. План "Эй Би Си" провалился. Мы, корейцы, выполнили свой долг перед человечеством. Мы сильны духом, потому что за нами стоит великий лагерь мира.

Он посмотрел на верхушки елей на сопках, возвышающихся на севере и северо-востоке. Уже светало.

К костру подошла Ок Тан и положила связку хвороста.

Пен Хак вздохнул:

- Мне очень хочется поймать Хаш-хаша и этого японского офицера...

- А зачем тебе именно они? - спросил начальник разведывательной части. - Мы уже все знаем о них. Считай всех интервентов хаш-хашами и хиропонами и бей всех подряд.

- У буддистов есть учение о переселении душ, - сказал командир отряда. - Человек умирает, но сразу же возрождается в другом образе,

и так непрерывно. Но при этом он подвергается каре за грехи в предыдущем существовании. Поэтому если человек был злодеем, то в следующем существовании будет змеей или каким-нибудь другим гадом. Так говорят буддисты, а мы говорим: немецкого эсэсовца уничтожили, а он возродился в образе американского фашиста Хашхаша. А Хиропон - это японский милитарист, которому даже не пришлось возрождаться. Американцы сохранили его и пустили теперь в ход.

Посмотрев на Ок Тан, Пен Хак сказал:

- Спаслась ли все-таки "Зоя-4"? Кажется, уже взяли Нонвол...

- Уже освободили, - подтвердил начальник штаба. - И так же стремительно, как мы Сунчон. Наверное, удалось спасти арестованных.

- Товарищ Юн, ты была в подполье в Нампхо? - спросил врач отряда.

- Нет, я была в Хэдю.

- А какая у тебя была кличка? Номер или имя?

- Нет, у нас... - Ок Тан застенчиво улыбнулась, - девушки брали названия растений.

Начальник штаба рассмеялся:

- Тебя, наверно, звали "Пионом"?

Она тихо ответила:

- Нет... меня звали Ива. "Зоя-Ива"...

- Хорошо придумали наши девушки-подпольщицы, - одобрительно произнес начальник разведывательной части. - Прибавляют к своему номеру или кличке имя Зоя в знак того, что следуют примеру русской героини.

Врач кивнул головой.

- А все юношеские подпольные группы называют себя "Молодой гвардией". И в Пхеньяне, и в Андю, и в Ренми...

- Наша группа в Хэдю тоже называлась так, - сказала Ок Тан.

- Ты расскажи всем, как дают клятву при вступлении в вашу организацию, - предложил Пен Хак.

Ок Тан начала старательно раздувать костер, закрывая глаза от дыма. Командир отряда повернулся к ней.

- Как дают клятву? Я не слышал об этом. Интересно.

Ок Тан уселась у костра, аккуратно поджав под себя ноги, и начала рассказывать:

- Наши ребята сохранили свою самую любимую книгу. Она переведена с русского языка. Это роман, но в нем говорится о том, что было на самом деле, - как русские юноши и девушки во время Отечественной войны создали подпольную организацию "Молодая гвардия". Они боролись и погибли за Родину. Мы все прочитали эту книгу несколько раз, потом видели русский фильм и после этого еще раз прочитали. Чтобы книга не рвалась, мы сделали переплет из персимонового дерева. А после прихода американцев мы стали прятать эту книгу в землю. И когда мы решили создать группу, то каждый клялся вот так... Клял левую руку на книгу и произносил...

Она встала, выпрямилась и, подняв правую руку, приглушенным, но торжественным голосом заговорила:

- Именем тех, о ком написано в этой книге, я такой-то, родом оттуда-то, даю священную клятву бороться, не щадя своей жизни, за землю предков и за счастливое будущее нашей родины. Да будет для меня самой великой честью и почетной наградой, если мне удастся быть чем-нибудь похожим на товарищей, о которых сказано в этой книге...

Все молчали, вынув трубки изо рта. Ок Тан села у костра, закрыв рукой глаза. Спустя некоторое время командир отряда покачал головой и тихо сказал:

- Нет, победить нас невозможно.

В одной из долин, где много глубоких расселин в скалистых сопках, партизаны спрятали машины и пошли дальше пешком по горным тропкам. Не доходя до Коксана, они встретились с бойцами Народной армии и, передав им пленных и часть трофеев, повернули снова на запад. После ряда удачных операций в районе восточнее Чунхуа отряд 11 декабря вступил с юго-востока в Пхеньян, который уже пять дней назад был освобожден частями Народной армии и китайскими добровольцами.

Отряд расположился у Западного вокзала. Пен Хак отпросился у командира отряда и помчался домой. Он не видел мать и сестренку с того дня, как началась война. Он бежал мимо подножия Моранбона, мимо выжженных и взорванных кварталов, мимо громадных воронок, из которых шел дым, как из кратера вулкана, ориентируясь с левой

стороны на пешеходный мост, а с правой - на здание Политехнического института около вокзала. Оба ориентира были разрушены, но он все же нашел квартал Рёнхвари, вернее то место, где был квартал с переулком, в котором он жил.

Через несколько часов Пен Хак вернулся в отряд с окаменевшим сердцем. На пристани, заваленной огромными кучами пепла, он встретил старушку, жившую напротив его дома, и она рассказала ему обо всем. Проходя по пустырю в центре города, он увидел обломок стены какого-то здания, на котором было выведено большими буквами: "Америка, опомнись! Позор, Америка!"

Долго стоял Пен Хак перед этим обломком стены. "Никогда не забудем. Никогда не простим. Будьте прокляты, убийцы!"

В тот же день его отряд влился в Н-скую дивизию, и она двинулась в путь. Бойцы переправились через реку и проследовали мимо вокзала Сонгёри. В спину дул ледяной ветер, пропитанный гарью. Перед вокзалом стояла машина с громкоговорителем. Как раз передавали обращение главнокомандующего. Гулко раздавался молодой, мужественный голос Ким Ир Сена:

- ...Твердую уверенность в победе и неиссякаемую силу поднявшийся на справедливую борьбу за свободу, честь и независимость своей родины корейский народ черпает также в поддержке великих советского и китайского народов, народов стран народной демократии и свободолюбивых народов всего мира...

С пронзительным воем над бойцами пролетела стая реактивных истребителей и исчезла вдали. Свои!

Бойцы шли, а сзади звучали слова:

- Мщение и смерть проклятым врагам - американским вооруженным интервентам и предательской банде Ли Сын Мана!.. Слава доблестной Народной армии и героическим частям добровольцев китайского народа!.. Слава партизанам и партизанкам!.. Да здравствует единый корейский народ!..

Бойцы долго шли молча, а потом запели "Песню народного сопротивления", любимую партизанскую песню. Рядом с сожженным крестьянским домиком лежал, задрав вверх подломленное крыло, вражеский реактивный истребитель "Ф-80". На нижней стороне крыла чернели три большие буквы "USA", а на носу под цифрами была намалевана голая женщина, показывающая язык.

Бойцы остановились, чтобы пропустить вперед танковую колонну и машины, в которых стояли китайские добровольцы в длинных синих ватниках и желтых меховых шапках. Бойцы крикнули: "Вансуй!" Китайские товарищи в знак приветствия трижды подняли руки. А за их машинами проехали два грузовика с громкоговорителями. В первой машине Пен Хак увидел Ок Тан и двух пленных. Очевидно, ехали на первую линию разьяснять интервентам, каким путем они смогут спасти свои шкуры. Пен Хак окликнул Ок Тан. Она весело козырнула ему и, сложив руки рупором, крикнула:

- Я узнала... Та Зоя жива!..

А со второй машины с громкоговорителем гремел голос диктора:

- ...В те дни, когда армия агрессоров шла в глубь Северной Кореи и наше положение было тяжелым, как никогда, нас вдохновляла мысль о том, что мы отстаиваем не только свою землю, но и благополучие всего человечества. Мы обязаны выстоять, чтобы не дать врагу разжечь всемирную войну!..

Бойцы громко запели "Песню освобождения" и пошли дальше - на юг.

Они знали: впереди еще много боев, еще много трудностей, еще много испытаний, но впереди - победа над врагами человечества. Свободная, независимая Корея, мансе! Мир во всем мире, мансе!